

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА**

Філософський факультет

ПОЛІЛОГ

**Збірник статей молодих науковців з історії,
філософії та культурології**

Випуск 3

Одеса
Букаєв Вадим Вікторович
2016

УДК 122/129

ББК 87.774

П50

Рекомендовано до друку Вченою радою філософського факультету
(протокол № 8 від 19.05.2016)

Редакційна колегія:

Чайковский О. В., к.ф.н., доцент (голова редколегії)

Присяжнюк О. Я., к.ф.н., доцент (заступник голови редколегії)

Неклесова В. Ю., к.ф.н., доцент (заступник голови редколегії)

Барвінська П. І., д.і.н., професор

Бачинська О. А., д.і.н., професор

Богата Л. М., д.ф.н., професор

Голубовіч І. В., д.ф.н., професор

Довгополова О. А., д.ф.н., професор

Кушнір В. Г., д.і.н., професор

Хмарський В. М., д.і.н., професор

Ковальський С. В., к.і.н., доцент

Петриківська О. С., к.ф.н., доцент

Петрова Н. О., к.і.н., доцент

Поспелов А. С., к.і.н., доцент

Секретар редколегії – Долгочуб В. А., магістрант історичного факультету ОНУ імені
І. І. Мечникова

Матеріали збірника будуть опубліковані на сайті

<http://www.philosoph.onu.edu.ua/>

Полілог. Збірник статей молодих науковців з історії,
П50 філософії, культурології / редкол.: О. В. Чайковський та ін. —
Одеса : видавець Букаєв Вадим Вікторович, 2016. — 165 с.
ISBN 978-617-7215-69-0

Збірник містить дослідження, що охоплюють широкий спектр проблем з історії, філософії та культурології. Опубліковані дослідження відображають авторське бачення проблем філософії, культурології, історії, етнології та археології. Редакція залишає за собою право редагувати статті. Матеріали збірника призначені науковцям, викладачам вищої школи, студентам, аспірантам та всім, хто цікавиться історією, філософією, соціальними та гуманітарними науками в цілому.

Редколегія виражає щире подяку магістранту історичного факультету В. А. Долгочубу за плідотворну співпрацю.

УДК 122/129
ББК 87.774

ISBN 978-617-7215-69-0

© Автори статей, 2016

ЗМІСТ

ІСТОРІЯ

Ісак В.М. Педагогічний аспект дослідження молодіжного руху в кінці XIX – першій третині XX ст. (за матеріалами «Наукових Записок» Тернопільського Національного Педагогічного Університету ім. В. Гнатюка.....	5
Ковальов Д.В. «Фінляндська Народна Республіка» як більшовицька авантюра.....	11
Коробчук А.С. Погляди В.В. Шульгіна на вищу міру покарання.....	22
Корчевська О.В. Жінки-трубадури як культурний феномен доби.....	26
Лобачьова Т.О. Антропоморфні рослини у лікарській справі.....	33
Паламарчук В.В. Просопографічний портрет полковників війська Запорозького часів Національно-визвольної війни середини XVII ст.: джерелознавчий аспект.....	39
Стебеляк О.В. До питання про сплату лаографії єврейською політевною в Александрії.....	44
Топчий В.И. Первый триумvirат.....	52
Шевцов А.С. Правительственные планы послевоенной перестройки.....	57
Perevertanyi O. The Influence of the Polish–Lithuanian Commonwealth onto Ukrainian Elite in the late XVII th century.....	64
Samofatov M. Historical portrait of Omar Torrijos.....	70
Sorokina K. Brothers Ivan, Mykola and Petro Sokalski, the great Kharkiv residents in the public and cultural life of Odesa in the late XIX th century.....	73

ФІЛОСОФІЯ, КУЛЬТУРОЛОГІЯ

Нофал Ф.О. К вопросу о категории «анийя» в раннем и зрелом арабоязычном перипатетизме.....	78
Олійниченко О.В. Історіософська концепція роману П. Куліша «Чорна рада».....	83
Присяжнюк О.Я. Английский лингвистический компонент в современной языковой ситуации.....	89
Устименко Е.О. Личность и война.....	96
Філюк Л.Н., Марчевская А.В. К современности.....	101
Шевчук К. Субъект в пространстве философии модернизма.....	112
Vogataya L. Humanitarian complexity, new construct's potential.....	129
Fyodorova K. The philosophy and religion of “The Matrix”.....	133
Popravko O. Philosophy of life priorities.....	138
Rubskiy V. Philosophical foundation of ideological debate.....	143
Yakovenko V. 10 Unknown Facts About Chernobyl.....	150

Наукове видання

ПОЛІЛОГ

Збірник статей молодих науковців з історії,
філософії та культурології

Випуск 3

Технічне редагування – Неклесова В.Ю.
Обкладинка – Неклесова В.Ю. (взято з
<http://www.ancientworldmaps.blogspot.com/>
"Mappa mundi Borgia")

Підп. до друку 26.06.2016. Формат 60x90/16. Папір офсетний.
Гарн. «Times» Друк цифровий. Ум. друк. арк. 10,56.
Наклад 100 пр.
Видавець Букаєв Вадим Вікторович
вул. Пантелеймонівська 34, м. Одеса, 65012.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2783 від 02.03.2007 р.
Тел. 0949464393, 0487431393 email – 7431393@gmail.com

вказувалися практичні заходи щодо створення “народного” фронту на окупованій території Фінляндії [15: 147]. Незважаючи на те, що “Фінляндська народна армія” не брала активної участі у бойових діях, з кінця січня 1940 р. Ворошилов попросив Анттілу через Кірілла Мерцкова здійснити спеціальні розвідувально-диверсійні завдання на півночі Карельського перешийку: знищувати склади боєприпасів в тилу фінських військ, підривати залізничні мости, мінували дороги, відрізати залізничне сполучення Вііпурі-Гельсінкі [12: 56].

Спочатку більшовицьке керівництво планувало поширити легітимацію “народної республіки” з Терійокі і найближчих сіл півдня Карельського перешийку на територію всієї Фінляндії, саме тому Сталін і Молотов запросили 15 січня 1940 р. Куусінена і Анттілу до Москви для негайного укладення миру [4: 202]. Проте, чергова наступальна фаза “Червоної Армії” від Койвісто до Яккісальмі пов’язана із проривом лінії Маннергейма в середині січня 1940 р. призупинилась вже за тиждень. Коли стало зрозуміло, що війна затягується, а фінський народ не підтримує маріонетковий “уряд” Куусінена, з газетних шпальт та радіомовлення ССРСР назва “народної” Фінляндської Демократичної Республіки відійшла в тінь і більше не згадується. Окрім цього, додалась і вкрай несприятлива для Москви міжнародна ситуація – уряди США, Франції та Великої Британії, які були заклопотані війною з Німеччиною, почали вимагати припинення війни і налагодження мирних відносин ССРСР з дійсним урядом Фінляндії у Гельсінкі. З 25 січня 1940 р. керівництво ССРСР змушене було визнати фінляндський уряд у Гельсінкі законним і єдиним у Фінляндії [18: 160]. Совецька ж дипломатія була змушена укласти мир з “буржуазним” урядом Фінляндії, який донедавна не вважала законним. Вже 20 лютого 1940 р. восновані загоны НКВД примусово вивезли “народний уряд” Фінляндії з Терійокі спочатку до Ленінграду, а пізніше до Петрозаводська [4: 178]. 12 березня 1940 р. на зустрічі у Москві представники Фінляндії та ССРСР уклали мирну угоду, в якій “народна” Фінляндська Демократична Республіка та її лідер Куусінен не згадуються [19: 154]. Московська мирна угода офіційно завершила Зимову війну, при цьому, попри тактичну перемогу ССРСР, стратегічно перемогла Фінляндія, яка все ж вимушена була поступитись Москві власними територіями – Карельським перешийком, кількома островами у Фінській затоці і частиною північних півостровів Рибачий та Середній. Після цього нарком закордонних справ ССРСР Молотов оголосив про те, що *«фінляндський “народний уряд” вимушений був саморозпуститись і переїхати задля власної безпеки з Терійокі до столиці совецької Карелії...»* [11: 304]. Так завершилися усі спроби більшовицького керівництва здійснити державний заколот з побудови у демократичній та незалежній Фінляндії маріонеткової “народної республіки” на соціалістичний лад.

Проведений комплексний аналіз джерел та вивчення широкого кола наукової літератури з досліджуваної проблематики дозволяє зробити кілька важливих висновків:

- 1) період 1917-1940 рр. став для незалежної Фінляндії справжнім випробуванням на міцність як самостійної європейської держави у боротьбі за свою свободу та демократію;
- 2) Жовтневий переворот і подальша ескалація військового конфлікту як в Росії, так і в самій Фінляндії призвели не до національного розбрату, а до консолідації справжніх фінських патріотів навколо Сенату Свінгфвуда та Армії Маннергейма;

- 3) події Першої світової війни та революційного надриву в Петрограді і Гельсінгфорсі вивели на нову фазу ідею державної самостійності Фінляндії, політична еліта якої була представлена у своїй більшості нащадками шведських колоністів, тож прагнула не дати будь-якій російській владі затягти свою Батьківщину до нового колоніального ярма;
- 4) чітке розуміння становища Росії та Німеччини спочатку у 1914-1918 рр., а потім СРСР і Третього Райху в 1939-1945 рр. змусило переважну більшість фінляндців обрати рейки самостійного розвитку, попри всі спроби затягнути їх в орбіту своїх хижих планів із загарбанням і переділом світу;
- 5) революція 1917 р. стала відправною точкою для здійснення рішучих кроків: проголошення незалежності Фінляндії та подальшої національно-визвольної боротьби з її ворогами;
- 6) більшовицькі спроби створити у Фінляндії власну маріонеткову “народну республіку” як у 1918 р., так і в 1939-1940 рр. були провалені через нерішучість виконавців кремлівського плану та потужну відсіч легітимної фінляндської влади;
- 7) в підсумку, попри територіальні втрати та людські жертви, Фінляндська Республіка збереглася і є на сьогодні однією з найрозвинутіших країн Європи і світу, а жорстка конкуренція на європейських ринках стимулювала розвиток виробництва і поліпшення якості продукції, завдяки чому експортні поставки Фінляндії постійно збільшувалися, сприятливим чином позначаючись на економічному становищі країни.

Приклад Фінляндії, у контексті новітньої російсько-української війни, є дуже актуальним і показовим, адже маленька фінська нація змогла встояти перед нищівною мілітарною потугою більшого у кількості разів ворога і не допустити на своїй території створення керованих з Кремля маріонеткових державних утворень. Українці мають врахувати історичний досвід Фінляндії і прилаштувати його до реалій сьогодення, аби не дати поширитись гангрені під назвою “ДНР/ЛНР” на всю територію України.

ЛІТЕРАТУРА

1. Александров К. Красная агрессия / К. Александров // Советско-финская война 1939-1940 гг. / Ред.-сост. А. Тарас. – Мн., 1999. – 64 с.
2. Амбарцумов Е. Советско-финляндские отношения. – М., 1956. – 562 с.
3. Барышников В. Советско-финляндская война 1939-1940 гг. / В. Барышников // Новая и новейшая история. – 1989. – № 4. – С. 25 – 39.
4. Барышников Н., Барышников В. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939-1940). – СПб.-Хельсинки, 2003. – 242 с.
5. Валь Э. Война Белых и Красных в Финляндии в 1918. – Таллин, 1936. – 100 с.
6. Ковальов Д. Фінляндський рух єгерів: між кайзером та царем. / Д. Ковальов // Питання німецької історії: зб. наук. пр. – Д.: Ліра, 2014. – С. 189 – 203.
7. Маннергейм К. Мемуары // Пер. с финского Куйиала, часть 1. – М., 1999. – 544 с.
8. Маннергейм К. Мемуары // Пер. с финского Злобин, часть 2. – М., 1999. – 526 с.
9. Мельтюхов М. Народный фронт для Финляндии? / М. Мельтюхов // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 88 – 100.
10. Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. – 30.11.1989. – С. 13 – 20.
11. Похлѣбкин В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений 1713-1973 / В. Похлѣбкин. – М.: Международные отношения, 1975. – 471 с.

12. Семиряга М. Политическая подоплека «зимней войны» // Советско-финская война 1939-1940 гг. Хрестоматия. Ред.-сост. А. Тарас. – Мн., 1999. – С. 48 – 66.
13. Соколов Б. Тайны финской войны / Б. Соколов. – М., 2000. – 366 с.
14. Сто замечательных финнов / ред. Т. Вихавайнен. – Хельсинки, 2004. – 781 с.
15. Чубарьян А. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года / А. Чубарьян. – М., 2008. – 223 с.
16. Широкоград А. Финляндия. Через три войны к миру. – М., 2009. – 384 с.
17. Юссіла О. Від Великого князівства до сучасної держави / О. Юссіла, С. Гентілля; пер. з фін. М. Гаугала, В. Пилипенко. – К.: Унісерв, 2002. – 407 с.
18. Jussila O. Terijoen hallitus / Osmo Jussila. – Porvoo, Helsinki: WSOY, 1985. – 200 s.
19. Raunio A. Sotatoimet: Suomen sotien 1939-45 kulku kartoin. – Vantaa, 2004. – 312 s.
20. Suomi J. Talvisodan tausta – Neuvostoliitto Suomen ulkopolitiikassa 1937-1939 / Juhani Suomi. – Helsinki: Otava, 1973. – 246 s.

*Рекомендовано до друку науковим керівником д.і.н., проф. В.О. Василенко
Стаття надійшла до редакції 18.02.2016*

УДК 929Шульгін:323.019.51(470+571)"1907/1917"

ПОГЛЯДИ В.В. ШУЛЬГІНА НА ВИЩУ МІРУ ПОКАРАННЯ

А.С. Коробчук

*студентка IV курсу історичного факультету
Одеський національний університет ім. І.І.Мечникова
Тел. +38068–898–90–07; email: miss.korobchuk@yandex.ru*

У статті автор розглядає позицію депутата Державної Думи Російської імперії II-IV скликання В.В. Шульгіна, щодо вищої міри покарання. Розкриває лінію аргументації його противників і соратників стосовно розглянутого питання. Акцентує увагу на аналізі тогочасних подій в Думі В.В. Шульгіним у його власних спогадах. Наводить приклад, який підтверджує актуальність даного розгляду цього питання на пострадянському просторі.

Ключові слова: Державна Дума; В.В. Шульгін, «бомбісти», «Суд Лінча».

The article author reveals the position the Russian Empire's State Duma's deputy of the II-IV convocation V. Shulgin as to the capital punishment. The author reveals Shulgin's opponents and supporters' arguments regarding the issue. The article emphasises attention on the analysis of those events in the Duma described by Shulgin in his memoirs. The author gives an example that confirms the topicality of the researched issue on the post-Soviet territory.

The key words: State Duma, V. Shulgin, bombers, Lynch law.

В статье автор рассматривает позицию депутата Государственной Думы Российской империи II-IV созыва В.В. Шульгина, по высшей мере наказания. Раскрывает линию аргументации его противников и соратников по рассматриваемому вопросу. Акцентирует внимание на анализ тогдашних событий в Думе В.В. Шульгиным в его собственных воспоминаниях. Приводит пример,

подтверждающий актуальность данного рассмотрения этого вопроса на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Государственная Дума; В.В. Шульгин, «бомбисты», «Суд Линча».

Василь Віталійович Шульгін звернув на себе увагу всієї Росії гучними промовами в Державній Думі, перша з яких була про бомбистів, а друга про «суд Линча». Промовою про бомбистів він кинув виклик «недоторканим»-революціонерам. Тоді єдиним чим мала змогу «помститися» ліва партія це вигнати його з засідання. Друга ж промова, про смертну кару, в якій він доводив, необхідність збереження її в Росії, щоб уникнути народних «судів Линча». Линчуванням депутат з Волині погрожував активу і авангарду російської революції - евреям. Історія законопроекту про смертну кару бере свій початок з заснування Державної Думи в Російській імперії. 19 червня 1906 р. Перша Дума одногослосно втнула скасування смертної кари. У Другій Думі черга до розгляду першочергового питання так і не настала, не дивлячись на добре сплановану репетицію з приводу воєнно-польових судів. Василь Віталійович при цьому акцентує увагу на тому цікавому моменті, що представники партії соціал-революціонерів, котрі приймали рішення та проводили в дію смертні вироки, одногослосно підписалися проти смертної кари [3: 87 – 88].

Актуальне питання хвилювало на той час не лише політиків, депутатів, але також суспільство та інтелігенцію. Наприклад, у 1907 році в Російській імперії була опублікована збірка «Проти смертної кари», в якій видатні діячі культури (філософи, письменники, історики): В. Соловйов, М. Бердяєв, Л. Толстой та ін. засудили застосування репресій та смертної кари в роки Першої Російської революції. Основною метою публікації була «агітація проти смертної кари» [2]. Своєю збіркою вони зовсім заплутали читача в цьому питанні.

28 січня 1909 р. в Третій Державній Думі темою дня було обговорення законотворчої пропозиції 103-х членів Думи про скасування смертної кари. Василь Віталійович у своїх мемуарах висловився таким чином: «Цим шматком паперу сто три депутати намагалися скасувати вікову та безжалісну боротьбу Добра та Зла в цьому світі». В цей час загострилась актуальність питання тим, що протягом трьох післяреволюційних років за вироками воєнно-польових судів по звинуваченнях в розбій та політичних вбивствах було страчено 2835 людей. Проте їх спроба виявилася марною [3: 1293 – 1295].

Розглядався законопроект відносно особового порядку – були призначені дебати з актуальності. Законопроект мав такі положення: «Ст. 1. Смертна кара скасовується. Ст. 2. В усіх випадках, у яких, діючими законами (далі у лапках міститься посилання на чотири збірки законів), застосовується смертна кара, вона безпосередньо замінюється наступною за мірою покаранням». Ввести мову проти передачі проекту на розгляд комісії, виявили бажання депутати Шульгін та Булат, а за передачу в комісію – член Державної Думи Антонов. Булат розкрив у своїй промові головні аргументи, проти смертної кари, які сформувалися протягом століть. Депутат звертає увагу, що смертна кара вже ні кого не лякає, а злочинці навпаки починають вести небезпечну гру з власним життям, намагаючись продемонструвати особистий героїзм [4: 88 – 89]. Головний аргумент протягом усієї промови Булата був підкреслений досить чітко та зрозуміло, а саме безвихідність

цього роду вирок: «Смертна кара повинна бути скасована, щоб жодного невинного не лишити життя». З цим важко, кому не будь, було посперечатися. Варто відзначити, що в біографії товариша Булата був завуальований ще більш «вагомий аргумент». Він був організатором поштово-телеграфних страйків, які відіграли не останню роль в поразці в російсько-японській війні. Розумів він це, чи ні, але через нього лишилися життя значна кількість військових. Через це, депутат Булат був безпосередньо зацікавлений в тому, щоб законопроект був утверджений. Тоді б смертна кара перестала загрожувати йому особисто. У захист проти обвинувачення «правих» Булат, висловлюється: «як би це було дійсно так, то я мав би здійснений смертний вирок, а не сидів би поміж вами». Він також досить активно висловлює власну позицію, спираючись на принципи моралі, та говорить, про існування цілого ряду каральних заходів, і підкреслює, що на відміну від штрафу чи каторги, покарання смертю є безповоротним [3: 1293 – 1296].

Василь Віталійович, через довгі роки в своїх спогадах, погоджується з висновками депутата-октябриста Миколаєм Івановичем Антоновим, який стверджував, що важливе питання не треба було вирішувати так швидко та необмірковано. В книзі спогадів «Роки» Шульгін писав: «Скасувати смертну кару в тодішніх умовах, та ще на «швидку руку», галопом було не можливо». Депутат Антонов, разом з членами своєї партії, вважав, що по пропозиції по даному питанню повинні бути складені комісією на основі серйозної та змістовної доповіді. Найбільш компетентною, на їх погляд, для розгляду питання про смертну кару була судова комісія, тому що до їх складу входили фахові юристи з досвідом розгляду питань кримінального права. На противагу, Шульгін та інші представники партії виступали проти передачі законопроекту в комісію. Виступаючи на захист існування настільки суворого виду покарання як смертна кара, він використовує безпосередньо ті ж аргументи, на які спирався, захищаючи інститут військово-польових судів. Василь Віталійович наводить цікаві приклади того як смертна кара служила для відведення від численних самосудів, подібних лінчіванію негрів в Америці. Наприклад, в 1908 році розглядалася резонансна на той час справа про вбивство родини Островських, яку вирізали в надії відшукати капітали. В результаті слухання судової справи, четверо були засуджені до смертної кари, а дві жінки до каторги впродовж 15 і на 20 років. В цей же час розлючений натовп намагався надто голосно викрикував, щоб не захищали «цю гидоту», а видали винуватців злочину народу. Інтерес представляє собою, з точки зору депутата, приклад того як одного разу покарання стратою було застосовано щодо циганської зграї, яка зарізала 40 осіб, під час пограбування волосних управлінь. Василь Віталійович, проводить захоплюючі історичні паралелі з історією середньовічної Європи, в якій проводилися з дня в день «найсвятіші інквізиції», в той час як в Росії різного роду чаклунів змушували бити поклони перед іконами або ж лягати хрестом у церкві [3: 1294 – 1298].

В.В. Шульгін пропонує депутатам Думи свій варіант вирішення актуального питання, а саме, розділити його на дві частини. Для початку, на його думку, слід проголосувати за чи проти передачу питання в комісію, а після цього вирішити, яка комісія більш компетентна в вирішенні подібного роду справ. Також він вказує, що в разі такого результату справи повинні бути встановлені певні терміни для підведення підсумків. Василь Віталійович, виступаючи перед всією Думою, наголошує на тому, що він разом з цілим рядом однодумців голосуватиме проти передачі законопроекту в комісію! На таку пропозицію відгукується депутат

Маклаков, який також вважає недоречним передачу законопроекту в комісію. На його думку, це означає його «поховати», оскільки будь-яка з комісій обтяжена цілою купою своїх справ. А від судової комісії, яка найбільш підходить для розгляду даної справи, депутат гадує, що Дума до сих пір не дочекалася висновків з питання про місцеві суди. Виходячи з стенограм Державної Думи, ми також бачимо, що Маклаков, у разі, переходу законопроекту в комісію перейде, підтримає пропозицію В.В.Шульгіна про встановлення термінів для подання комісією доповіді.

Аналогічну з Шульгіним точку зору на питання про терміновість законопроекту має депутат Гегечкорі. Він, на відміну від вищевказаних депутатів, не вважає за необхідне докладний розгляд законопроекту в комісії, а вимагає терміново його розглянути «негайно і по суті». Однак на відміну від Василя Віталійовича депутат Гегечкорі, виступає за необхідність термінового скасування вищої міри покарання. Фракція 17 Жовтня, в особі депутата Антонова висловилися категорично проти запропонованого Маклаковим варіанту розгляду цієї сторони законопроекту, акцентуючи увагу, на те що партія одногослоно виступає проти комісії [4: 89].

У результаті тривалих дебатів в думських кулуарах, було винесено на голосування питання, про передачу законопроекту, про скасування смертної кари, в комісію. В результаті пропозицію прийняли 179 голосами, проти виступили 133 депутата. Після того як рішення щодо першого з пунктів було прийнято, головою Думи було винесено на голосування питання, яке було підняте депутатом Маклаковим: про створення особливої комісії для вирішення питання про смертну кару. Однак дана пропозиція не знайшла відгуку у більшості, і як наслідок була відхилена. Таким, чином законопроект було направлено в судову комісію. Яскраво висловився щодо отриманих результатів депутат Пуришкевич: «Похован за першим розрядом!». Згадуючи про це Шульгін, говорить, про те, що він мав рацію, оскільки розгляд цього питання «лягло в довгий ящик». Ні Третя Дума, ні тим паче Четверта не поверталася до питання про скасування смертної кари [4: 89].

На наступний день після виступу В.В. Шульгін отримав найвище схвалення імператора Миколи II, який, ознайомившись з аргументами депутата промовив: «Дякую вам! Ви сказали так, як повинен говорити кожен, хто любить свою Батьківщину» [1: 236]. Інтерес представляє собою те, що президією Верховної Ради СРСР від 26 травня 1947 року «Про скасування смертної кари» проголошувалася скасування смертної кари в мирний час. Даний указ встановлював, те що злочини, за які передбачалося покарання смертною карою, було введено нову міру покарання – ув'язнення у виправному трудовому таборі терміном на 25 років. Історик Репніков, вважає, що Шульгіну, який до моменту звинувачення в «антирадянській діяльності», досяг зрілого віку, мав би бути засуджений до розстрілу, а його життя врятувало лише те, що в момент винесення вироку смертна кара в СРСР була скасована. Шульгіну пощастило ще більше, якщо згадати, що вже 12 січня 1950 року вища міра покарання в СРСР була відновлена для «зрадників Батьківщини, шпигунів, підривників-диверсантів». Таким чином, свою популярність в Думі він знайшов промовами про Суд Лінча і бомбистів, висловлював і ретельно аргументував Василь Віталійович свою точку зору на доцільність існування військово-польових судів, які були впроваджені П.А. Століпіним. На сьогоднішній день в світі налічується 130 країн, які скасували смертну кару за законом чи на практиці, і 68 країн, які зберігають і продовжують застосовувати вищу міру покарання. Саме тому зараз в сучасному світі це питання залишається досить актуальним, а отже варто

зазначити, що не так далеко був Шульгін від сучасної концепції 21 століття. На сьогоднішній день депутати Державної Думи Російської Федерації, під час своїх виступів, час від часу, підіймаючи питання, про необхідність такої міри покарання, говорять про самосуди, до, яких може привести безкарність і жорстокість злочинців, або дискутують про, те, що можна виправити якимось чином, винуватців тяжких злочинів. Це підтверджує, що Шульгін також намагався викликати своїх супротивників і соратників до конструктивної дискусії. Прикладом, цього можуть послужити слова депутата Думи РФ В.Семаго: “А чи не боїтеся ви того, що якщо у когось відняли життя, то його родичі просто візьмуть на себе функцію і місію виконання вироку, який, на їхню думку, буде справедливим? .. Якщо держава не бере на себе функції помсти за злочин, то це розв’язує людині руки ...”. Існують люди, яких неможливо виправити, при цьому застосування до них смертної кари є вимушений захід. Слід зазначити, що перелік злочинів, за які повинна прослідувати надто суворі міра покарання, переніс ряд оновлень.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Жуков Д.А. Сны Шульгина / Д. А. Жуков – М.: Книжный клуб, 2013. – 704 с.
2. Журкина А. Смертная казнь. Лев Толстой и современность. – Режим доступа: <http://sneek.ru/refefaty/a-zhurkina-smertnaya-казнь-lev-tolstoi-i-sovremennost.htm>.
3. Стенографические отчеты / Гос. дума, третий созыв, сессия вторая. – СПб: Государственная типография: 1908-1909. – 3152 с.
4. Шульгин В.В. Годы. Воспоминания члена Государственной Думы / В.В. Шульгин. – М.: АПН, 1979. – 581 с.

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. І.М. Шкляєвим
Стаття надійшла до редакції 21.05.2016*

УДК 78.071.2:94(4)"1000/1200"

ЖІНКИ-ТРУБАДУРИ ЯК КУЛЬТУРНИЙ ФЕНОМЕН ДОБИ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ

О.В. Корчевська

*студентка V курсу заочного відділення історичного факультету,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел. +38098-622-20-72; e-mail: aksiliss@gmail.com*

Дана стаття присвячена феномену жіночої поетичної творчості в добу Середньовіччя. В центрі уваги творчість жінок-трубадурів – авторок світських куртуазних пісень. У статті розглядається деякі фрагменти їх біографій, а також збережені кансони та тенсони, в яких розглядається особливий - жіночий погляд на куртуазні цінності та ідеали. Особливу увагу приділено відображенню жіночого ставлення до канонів куртуазних традицій та правил.

Ключові слова: жінки-трубадури, Середньовіччя, кансона, тенсона, куртуазне кохання.

Данная статья посвящена феномену женского поэтического творчества в эпоху Средневековья. В центре внимания творчество женщин-трубадуров – авторов светских куртуазных песен. В статье рассматриваются некоторые фрагменты их биографий, а также их сохранившиеся кансоны и тенсоны, в которых рассматривается особенный – женский – взгляд на куртуазные ценности и идеалы. Особенное внимание уделено отображению женского отношения к канонам куртуазных традиций и правил.

Ключевые слова: женщины-трубадуры, Средневековье, кансона, тенсона, куртуазная любовь.

This article deals with the phenomenon of women's poetry in the Middle Ages. The author focuses on women-troubadours' courtois songs. The chronological frames are 12-13th centuries. Some fragments of troubadours' biographies as well as their survived compositions are considered. Special attention is given to the display of women's attitude to the courtois values and ideals.

Keywords: women-troubadours, medieval, courtois, canzone, tenzona, courtly love.

Важливим елементом Середньовіччя була куртуазна культура, становлення якої відбувалося в європейських країнах наприкінці XI – початку XII століть у середовищі феодального дворянства, при дворах знатних сеньйорів. Батьківщиною куртуазної культури стала Окситанія, а першими ліриками – трубадури (провансальські співці XI – XIII століть).

Серед творців куртуазної лірики можна було зустріти представників різних суспільних станів: королів, знатних феодалів, кліриків, осіб нижчих верств. Але яскраву галерею уявних образів і картин у ліриці трубадурів було створено завдяки жінкам, які виступали не лише як музи для трубадурів-чоловіків, але і як поетеси. Зокрема, досить популярною була творчість таких жінок-трубадурів як графині де Діа, Алазаїс де Поркайрагас, Каstellоза, Марія де Вентадорн та Дона Ломбарда. В основу їхньої творчості були покладені як правило автобіографічні дані, їхні індивідуальні почуття та людей, що їх оточували. Ці жінки-поетеси для доби Середньовіччя стали справжнім феноменом, який показує нам інший погляд на куртуазні цінності та ідеали, та зробили свій внесок в розвиток куртуазної культури. Якщо про трубадурів чоловіків відомо багато, завдяки збереженням життєписам, хронікам, творам, то про дам-поетес, на жаль, збереглося замало інформації, що стосуються їхнього життя та творчості. До нашого часу збереглась мала частина спогадів про жінок-трубадурів, життєпис складений середньовічними авторами, кілька десятків збережених творів – це все, що дає нам можливість дізнатися про перших поетес середньовіччя. Найчастіше використаний по відношенню до них термін «трубадурка» (trobainitz) вперше з'явився в романі «Фламенка» [8] написаному в XIII ст. невідомим автором. «Трубадуркою там звуть Маргариту, одну з двох служниць головної героїні, коли та «знаходить» необхідне слово, що складається з двох складів, за допомогою якого можна продовжити діалог, що розпочався в церкві між її господинею та прекрасним кліриком» [8: 57]. Слід зазначити, що у середньовічних джерелах згадок про жінок-трубадурів збереглося досить мало, (в «Життєписах трубадурів» [2], складених середньовічними авторами в XIII-XIV ст., та в інших документах, що донесли до нас відомості про життя та

творчість двох десятків жінок-поетес). Можна припустити, що цих талановитих жінок було значно більше, але, на жаль, багато імен були втрачені та не збереглися до наших днів. Також можливо припустити, що збереглися імена лише тих жінок-трубадурів, хто мав високе соціальне становище в суспільстві та належав виключно до аристократичного стану. Збереглися декілька середньовічних мініатюр із зображенням жінок-трубадурів, одягнених в довгі сукні, прикрашені золотим шиттям, у плащах, підбитих хутром.

Дуже поширеним явищем було те, що під час хрестових походів того періоду дами самостійно і успішно управляли феодальними маєтками, причому, не тільки у Франції, але і по всій Європі. Зокрема, із зазначеними факторами було пов'язано зміцнення позиції жінок Південної Франції і можливість їх музично-творчої реалізації. Вони прекрасно володіли куртуазним лексиконом та технікою вірша. Також займалися виробленням кодексу кохання. У вишуканості складання строф і рими, вони досягли тих же висот, що чоловіки трубадури. Вони ніколи не натякали на свою причетність до «цеху поетів», але на відміну від своїх побратимів по перу, *trobairitz* не писали ні політичних, ні повчальних віршів, та внесли свій вагомий внесок насамперед в любовну поезію. Завдяки «Життєпису трубадурів» [2] нам відомо що ці дами активно брали участь в поетичних діях: співали, танцювали, грали на музичних інструментах, виступали партнерами чоловіків у поетичних діалогах. Варто відзначити, що першість серед цих надзвичайних жінок неодмінно належить найбільш відомій з куртуазних поетес Окситанії – графині Беатрисі де Діа. Відомостей про її життя збереглося вкрай мало. Факти, що стосуються її біографії, досить уривчасті, в точності не відомо, ким була ця поетеса. В «Життєписі древніх і найславніших провансальських поетів» Жак де Нострдам надає їй наступну характеристику: «Графиня де Діа була свого часу пані доброго розуму і добродісна, великої краси і чесного способу життя, досвідчена в поезії і в віршотворенні провансальському...» [2: 274]. Також, згідно «Життєпису трубадурів», вона була закохана у відомого трубадура Раймбаута Оранського (д'Ауренга): «Полюбила вона ен Раймбаута Оранського і склала в його честь безліч прекрасних кансон», [2: 204] і, як ніхто інша, вміла славити любов. Графиня де Діа писала свої твори у «легкому стилі». Всі її пісні за своїм змістом підпорядковуються правилам куртуазної поезії. У своїх піснях вона показувала себе ідеальною закоханою. Головною темою її віршів – це скарги Дами, покинутої коханим. Її твори розкривають куртуазну любов з жіночої точки зору. За палкість пісень її називали «провансальською Сапфо». Творча спадщина яка залишилася після неї і належать до найбільш прекрасних і пристрасних віршів, коли-небудь складених жінками-трубадурами. В яких, як і у трубадурів-чоловіків, незадоволене бажання забирає поетесу в уявний світ, де *trobairitz* з жіночою пристрасною намагається розповісти про свою мрію, свій ідеал:

«Вернись, мой прекрасный друг!
Мне тяжело ночь за ночью ждать,
Чтобы в лобзанье передать
Вам всю тоску любовных мук
Чтоб истинным, любимым мужем
На ложе вы взошли со мной
Пошлет нам радость мрак ночной,
Коль мы свои желанья сдружим!» [4: 76]

На жаль, музика до цієї кансони не збереглася. Всі інші її кансони теж були виконані в «легкому стилі». Уся тема поезії «середньовічної Сапфо» пронизана болем та образою покинутої жінки, що говорить мовою не гнівних прокльонів, а ніжних докорів. Її пісням властива особлива сила, наділена вогнем сильної особистості прекрасної жінки-трубадура. Вони не порушують правил куртуазної любові. Але в них жінка переймає роль «васала» з ролі «господині». Можна зробити висновок що жінки-поетеси просто наслідували стиль своїх побратимів-чоловіків, ставлячи відповідні наголоси в жіночому роді замість чоловічого.

Таким чином, в куртуазній літературі відбувається дещо дивне: спочатку куртуазні поети штучно підносять жінку, порушуючи «природні взаємини між статями», потім куртуазні поетеси міняються ролями зі своїми побратимами-чоловіками і повертаються до вихідного положення. Якщо звернутися до головних тем творів жінок-трубадурів, то можна побачити, що більшість тем присвячена ствердженню, як вони люблять своїх коханих «більш за все на світі»; що вони помруть, якщо не досягнуть будь-якої радості; що вони бувають щасливі тільки уві сні; що їх серце знаходиться у коханого; що вони обливаються слізьми замість того, щоб співати; що мета їх поетичної творчості – прославлення чеснот коханого, вони благають, щоб їх страждання були пом'якшені хоча б видимістю доброго ставлення; вони запевняють, що відмова спричинить їхню смерть, яка тяжким гріхом ляже на душу коханого і викличе по відношенню до нього відповідну суспільну реакцію, наприклад з творчості графині де Діа:

« – Друг мой! Я еле жива, –
Все из-за вас эта мука.
Вам же дурная молва
Не любопытна нимало... » [4: 76]

або з творчості Кастеллози:

«... Мечты больной,
Лишь муки умножая.
Удел и так мой зол,
Судьбины произвол
Меня и так извел ...» [4: 115]

Все це дуже характерно для творчості жінок-трубадурів. Також для них був характерен автобіографічний характер творчості, що виявлявся в прямому впливі обставин особистої долі на виникнення пісень. Розуміння цієї традиції, до речі, часто допомагало визначити авторство твору, виходячи з достовірних історичних фактів. Вже згадана нами Кастеллоза, яка за давньопровансальською «біографією» була знатною дамою з Альверня (Оверні), що жила на поч. XIII ст. Творча спадщина її велика і хіба що трохи поступається графині де Діа. Відомо чотири її твори – це любовні кансони. З жінок-трубадурів вона залишила після себе одну з найбільших віршованих спадщин. Згідно «віда», вона була з аристократичного стану, дружина Тюрка де Мейрона, [2: 164] і, можливо, відчувала сильні почуття до дворянина більш високого, ніж вона, соціального становища, імовірно, до Армана де Бріона.

Всі пісні що збереглися, вона, імовірно, адресувала йому. «Віда» описує її так: «... дама повна веселошців, вельми досвідчена в законах вешества і прекрасна обличчям», [2: 164] що дає нам уявлення про неї як про жінку «освічену», «з почуттям гумору» та «вкрай привабливу». Трагічність кохання Кастеллози полягало в тому що її обранцем був Арман де Бріон, який був за станом вищим від неї, але це повністю відповідало куртуазним принципам того часу, коли один з закоханих обирав роль господаря, а інший присвячував себе йому, ставши васалом, але це було більш характерно для чоловіків, в творчості Кастеллози ми бачимо на цьому місці жінку, що порушує, як і в творах графині де Діа, куртуазну концепцію, прийняту в ці часи. Авторка визнає, що її коханий заслуговує на «dompna d'ausor paratge» (жінку-дворянку), котрою вона сама не є. Кастеллоза усвідомлює те, що її залицання не схвалить інші жінки, котрі вважають прийнятною ініціативу лише з боку чоловіка: «Я знаю, що мені це подобається, навіть якщо іншим це здається непристойним, аби жінка залицалася до лицаря або ж зверталася до нього з довгими проханнями» [2: 164]. Але вже інші мотиви ми можемо бачимо в творчості іншої жінки-трубадура Дони Ломбарді, яка теж перебувала у нижніх відносинах з Бернантом Арнаутом, що теж як у інших жінок-трубадурів знайшло відображення в її пісенності:

«Сеньор Джордано, отдам Вам вродє дани
Власть в Галлии, в Нормандии, в Бретани,
А Вы отдайте мне без пререканий
В Ломбардии, в Ливорно и в Ломани;
Коль скоро так,
Я Вам не враг.
Подняв на поле брани
За Вас свой стяг...» [2: 193]

Слід зауважити, що це єдина збережена робота даної жінки-трубадура, яка має велику цінність, бо витримана в порівняно «темному стилі». Дона Ломбарда єдина відома з жінок-трубадурів, хто так писав. Поезія в подібній манері була характерна для вузького кола слухачів та рідко використовувалась серед чоловіків-трубадурів.

Аналізуючи інші твори жінок-трубадурів, до цього часу ми не зустріли жодного документа, що свідчить про горезвісну «перевагу коханої над коханим». Втім, нам можуть заперечити, що питання про те, чи можуть чоловік і жінка бути рівні в любові, було поставлено в «полеміці» між Гі д'Юсселем і Марієно де Вентадорн. Тенсона «Гі д'Юссель, чи сердитий мій докір...» [4: 122] іноді тенденційно використовується в науковій літературі, ми дозволимо собі розібрати це більш детально. Ця тесана постала перед нами як куртуазний двобій, головна тема якого є: чи має в любові куртуазна дама перевагу над чоловіком:

«—Гі д'Юссель, сердит мой упрек:
Почему, о пеньє забыв,
Вы молчите? Талант ваш жив,
И к тому ж вы любви знаток:
Так ответьте, должно ль Даме в обмен
На страстность представленных другом сцен
С ним столь же страстный вести разговор?

С такой точкой зренья возможен спор...» [4: 122]

На думку Марії де Вентардорн, «коханий повинен просити або вимагати так, якби він звертався до подруги і до пані одночасно; що стосується пані, то вона повинна почитати в своєму коханому одного, а не пана. Адже спочатку коханий з'явився до жінки, став на коліна, склавши руки, і заявив:

« – Ги, влюбленный, подав нарек
Даме, должен быть терпелив
И благодарить, получив
Милость в должном месте в свой срок;
Пусть просит, не поднимаясь с колен:
Она – и подруга, и сюзерен
Ему; превосходство же ей не в укор,
Поскольку он – друг ей, но не сеньор ...» [5: 123]

І дама прийняла його на цих умовах як васала, і я абсолютно справедливо вважаю його зрадником, якщо він віддавшись дамі як слуга, потім поводить себе як рівний». Справді, теорія Марії де Вентадорн, попереджає теорії вчених XIX і XX ст., в корені суперечить самому духу лицарської любові провансальської літератури знайшовся хоча б ще один текст, в якому захищалися б думки, висловлені цієї знатної дамою, до речі сказати, аж ніяк не у вигляді загального непорушного закону, а в якості предмета для суперечки.

Цікаву творчу спадщину також залишили ще одна жінка-трубадур Азалаїс де Поркайрагас, яка згідно «Життєпису трубадурів» була «... дама знатна і досвідчена в законах вєжества, родом була з округу Монпельє. [...] Дама ця володіла трубадурським мистецтвом ...» [2: 168]. Єдиний її вірш, що зберігся до наших днів під її ім'ям доводить що вона була, була сучасницею Раймбаута Оранського (д'Ауренга). Існує припущення, що саме її він оспівував під ім'ям Жонглер:

«Лишь вы, Жонглер прекрасный мой,
Вы знаете неоспоримо,
Какая Донна мною чтима...» [6: 57 – 58].

Її єдиний збережений твір – плач «Ось і зимова пора...», [4: 79] в якому поетеса оплакує смерть свого коханого Раймбаута Оранського (д'Ауренга), який являється унікальним бо з одного боку є єдиним збереженим твором у подібному жанрі написаного жінкою-поетесою, а по друге є джерелом для вивчення життя відомого трубадура Раймбаута Оранського (д'Ауренга).

У всьому, що стосується вишуканості форми та рими, жінки-трубадури досягли тих самих висот, що і чоловіки. Вони прекрасно володіли куртуазним лексиконом та технікою вірша, перетворюючи цікаві для них як для жінок теми в солодкозвучні кансони, і в цьому полягала основна відмінність їхнього віршування. Вони внесли свій вагомий внесок насамперед у любовну поезію та писали в манері «легкого та темного стилів», також вони аж ніяк не поступалися трубадурам-чоловікам у літературній техніці. На жаль, збереглося мало свідчень сучасників про публічні виступи жінок-трубадурів. Немає відомостей про висловлювання авторитетних

авторок на захист творчих здібностей слабкої статі, хоча аристократки мали для цього всі можливості. Однак на підставі зробленого нами аналізу все одно можна прийти до висновку, що жінки-автори нарівні з чоловіками брали активну участь в світському літературному та музичному житті Середньовіччя і впливали на його вигляд. Їхні збережені твори, дають нам можливість розглянути куртуазну любов з жіночої точки зору. Сам факт їхнього існування в епоху Середньовіччя вже є самим по собі культурним феноменом, який зробив великий внесок в розвиток куртуазної культури. Ці обставини відкривають все нові горизонти досліджень перед дослідниками. Безсумнівно, творчість цих жінок займає рівноправне почесне місце в класичній куртуазній літературі трубадурів.

Історія жіночої літературної та музичної творчості у Середньовіччі, безумовно, розширює наші уявлення про європейське поетичне та музичне мистецтво, яке є невід'ємною частиною культурної мозаїки, без яких загальна картина епохи не може вважатися повною.

ЛІТЕРАТУРА

1. Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во время трубадуров XII – XIII вв. / Женев'єв Брюнель-Лобришон, Клоді Дюамель-Амадо; [пер. Е Морозова]. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 414 с.
2. Жизнеописание трубадуров / сост. М.Б. Мейлах. – М.: Наука, 1993. – 735 с.
3. Иванова С.В. Женщины-творцы в светской музыкальной культуре Средневековья / С.В. Иванова // Музыкальная академия. – 2010. – № 1. – Режим доступа: http://ikompozitor.ru/links/МА_2010-1_p158-161.pdf
4. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия Вагантов / отв. ред. И.В. Абашидзе; [пер. В. Дынник]. – М.: Худ. лит., 1974. – Т. 23. – 575 с.
5. Песни Трубадуров [пер. А. Г. Найман]. – М.: Наука, 1979. – 260 с.
6. Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. – М., 1984. – 462 с.
7. Пуришев Б. Лирическая поэзия средних веков / Б. Пуришев // Поэзия трубадуров. Поэзия вагантов. – М.: Худ. литература, 1974. – Т. 23. – С. 5 – 28.
8. Фламенка [пер. А.Г. Найман]. – М.: Наука, 1983. – 318 с.
9. Фридман Р.А. Любовная лирика трубадуров и ее истолкование / Р.А. Фридман // уч. зап. / Рязанский гос. пед. ин-т. – 1965. – Т. 34. – Вып. I. – С. 87 – 417.
10. Шишмарев В.Ф. Лирика и лирики позднего средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса [Электронный ресурс] / В.Ф. Шишмарев. – М., 1911. – Режим доступа: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_003787028/

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. І.В. Немченко
Стаття надійшла до редакції 09.06.2016*

Т.О. Лобачьова

студентка I курсу історичного факультету,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел. +38095-051-61-48; e-mail: tataalex777@gmail.com

Стаття присвячена антропоморфним рослинам, дослідження яких завжди цікавило людство, тому що ці рослини поєднували у собі лікарські та магичні якості. Завдяки аналізу походження антропоморфізму з давньоримської доби, авторка має можливість простежити розвиток ототожнення певних рослин з людською постаттю. Головними джерелами були праці Плінія та Діоскорида, що описують рослини та їх властивості.

Ключові слова: антропоморфізм, лікарські рослини, мандрагора, магичні властивості.

Статья посвящена антропоморфным растениям, исследование которых всегда интересовало человечество, потому что те растения сочетали в себе лекарственные и магические свойства. Благодаря анализу происхождения антропоморфизма с древнеримской эпохи, автор имеет возможность проследить развитие определенных растений с человеческой фигурой. Главными источниками были труды Плиния и Диоскорида, описывающие растения и их свойства.

Ключевые слова: антропоморфизм, лекарственные растения, мандрагора, магические свойства.

The article is devoted to anthropomorphic plants studing of which always interested mankind as those plants combined magical and medicinal qualities. Thanks to the analysis of anthropomorphism starting from the Roman era, the author has the ability to trace the identification of certain plants with the human. The main sources were the works of Pliny and Dioscorides describing plants and their properties.

Key words: anthropomorphism, herbs, mandrake, magical properties.

Важливість обраної теми ми вбачаємо у тому, що дослідження незвичайних рослин завжди цікавило людство, а найбільшу увагу привертали ті рослини, які поєднували у собі лікарські та магичні якості. Ці якості приписувалися антропоморфним (подібним людині) рослинам. Завдяки аналізу походження антропоморфізму з давньоримської доби, для якої характерним було успадкування знань попередніх епох, ми маємо можливість простежити розвиток ототожнення певних рослин з людською постаттю.

Головними джерелами були праці Плінія (22-24-79 р.) та Діоскорида (40-90 р.), що описують рослини та їх властивості. Праця Плінія «Натуральна історія» [13] містить матеріали відносно антропоморфних рослин. У роботі Діоскорида «Про медичні матеріали» [12] описано рослини більшої частини римських володінь. Також були задіяні праці «Дослідження з рослин» Феофраста (370-288 р. до н.е.) [8], «Іудейская війна» Іосифа Флавія (37-100 р.) [9], «Травник» Псевдо-Апулея (124-180 р.) [7], у яких міститься опис збирання та застосування мандрагори. «Строкати

оповіді» Клавдія Еліана (175–235 р.) [11] містять опис застосування певних пахощів, які за своєю дією нагадують мандрагору.

У роботі було використано праці історика медицини Ф.Р. Бородуліна [3], вченої-ботаніка Н.О. Базилевської [1], історика-фольклориста О.Б. Іпполітової [4]. Остання згрупувала уявлення про антропоморфні рослини в джерелах; однак її дослідження більше зосереджено на антропоморфних рослинах російських рукописних травників, а тому використовувалося нами вельми вибірково. Однак деякі спостереження авторки щодо загальних етнографічних матеріалів є досить цінними для нашого дослідження, тому що допомагають виявити закономірності сприйняття антропоморфних рослин у різних культурах.

При розгляді теми були поставлені завдання: 1) проаналізувати характерні риси використання рослин у якості лікарських засобів; 2) виявити певні рослини, яким приписували антропоморфізм; 3) порівняти властивості антропоморфних рослин на прикладі мандрагори та ерінгіуму.

У античні часи рослинам надавали великого значення. Так, Аристотель відносив рослини до живої природи, вони мали нижчий розвиток душі порівняно з тваринами [1:13]. Пліній надавав велике значення дії природи на людину. У своїй праці він персоніфікує природу, що було характерно для римських письменників-натуралістів [13: XXII, 1]. Рослини, що їх Пліній виділяє як лікарські, описано як ті, що ростуть у важкодоступній місцевості (щоб бути неушкодженими) і мають не досить привабливий вигляд. Пліній вважає, що лікарські рослини даються природою з метою зберегти здоров'я, ослабити тілесний біль і відвернути смерть. Ці рослини вкриті колючками, щоб зберегти свої лікарські властивості [13: XXII, 7].

Рослини мали широке використання завдяки поширеній народній медицині [3:18]. Так, травами лікували прокляття. Зокрема, Псевдо-Апулей описує рослину, яку греки в перекладі називали лев'ячою лапою [7: VII].

Багатьом рослинам приписувались чарівні властивості; так, рослина ботракіон лікувала від лунатизму, її необхідно було прив'язувати позаду шиї червоною ниткою, під час спадаючого місяця, коли Тілець або Скорпіон будуть в першій частині неба [7: IX]. Також магічними властивостями володіє артемізія одностеблова [7: X]. Вважалося, що драконова трава виводить з тіла зламані кістки та їх уламки [7: XIV]. Під час лікування жіночої кровотечі необхідно було промовляти певні заговори, даючи прозерпину, або перед початком лікування хвороби ока, треба провести певний обряд з пошуків рослини прозерпенини [7: XVIII].

У магічній справі особливої уваги звертали на себе антропоморфні рослини. Традиційній культурі характерно перенесення постаті людини у навколишнє середовище [4: 261]. Дж. Фрезер підкреслював, що внаслідок дії гомеопатичної магії не лише людина здатна начебто впливати на рослину, а й рослина може впливати на людину [10]. Зокрема, рослини, які володіли схожістю з людиною, наділялися різними властивостями (лікувальними, частіше магічними) [4: 273]. Саме корінь рослини, у більшості випадків мав антропоморфні риси. Також іншим частинам рослини могли приписувати антропоморфізм [4: 262 – 263].

Однією з головних антропоморфних рослин є мандрагора. До антропоморфних рослин відносили також ерінгіум, лікарські властивості якого описуються у працях Плінія та Діоскорида. Мандрагора росте у Середземномор'ї (Італія, Греція та Мала Азія) та є отруйною рослиною, яка має розгалужений корінь. Отруйність та людиноподібність стали причиною багатьох забобонів відносно мандрагори [4: 275].

Феофраст описує збір мандрагори: «Навколо першої мандрагори треба тричі окреслити мечем коло і зрізати її, дивлячись на захід; навколо наступної – танцювати, примовляючи якомога більше любовних промов» [8: IX.8]. Феофраст вважає подібні ритуали вигадкою. Також маємо два схожі описи у джерелах більш пізнього часу. Так, у Йосифа Флавія є опис рослини ваорас(від єврейського «горіти») [9: VII, 6.3], яка за властивостями та певним ритуалом збору схожа з мандрагою у Псевдо-Апулея. Псевдо-Апулей описав мандрагору у своєму «Травнику». Він писав, що збирати її треба уночі, бо виразно можна побачити світло її голови. Коли людина наблизиться до неї то неодмінно треба окільцювати рослину залізом. Вважалось, що мандрагора втікає від нечистої людини [7: CXXXI].

Подібний опис є й у Йосифа Флавія, проте для того, щоб спіймати, рослину необхідно полити уриною від жінки або її місячної кров'ю [9: VII, 6.3]. Далі у Псевдо-Апулея сказано, якщо людина окільцює мандрагору залізом і окопас навколо так, щоб залізом до неї не доторкатися, і відгребе землю вістрям слонового бивня, то, ледве побачиш ноги мандрагори і її руки, треба обв'язати траву мотузкою, інший кінець мотузки одягнути на шию негодованій собаці, поставити на деякій відстані їжу для неї, так щоб, дотягуючись до їжі, собака змогла висмикнути траву [7: CXXXI]. Саме ритуал збору спостерігається у багатьох описах рослин, схожих на мандрагору, які походять з античної доби, зокрема від Йосифа Флавія [4: 277]. Вважалося, що трава може згубити того, хто її висмикує. Коли було шкода собаки, то будувалася машина, за допомогою якої висмикували траву, коли рослина потрапляє до рук людини, треба було наповнити соком її листя скляну ампулу і вживати за призначенням [7: CXXXI].

У Йосифа Флавія та Псевдо-Апулея містяться схожі ритуали збирання мандрагори, хоча більш ранній опис мандрагори, який зустрічається у Феофраста містить інші дії відносно збору. Діоскорид у своїй роботі описує плоди мандрагори, а саме мандрагорові яблука. Він розділяє їх на чоловічі та жіночі. Мандрагорові яблука також, як і корінь володіють певними медичними та магічними властивостями, що зумовило їх попит у давнину [12: IV, 76].

Відвар кореню мандрагори давали щоб зменшити біль під час операції, але занадто велика доза є отруйною. Також мандрагору застосовували для абортів. Кажуть, що її корінь, зварений протягом шести годин з слоною кісткою, розм'якшує її, і коли все готово, зі слонової кістки можна сформувати будь-яку форму. Якщо мандрагою акуратно натиратися протягом п'яти або шести днів, вона знімає шрами без виразок. Корінь використовується з медом або маслом для того, щоб відганяти змії. Діоскорид писав, що є інший сорт, названий моріон, який росте в тінистих місцях і навколо западин, у якого листя подібне білій мандрагорі, але менше, в довжину 20 см, воно біле, розташоване навколо стебла. У Діоскорида описано застосування цього сорту у якості відвару, наче однієї ложки досить, щоб людина втратила розум (свідомість), цю властивість використовували фізіологи під час операцій (людина нічого не відчувала три або чотири години). Рослина також мала назву латинною *mala canina* («загибель собаки») у деяких випадках – *mala terestrial* («дур наземний») [12: IV, 76].

Лікувальні властивості мандрагори у Феофраста¹ описано наступним чином: листя мандрагори застосовувалося разом з пшеничним борошном до ран; корінь, натертий і вимочений в оцті, лікував від рожи², подагри³ та безсоння і вживався для любовного напою. Корінь давали з вином або з оцтом; нарізали кружечками, як

редьку, і, нанизавши, підшували в диму над свіжим виноградним соком [8: IX.9].

Схожі властивості мандрагори наводить Псевдо–Апулей, проте він також додає, що вона лікує від головного та вушного болю, застосовується проти епілептичних нападів, тобто одержимості демонами і схильності судом [7: CXXXI].

У Іосифа Флавія головною ціллю здобуття рослини є вигнання демонів з хворого [9: VII, 6.3], що повністю вписується в іудейську традицію народної медицини першого сторіччя н.е.⁴ Також Псевдо–Апулей писав, що використовують рослину для захисту дітей від чаклунських чар і наклепів, при застуді і стягуванні жив⁵, від будь-якого роду зла в будинку [7: CXXXI].

Мандрагорою бажали володіти і дружини Якова для його приваблення [5]. Точно невідомо, чи була та рослина мандрагорою, чи просто мала з нею спільні риси [2]. На підставі існування єдиного першоджерела у античності виникають певні варіації з приводу легенди про мандрагору, що можна побачити зіставивши опис рослини схожої на мандрагору у Бутті та у Іосифа Флавія.

У середньовіччі легенди про мандрагору набувають великого попиту. Так у німецькій народній традиції альраунамала і іншу назву – «шибеник», бо вважалося, що росте з сечі чи сперми повізаного злодія прямо під шибеницею. Збирати рослину треба було за допомогою чорної собаки та з заткнутими вухами, бо при висмикуванні рослина видає страшний крик [4: 278].

До антропоморфних рослин відносили ерінгіум, який за свідченням Плінія мав корінь схожий на статеві органи [13: XXII, 9]. У джерелах внаслідок використання Плінієм роботи Діоскорида ми маємо два схожі описи ерінгіуму. Але робота Діоскорида більш детально описує зовнішній вигляд ерінгіуму, натомість Пліній детально описує медичне застосування.

Діоскорид у своїй праці описує ерінгіум як одну з колючих рослин. Свіже листя ерінгіуму зберігається у солоному розчині, його їдять як овочі. Листя широке і шорсткувате в колі і ароматне на смак. Виростаючи, воно стає колючим на далеких точках стебла, на вершинах якого невеликі круглі головки, оточені дуже гострими шипами, схожими на зірку, тверді на усій поверхні. Колір рослини може бути зеленим, блідним, білим, а іноді лазурним (блакитним) [12: III, 24]. Пліній вказує, щобілі різновиди ерінгіума відомі в латині як “*sentumcarita*”, рослина має багато проявів у кущовому вигляді, також ерінгіум культивують, але у більшості випадків він зростає у дикій місцевості [13: XXII]. Діоскоридом, корінь довгий, широкий, на поверхні чорний і білий всередині, товщиною з великий палець руки [12: III, 24].

Методи використання більш докладно описано у Плінія. Зокрема Пліній пише, що ерінгіум є гарним засобом проти отрути [13: XXII, 8]. З ерінгіуму виробляється гідромель⁶, яка лікує метеоризм, скріплює кишечник, лікує хвороби серця, шлунка, печінки і трахею. Взятий в оксікраті⁷, ерінгіум лікує хвороби селезінки. Змішаний з гідромелем він рекомендується також від хвороби нирок, хворобливого сечовипускання, опистотону⁸, спазмів, люмбаго⁹, водянки, епілепсії, придушення (менструації) або рясної менструації, і всіх хвороб матки. Застосовують з медом для вилучення сторонньої речовини з тіла, і з засоленими мастилами і мастилами з воску, він розсіює золотушні болячки, для розривів наривів привушної залози, гнійних пухлин, оголення кісток і переломів. Спожитий перед питвом, зменшує вплив алкоголю на організм і затримує розслаблення кишечника. Рекомендують збирати рослину в період літнього сонцестояння, і вона має застосовуватися в комбінації з дощовою водою, для всіх видів хвороби шиї. Кажуть, що прикріплена як амулет вона

застосовується для лікування лейкоми¹⁰. Діоскорид писав, що, використовуючи ерінгіум у якості прикрас чи перетертим кимось, він лікує бугорки (на шкірі) [нарости] [12: III, 24].

Головною особливістю, якою володіли антропоморфні рослини була здатність виокремлювати феромони. Якщо корінь ерінгіуму схожий на чоловічі [статеві] органи трапився на шляху у чоловіка, він гарантує йому любов жінки [13: XXII, 9]. Пліній писав, що з цього предмету також є численні інші спекуляції не тільки з боку магів, але й з боку піфагорейських філософів. Так, Клавдій Еліан розповідає, що Афродіта дала Фаону вмістилище з пахощами, змастившись якими, він приваблював жінок [11: XII,18]. Поетеса Саффо закохалася у Фаона та, не отримавши відповіді на свої почуття, покінчила з життям [6: 168]. Вважається, що серед пахощів була мандрагора, чи якась інша антропоморфна рослина.

Отже, одній лікарській рослині часто приписували здатність лікувати велику кількість хвороб, навіть ті, що й теоретично не можна лікувати рослинами. Антропоморфні рослини володіли спільними функціями, зокрема любовна магія, регуляція дітонародження, безплідність, лікування, та використовувалися в якості амулетів. Завдяки зовнішньому вигляду та легендам отримали свою популярність у медицині. Відносно легенди про мандрагору, можна додати, що Іосиф Флавій писав раніше, ніж Псевдо-Апулей, їхні описи схожі. Скоріше за все, Псевдо-Апулей не використовував Іосифа Флавія, тому що останній – іудейський автор, на яких римляни посилалися вельми рідко.

Очевидно, що у Іосифа Флавія та Псевдо-Апулея було спільне джерело, котре містило опис збору мандрагори (чи рослини схожої на неї), притримуючись певного ритуалу. Однак це джерело явно відрізняється від Теофраста.

З одного боку, схожість антропоморфних рослин з людським тілом, та приписування їм певних соціальних властивостей (втікати від нечистої людини) та особливостей вирощування (з останків людини), виокремлювали антропоморфні рослини від інших рослин та наближали до світу людини. А з іншого боку, підкреслюючи унікальність збору антропоморфних рослин завдяки певному ритуалу (за допомогою собаки та ін.), їх відокремлювали від світу людини, пояснюючи, звідки в них беруться надприродні лікувальні властивості.

Не зважаючи на доволі високий розвиток наукових і медичних знань, природа ще була в цілому не пізнаною для римських авторів. Саме тому залишалося місце для подібних описів антропоморфних рослин, саме тому вони могли лікувати вельми широкий спектр різноманітних хвороб.

ЛІТЕРАТУРА

1. Базилевская Н.А. Краткая история ботаники / Н.А. Базилевская, И.П. Белоконов, А.А. Щербакова. – М: Наука, 1968. – 311с.
2. Библейская энциклопедия. Мандрагоры // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://slover.cc/re1/bibl/2310178.html>
3. Бородулин Ф.Р. История медицины: [избранные лекции] / Сост.: М.К. Кузьмин, Ю.П. Лисицин, О.А. Александров. – М: Медгиз, 1961. – 253 с.
4. Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков / А.Б. Ипполитова / под ред. А.Л. Топоркова. – М: Индрик, 2008. – 512 с.

5. Книги Ветхого завета. Пятикнижие Моисея// [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.bibleonline.ru/bible/> [Быт. 30:14]
6. Менандр. Комедии. Фрагменты / Перевод О. Смыки. – М.: Наука, 1982. – Режим доступа: http://www.lib.ru/poeast/menandr/menandr1_24.txt
7. Псевдо–Апулей. Травник Апулея / Перевод Горелов. – СПб., 2009. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://simposium.ru/ru/node/10305>
8. Теофраст. Исследование о растениях // Теофраст. Исследование о растениях. Из-во Академии наук СССР, 1951. – <http://simposium.ru/ru/node/9590>
9. Флавий Иосиф. Иудейская война / Перевод Я. Чертка. – Режим доступа: http://www.vehi.net/istoriya/israil/flavii/voina/07.html#_ftnref25
10. Фрезер Дж. Золотая ветвь // J.Frazer. The Golden Bough/ Перевод М.Рыклина. – М., 1980. – http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Frezer/index.php
11. Элиан Клавдий. Пёстрые рассказы / Перевод С.Поляковой. – Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/aelianus/stories/kn12-f.htm>
12. Dioscorides. De Materia Medica / The Herbal Of Dioscorides. The Greek Book Three: Roots // A new English translation by T.A.Osbaldeston. Introductory notes by R.P.Wood. First Edition, 2000. Published by IBIDIS Press, Johannesburg, South Africa. – Режим доступа: <http://www.cancerlynx.com/dioscorides.html>
13. Pliny. The Natural History // Pliny the Elder. – 1855. – Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Plin.+Nat.+toc>

ПРИМІТКИ

- 1.У коментарях до середньовічного візантійського трактату мандрагора ототожнюється з беладаною (сон-трава). Можливо, ототожнення виникло через подібність грецького написання двох рослин: mandragoras – для беладони і mandragora – для мандрагори. – Див.: [8: 555, 576].
2. Рожа – заразна шкіряна хвороба з характерним набряком та почервонінням на шкірі у зоні запалення.
3. Подагра – хвороба суглобів і тканин, що викликається порушенням обміну речовин в організмі.
4. Пор., напр., з відомими євангельськими епізодами вигнання демонів (див. найвідоміший епізод: Мк. 5:8).
5. Стягування жив – контрактура (лат. contractura – стягування, звуження) – стан, при якому кінцівка не може бути повністю зігнута чи розігнута.
6. Гідромель – медована стоянка
7. Оксікрат – вода змішана з маслом
8. Опистотонус – судомна поза з різким вигинанням спини, закиданням голови назад (поза дуги з опорою лише на потилицю і п'яти), витягуванням ніг, згинанням рук, кистей, стоп і пальців внаслідок тонічного скорочення м'язів кінцівок, спини та шиї.
9. Люмбаго – гостріболі в попереку
10. Лейкома (більмо) – стійке помутніння рогівки ока внаслідок розвитку сполучнотканинного рубця після запальних процесів або травми.

*Рекомендовано до друку ст. викл. П.А. Майбородою
Стаття надійшла до редакції 15.06.2016*

УДК 94(477):355.334.1.001.32«1648/1657»

**ПРОСОПОГРАФІЧНИЙ ПОРТРЕТ ПОЛКОВНИКІВ ВІЙСЬКА
ЗАПОРІЗЬКОГО ЧАСІВ НАЦІОНАЛЬНО-ВИЗВОЛЬНОЇ ВІЙНИ
СЕРЕДИНИ XVII СТ.: ДЖЕРЕЛОЗНАВЧИЙ АСПЕКТ**

В.В. Паламарчук

*студентка IV курсу історичного факультету,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел. +38063-606-26-56; e-mail: vika07111995@yandex.ua*

Стаття присвячена огляду джерельної бази періоду Визвольної війни 1648-1657 рр. для доповнення новими фактами діяльності козацьких полковників у дослідження елітарної верстви населення Гетьманщини.

Ключові слова: Національно-визвольна війна 1648-1657 рр., документи, універсали, акти, літописи.

Статья посвящена обзору базы источников периода Освободительной войны 1648-1657 гг. для наполнения новыми фактами деятельности казачьих полковников в исследование элитарного слоя населения Гетманщины.

Ключевые слова: Национально-освободительная война 1648-1657 гг., документы, универсалы, акты, летописи.

The article provides an overview of the sources which refer to the Cossacks' War of Liberation of 1648-1657 in order to fill Hetmanate's elitist stratum's research with the new facts of the Cossack commander's activity.

Keywords: Ukrainian War of Liberation of 1648-1657, documentation, universals, legal acts, chronicles.

Історія козацтва є одним із найбагатших періодів на наявність джерел та наукових напрацювань в історії нашої держави. Опираючись на попередній досвід аналізу джерел з вищезазначеної тематики, що відтворили у своїх працях Микола Ковальський та Юрій Мицик, приєднуємося додумки, що джерела «говорять лише тоді, коли вмієш їх запитувати ... Як тільки ми відмовимося просто протоколювати слова наших свідків, як тільки наміряємося самі примусити їх говорити, необхідно скласти список питань» [5: 38]. Початком такої роботи виявлення, відбір і класифікація джерел. Все більшого значення набуває вивчення ролі особистості в історії, людини в контексті епохи, а отже й просопографія як галузь історичних знань і метод дослідження конкретної особи, групи осіб, соціальної верстви. Результатом обраного просопографічного дослідження є опис способу життя і занять представників певних соціальних станів [16: 424], в даному випадку – полковників часів Національно-визвольної війни 1648–1657 рр.

Розгляд наявної вітчизняної джерельної бази, її особливості та цінність у вивченні діяльності очільників полків часів гетьманування Богдана Хмельницького для створення просопографічного портрету являється метою даного дослідження.

Грунтовного наукового дослідження, у вигляді монографій, ще не зроблено, існують тільки публікації щодо історіографічних надбань у напрямку дослідження

козацької старшини Гетьманщини [13]. Метод просопографії в історії персоналії козацької держави середині XVII століття ще не використовувався.

Класифікація джерел даного дослідження опирається на загальну джерелознавчу класифікацію. З письмових джерел особлива увага надається документальним. Повною мірою використані законодавчі акти, актові джерела, справочинні документи та статистичні матеріали, що мають для зазначеної проблематики мають першочергове значення. Також у дослідженні використані наративні джерела – літописні пам'ятки.

Ще у XIX ст. були опубліковані збірники документів, які не втратили свого значення і для сьогодення – Томи 3, 4, 8 та 10 «Актів, относящихся к истории Южной и Западной России, собранных и изданных Археографической комиссией: В 15-ти томах» [1–4]. Санкт-Петербурзька археографічна комісія опублікувала в «Актах ЮЗР» справи з Головного Московського архіву зовнішніх справ. Томи 3, 4 та 8 опубліковані під редакцією М. Костомарова. Том 10 опублікований за редакцією Г. Карпова. Том 3 містить акти, що торкаються періоду боротьби козацтва з Річчю Посполитою 1638–1657 рр., а також релігійної, адміністративної та зовнішньополітичної діяльності козацьких ватажків та гетьмана Хмельницького. Том 4 містить акти, що торкаються короточасного гетьманування Івана Виговського у 1675–1659 рр. Використання даного тому необхідно, так як є згадки про козацьку старшину з останні роки правління Б. Хмельницького. У додатках до тому 8 містяться акти, що раніше не були опублікованими і стосувались обставин війни Б. Хмельницького з поляками, ставлення Османської імперії до Московської держави і Гетьманщини, відносини південних земель Московського царства з татарами. Том 10 був створений як доповнення до тому 3; містить у собі документи переговорів з боку царя та гетьмана у 1653–1654 рр.

Опублікований значний корпус джерел у тритомнику «Воссоединение Украины с Россией», підготовлений, скоріш за все до ювілею – 300-річчя з Переяславської ради, виданий колективом науковців за підтримки Академії наук СРСР у 1953 році [7; 8]. Використані том 2 (1648–1651 рр.) і том 3 (1651–1654 рр.) ілюструють внутрішньополітичну ситуацію на території Гетьманщини та Московського царства – із відносини як торгівельних партнерів; є документи, що інформують дослідників про військову ситуацію з Річчю Посполитою з зазначений період.

Серед законодавчих актів важливі вказівки щодо старшини маємо в універсалах гетьмана Богдана Хмельницького. Вітчизняні і закордонні історики протягом трьох сторіч розшукували і вводили в науковий оборот документи керівника Визвольної війни, зрідка присвячуючи конкретним документам невеличкі джерелознавчі етюди. Лише в XX столітті стало можливим опублікувати практично весь комплекс відомих тоді гетьманських документів – 499 одиниць, включаючи 24 сумнівних або фальсифікованих. Це стало підґрунтям для масштабного проекту «Матеріали до українського дипломатарію. Листи та універсали гетьманів і козацької старшини», що було покладено патріархами українського джерелознавства – Іваном Крип'якевичем та Іваном Бутичем. За часів «відлиги» у 1961 р. вченим вдалося опублікувати збірник «Документи Богдана Хмельницького» [12]. Своєпродовження проект отримав уже в незалежній Україні зусиллями І. Бутича, його колег та учнів, передовсім – В'ячеслава Ринсевича – у праці «Універсали Богдана Хмельницького. 1648-1657» [21]. Це видання унікальне тим, що в ньому вміщено 19 універсалів, виданих полковниками, соратниками Б. Хмельницького.

Для вивчення персонального складу старшини велике значення мають статистичні матеріали. Найбільш цінним джерелом цієї групи є реєстри чи компоти, зокрема – «Реєстр Війська Запорозького 1649 р.», здійснений співробітниками Інституту української археографії та джерелознавства імені М.С. Грушевського НАН України у 1996 році [20]. Цей унікальний перелік 40477 козаків 16 полків Богдана Хмельницького був укладений відповідно до Зборівського мирного договору з поляками від 8 (18) серпня 1649 р. Уперше в 1875 р. з деякими погрішностями і некоректною передачею української орфографії джерело опублікував історик Осип Бодянянський. У сучасному виданні текст оригіналу, який зберігається в Російському державному архіві давніх актів, відтворено засобами дипломатичного методу [18: 154]. Окрім того, до видання включено мовознавчі й джерелознавчі статті про Реєстр. Поряд з реєстрами виняткове значення мають присяжні книги. Опубліковані присяжні списки 1654 р. Білоцерківського, піхотного Чигиринського, Ніжинського полків [4: 782–838; 19]. Відслідкувати зміни в персональному складі Ніжинського і Білоцерківського полків дають можливість «Присяжні книги» 1654 р., опубліковані Ю. Мициком у 2003 р. Джерела вміщують переліки козаків та міщан, які присягли московському цареві Олексію Михайловичу у зв'язку із підписанням українсько-московського договору 1654 року [18: 154].

У 1999 році у науковий обіг історичної науки увійшла збірка документів «Волинь в роки Визвольної війни українського народу XVII століття», розробкою якої займалися Ю. Мицик та В. Цибульський [17]. В праці вміщено документи періоду Визвольної війни українського народу під проводом Б. Хмельницького, виявлені в архівах та бібліотеках України, Польщі, Росії і які стосуються безпосередньо Волині. Також використані матеріали, опубліковані раніше в збірниках протягом XIX–XX ст. – «Акты ЮЗР», «АрхивЮЗР», «Жерела» та інші, які на сьогодні являють собою бібліографічну рідкість, і є недоступними не лише для студентів, а й для викладачів вищих навчальних закладів.

В одному ряду з названими публікаціями істориком «Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр.», перший том якого «1648–1649 рр.» побачив світ у 2012 році [9–11]. Даний збірник є найповнішим на сьогоднішнім поданням відповідних джерел – вміщує документи, відшукані Ю. Мициком у польських, російських, українських і білоруських архівосховищах. Опубліковані матеріали дали змогу підтвердити документально існування коротко термінових полків та діяльність їх очільників.

Наративні джерела є менш вартісними для вивчення персоналій, враховуючи, що відображені в них факти подають дистанційовану інформацію про події.

Великий інтерес викликає «Літопис Самовидця» [15], що протягом півтора століть був у центрі уваги дослідників, які визначили коло оригінальних звісток пам'ятки і ступінь їхньої достовірності. Відзначимо, що автор пам'ятки (очевидно Роман Ракушка-Романовський, який був генеральним підскарбієм за гетьманату Івана Брюховецького) використовував не тільки свої спогади, як звичайно вважають, але й не збережені літописи. Твір окреслює хронологічно події – з початку Національно-визвольної війни під проводом Б. Хмельницького і завершує 1702 р. – і поділений на три частини. Для даної наукової роботи нам потрібний розділ I, що охоплює 1648–1659 рр. Пам'ятка створювалася в останній третині XVII ст., коли Україна, особливо Правобережна, перебувала у тяжкому стані, на значній її території було відновлено владу Речі Посполитої, а на іншій посилювався наступ на

автономію. Вражений цим, автор літопису був схильний до песимістичної оцінки описуваних подій, в тому числі й Національно-визвольної війни.

Твір Самовидця був дуже популярним і вплинув на низку історичних творів, особливо на «Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки» [14] – одна з найвидатніших пам'яток української історіографічної прози кінця XVII – початку XVIII ст. Твір значною мірою компілятивний. Серед своїх головних джерел автор називає спогади сучасників подій, а також твори вітчизняних та іноземних історіографів. У літописі розповідається про історію козацтва від найдавніших часів до 1709 року. За змістом літопис можна поділити на три частини. Для даного дослідження найбільш цікавою є друга частина – про хід Національно-визвольної війни – подана у формі «сказаній». Протягом довгого часу вчені намагалися розглядати літопис Грабянки як історичне джерело. Але згодом, з введенням в науковий обіг цілого ряду документів, вдалося встановити, що твір містить багато фактичних помилок. І лише зараз наука доходить до висновку, що літопис Грабянки слід розглядати, в першу чергу, як літературну пам'ятку, а не як історичну.

Особливе місце в українській історіографії XVIII ст. належить історичному твору Самійла Величка – «Літопису», написаному 1720 року [6]. Величко використав широке коло писемних та усних джерел, в тому числі кілька не збережених козацьких літописців. На жаль, пам'ятка дійшла до нашого часу в ушкодженому вигляді, бракує аркушів, де висвітлювалися події Національно-визвольної війни (від Пилявецької до Батозької битви). Значна частина описаних Величком подій 1648 р. ґрунтується на відомій «Громадянській війні» Самуеля Твардовського. У творі дуже велика кількість оригінальних звісток, заснованих на не збережених джерелах, серед яких особливу зацікавленість викликає дискусійний діяріуш Самійла Зорки, канцеляриста Б. Хмельницького. Незалежно від того, чи існував Зорка насправді, можна не сумніватися у великій цінності свідчень Величка, особливо щодо сподвижників Хмельницького і самого гетьмана.

Охарактеризована вище джерельна база відзначається різноманітністю і дає змогу здійснити комплексне дослідження персонального складу козацької старшини. З опублікованих джерел найбільшу увагу привертають документальні, меншою мірою – літописи. Літописці хоча й мали бажання неупереджено відобразити історичні реалії, проте їх спроможність об'єктивності була набагато нижчою, ніж у їх сучасників – творців документації. Інформація літописів використовується лише для доповнення деталей у дослідженні. Прагнучи продемонструвати якнайбільше насичення подій, дані джерел подаються у перехресному зіставленні.

ЛІТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 15-ти т. / под ред. Н. Костомарова. – СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3 (1638-1657). – 604 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 15-ти т. / под ред. Н. Костомарова. – СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1863. – Т. 4 (1657-1659). – 276 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 15-ти т. / под ред. Н. Костомарова. – СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1875. – Т. 8 (1668-1669/ 1648-1657). – 400 с.

4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 15-ти т. / под ред. Г.О. Карпова. – СПб. : Тип. брат. Пантелеевых, 1878. – Т. 10 (Дополнение к тому 3). – 838 с.
5. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка [Электронный ресурс] / Пер. Е.М. Лысенко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с. – Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/> (10.05.2016)
6. Величко С.В. Літопис [Електронний ресурс] / Пер. з укр. мови, вст. стаття, комент. В.О. Шевчука; Відп. ред. О.В. Мишанич. – К.: Дніпро, 1991. – Т.1. – 371 с. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/velichko/vel.htm> (30.04.2016)
7. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах / редколл. П.П. Грузденко, А. К. Касименко [и др.]. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1953. – Т. 2 (1648–1651 годы). – 559 с.
8. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах / состав. П.И. Павлюк, Д.И. Мышко. – М., 1953. – Т. 3 (1651–1654 годы). – 647 с.
9. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. / Упорядн. Ю. Мицик; Редколегія: В.А. Брехуненко, Д.В. Бурім, О.О. Маврін, П.С. Сохань, Г.К. Швидько. НАН України. Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського; Канадський ін-т укр. студій (Едмонтон). – К., 2012. – Т. 1: (1648–1649 рр.). – 680 с.
10. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. / Редколегія: В.А. Брехуненко, Д.В. Бурім, О.О. Маврін, П.С. Сохань. НАН України; Канадський ін-т укр. студій. – К., 2013. – Т. 2: (1650–1651 рр.). – 704 с.
11. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. / Редколегія: В.А. Брехуненко, Д.В. Бурім. НАН України; Канадський ін-т укр. студій (Едмонтон). – К., 2014. – Т. 3: (1651–1654 рр.). – 424 с.
12. Документи Богдана Хмельницького / Упор. І. Крип'якевич. – К.: Вид-во Академії наук УРСР, 1961. – 740 с.
13. Заруба В.М. Козацька старшина Гетьманської України: огляд джерел та літератури / В.М. Заруба // Право і суспільство: наук. журн. / Дніпропетр. держ. ун-т внутр. справ, Всеукр. фонд юрид. науки акад. права В.В. Сташиса, Київ. нац. ун-т внутр. справ. – Дніпропетровськ: [б. в.] – 2011. – № 1. – С. 30-35.
14. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки / Пер. із староукр. Р.Г. Іванченко – К.: Т-во «Знання» України, 1992. – 192 с.
15. Літопис Самовидця [Електронний ресурс] / [відпов. ред. А.Д. Скаба; видання підготував Я.І. Дзира]. – К.: Наукова думка, 1971. – 208 с. – (Джерела з історії України). Режим доступу: <http://litopys.org.ua/samovyd/sam.htm> (30.04.2016)
16. Миронець Н. Просопографія / Н. Миронець, І. Старовойтенко // Спеціальні історичні дисципліни: Довідник / Войцехівська І. (кер. авт. кол.), Томазов В., Дмитрієнко М. [та ін.] – К.: Либідь, 2008. – С. 424-431.
17. Мицик Ю.А. Волинь в роки Визвольної війни українського народу XVII століття / Ю.А. Мицик, В.І. Цибульський. – Рівне: Перспектива, 1999. – 117 с.
18. Потапенко С. Публікація джерел з історії українського козацтва: досвід Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України / С. Потапенко // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: Історичні науки / [Гол. ред. Г.В. Боряк]; Нац. акад. наук України, Відділ історії, філософії та права. – К., 2014. – Вип. 1. – С. 152 – 157.

19. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки / упоряд. Ю. Мицик, М. Кравець; голова ред. кол. Сохань П.С.; НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.Грушевського, Національний ун-т «Києво-Могилянська академія». – К., 2003. – 350 с.
20. Реєстр Війська Запорозького 1649: транслітерація тексту / Нац. акад. наук України, Археогр. комісія, Ін-т укр. археографії [та ін.]; упоряд.: О.В. Тодійчук. – К.: Наукова думка, 1995. – 592 с. – (Джерела з історії українського козацтва).
21. Універсали Богдана Хмельницького. 1648-1657: [зб. документів] / Ін-т історії України НАН України; Ін-т укр. археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України. – К., 1998. – 383 с.

*Рекомендовано до друку науковим керівником д.і.н., проф. Т.С. Гончаруком
Стаття надійшла до редакції 26.05.2016*

УДК [94(32).07](=411.16)

ДО ПИТАННЯ ПРО СПЛАТУ ЛАОГРАФІЇ ЄВРЕЙСЬКОЮ ПОЛІТЕВМОЮ В АЛЕКСАНДРІЇ

О.В. Стебеляк

*студентка III курсу історичного факультету,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел. +38063-636-89-82; e-mail: olgahappy22@gmail.com*

У статті розглядається питання про сплату лаографії членами єврейської політевми в Александрії. Це питання продовжує бути актуальним для подальших досліджень. У ході дослідження, авторка доходить висновку, що аналіз квитанцій-виплат свідчить, що подушний податок в римському Єгипті мав територіальний зрівнювальний характер. Оскільки єврейська політевма в Александрії володіла правом ісополітії – рівності в привілеях з александрійськими громадянами, є всі підстави стверджувати, що її члени не були суб'єктами лаографії.

Ключові слова: лаографія, політевма, ісополітія, подушний податок, єврейська діаспора.

В статье рассматривается вопрос об уплате лаографии членами еврейской политевмы в Александрии. Этот вопрос продолжает быть актуальным для дальнейших исследований. В ходе исследования, автор приходит к выводу, что анализ квитанций-выплат свидетельствует, что подушный налог в римском Египте имел территориально уравнительный характер. Поскольку еврейская политевма в Александрии владела правом исополитии – равенства в привилегиях, как у александрийских граждан, есть все основания утверждать, что ее участники не были субъектами лаографии.

Ключевые слова: лаография, политевма, исополития, подушный налог, еврейская диаспора.

The article reveals the issue of laographia payment by the members of the Jewish politeuma in Alexandria. This question continues to be relevant for further investigation. In the study, the author concludes that the analysis of the receipts shows that the poll tax in Roman Egypt had territorial egalitarian character. As Jewish politeuma in Alexandria had the right of isopoliteia, i.e. equality in privileges, there is every reason to assert that its members were not subjects of laographia.

Key words: laographia, politeuma, isopoliteia, poll tax, Jewish commun ity.

Александрія Єгипетська – культурна і торгівельна столиця елліністичного і римського світу, також була центром єгипетського єврейства. Згідно з Йосипом Флавієм, єврейська діаспора в Александрії веде свій початок з періоду Александра Великого, який дарував євреям право селитися в шойно заснованому місті на рівних правах з греками [4 II, XVIII, 7]. Проте, повідомлення Йосипа не має історичної цінності. Вони були оформлені у більш пізній період і не підтверджуються іншими історичними джерелами [5: 401–402]. Крім цього, ідея пов'язати історію євреїв Александрії з іменем самого Александра була чудовим апологетичним мотивом.

Палеографічні та епіграфічні пам'ятки свідчать, що євреї мешкали в полісі від початку III ст. до н.е., ймовірно, з часу правління Птолемея I, і протягом всього птолемеївського періоду відігравали значну роль в політичному житті полісу. Чисельність єврейського населення міста продовжувала зростати, і на початок I ст. н. е. євреї заселяли два з п'яти кварталів Александрії. Розкидані по всьому місту синагоги свідчать, що євреї проживали і в інших кварталах міста.

Єврейська діаспора в Александрії була організована за принципом елліністичного політичного інституту політеми (грец. πολιτεμα – форма правління; державний устрій; держава). Політема – визнана, організована на офіційному рівні корпорація іноземців, яка користувалася правом проживання в чужому місті і складала окреме, напівавтономне громадянське тіло. Така автономія не була політичною, а соціальною і релігійною (так зване право жити за законами предків). Літературні пам'ятки і епіграфіка свідчать, що внутрішній устрій єврейської політеми в Александрії був схожим до устрою полісу. Після приєднання Єгипту до Римської імперії в 30 р. до н.е. єврейська політема в Александрії одержала офіційне підтвердження своїх традиційних прав. В 38 р. н.е. в Александрії розгорнулись антисєврейські хвилювання, які стали безпрецедентним явищем для періоду античності. Всі євреї міста були зігнані в один квартал, а тих, хто наважувався вийти за його межі, очікували жорстокі знущання і смерть. Майно євреїв було розграбоване, а члени єврейської герусії пережили принизливе публічне бичування.

В історіографії міцно закріпилася концепція, відповідно до якої офіційне перетворення Єгипту на римську провінцію в 30 р. до н.е. стало поворотним моментом для єврейської діаспори в Александрії, оскільки значна частина її привілеїв поступово була втрачена [13: 249–250; 12: 151–152; 14: 73–74]. Також прийнято вважати, що встановлений Октавіаном новий фінансовий устрій став однією з першорядних причин зазначених безпорядків [14: 60–62]. Так, запроваджені римським правлінням податок – лаографія (λαογραφία), від якого були звільнені громадяни Александрії, актуалізував здобуття полісного громадянства для членів єврейської політеми. Зазвичай, це відбувалося шляхом незаконного проникнення до списків єфевів¹. Небажання греків ділитися своїм привілейованим статусом неминуче вело до відкритого конфлікту. В меншій мірі в

історіографії можна зустріти і протилежну точку зору, за якою євреї Александрії не були суб'єктами лаографії [10: 217–218; 9: 75–76].

Таким чином, питання про сплату лаографії членами єврейської політеми в Александрії продовжує бути актуальним для подальшого дослідження.

В нашому дослідженні ми спробуємо довести неспроможність традиційної джерельної бази обґрунтувати однозначні висновки щодо питання виплати єврейською політемою Александрії лаографії та використаємо власний підхід для вирішення зазначеної проблеми. Традиційними джерелами, які зазвичай використовуються істориками для формування гіпотез стосовно сплати євреями Александрії, є папірусний документ «Клопотання до префекта» [7: 31], фрагмент з Актів александрійських мучеників (далі – ААМ) «Діяння Ісідора» [7: 78–79], III Книга Маккавеїв [2: 2.28–30] і так званий «Буле-папірус» [7: 27–29].

Предметом гарячих дискусій в історіографії є інтерпретація папірусного документа, за яким закріпилася назва «Клопотання до префекта» [7: 31]. Папірус датується 4/5 рр. до н.е. Він сильно пошкоджений, тому лише перші вісім рядків тексту читаються більш-менш задовільно²; решта тексту рясніє лакунами і його інтерпретація базується на припущеннях. Тим не менш, зміст папірусу традиційно зводиться до наступного: александрійський єврей Гелен звертається до префекта Єгипту Гая Турранія з проханням захистити його від безпідставної вимоги чиновника (οικονόμος) Хороса сплатити лаографію. Гелен перелічує одразу декілька доказів щодо неправомірності дій чиновника. По-перше, батько Гелена був александрійським громадянином; по-друге, сам Гелен проживав в Александрії від народження; по-третє – Гелен отримав грецьку освіту в гімнасії; по-четверте, Гелен вже перетнув вікову межу 60-ти років. Значний інтерес привертає заміна писарем першочергової стилізації Гелена «александрієць» (“Ἀλεξανδρεὺς”)³ на «єврей з Александрії» (“Ἰουδαίου τῶν Ἀλεξανδρείας”), а також той факт, що позивач вбачає у сплаті лаографії втрату своєї батьківщини (πατρίς) [14: 62].

Перш ніж приступити до опису повідомлення в ААМ, варто відмітити особливості цього історичного джерела [7: 55–107]. Перші фрагменти ААМ були опубліковані в кінці XIX ст. і дуже нагадували копії офіційних протоколів судових засідань [14: 55–59]. Тому на початковому етапі вивчення цього джерела вчені дотримувалися думки, що твір має виключно офіційний характер. В процесі публікації решти фрагментів стало зрозуміло, що таке трактування ААМ є помилковим. Наразі встановлено, що цей твір не має нічого спільного з офіційними документами, а застосована протокольна форма є “літературним маскуванням” [14: 56]. ААМ включає багато цінних деталей стосовно статусу александрійських євреїв в період правління римських імператорів від Клавдія до Траяна. Незмінним сюжетом всіх фрагментів ААМ є трагічна доля александрійських посольств в результаті несправедливого імператорського суду в Римі. В цілому, фрагменти ААМ представляють собою специфічний напрям антиримської та анти-єврейської александрійської літератури. Основна ціль авторів – висміяти грубість та нерозумність римських імператорів; що стосується анти-єврейської тенденції, то прихильність імператорів до євреїв застосовувалась в якості додаткового доказу ворожості Риму до александрійців. Незважаючи на те, що цей твір ґрунтується на політичній і літературній фікції, він містить певне історичне ядро. Так, за допомогою паралельних джерел була доведена історичність згаданих в ААМ дійових осіб – Апіона, Ісідора та Лампона [3: 45].

Фрагмент ААМ – «Діяння Ісідора», який традиційно використовується дослідниками при розгляді питання про сплату александрійськими євреями лаографії, відтворює суперечку між александрійським гімнасіархом Ісідором і єврейським царем Агріппою в імперському суді [7: 78–79]. Ісідор заявляє, що євреї не «однакові» (ὁμοιοπαθεῖς) з александрійцями, оскільки знаходяться на одному рівні з платниками податку – єгиптянами. Агріппа заперечує репліку свого противника твердженням, що жоден правитель ніколи не накладав податків на євреїв. Поза увагою дослідників залишається той факт, що обидва учасники діалогу для позначення податку користуються багатозначним терміном «φόρος»; Агріппа не має на увазі конкретний податок, оскільки використовує термін “φόρος” в множині.

Так званий «Буле-папірус», не зважаючи на те, що євреї в ньому не згадуються, зазвичай використовується для підтвердження концепції, за якою александрійські євреї були платниками лаографії [7: 27–29]. Текст документа свідчить про намагання александрійської громади здобути у римської влади право на заснування власної Ради («буле»). В обмін на надання такого привілею александрійці були готові протидіяти незаконному потраплянню до списку ефебів «некультурних та недосвідчених» [7: 28], і в такий спосіб забезпечувати належну сплату лаографії до імперської казни. Рідкісний для текстів птолемеївського періоду термін «λαογραφία» наявний в Шкнізі Маккавеїв [2: Макк. 2,28]. Цей твір представляє собою апологетичний памфлет напів літературного характеру, в якому зображено конфлікт Птолемея IV Філопатора і євреїв. Пасаж, в якому згадується лаографія, розповідає про наказ царя внести євреїв Александрії до реєстру перепису (λαογραφίαν)⁴ [1: 331], і таким чином, перетворити на рабів [2: Макк. 2, 28–32]. Опала царя диктувалася відмовою євреїв справляти язичницькі культу. Проте, більшість євреїв залишилися вірними своїм приписам «И, отдавая деньги обмен на жизнь, они старались избавиться от переписи, в благой надежде на заступничество».

Перш ніж приступити до опису історіографії проблеми, варто зазначити, що всі дослідники торкаються питання про сплату лаографії александрійськими євреями побіжно, в контексті дослідження статусу єврейської політеми і можливих причин загострення греко-єврейських відносин після встановлення римської влади в Єгипті.

Концепція, відповідно до якої всі євреї Александрії, не дивлячись на високий статус їхньої політеми, були суб'єктами лаографії, була сформована ізраїльським істориком Віктором Черіковером (1894–1958). На його думку, саме сплата лаографії стала основним чинником до загострення грецько-єврейських стосунків в Александрії на початку римського правління [5: 459–460]. Так, введення подушного податку сприймалося александрійськими євреями особливо гостро у зв'язку з високим рівнем їхньої елінізації. Для євреїв виплата податку, який ставив їх на один рівень з єгипетським фелaxами, була не лише додатковим фінансовим тягарем, але й ознакою значного культурного та політичного регресу. Єдиним способом уникнути сплати лаографії було одержання александрійського громадянства. Греки, в свою чергу, не бажали розділяти з євреями свій політичний статус та привілеї. Ситуація неминуче вела до загострення взаємовідносин між жителями Александрії.

В. Черіковер інтерпретує папірусний документ «Клопотання до префекта» як безсумнівний доказ сплати лаографії членами єврейської політеми в Александрії [14: 29–33]. На його думку першочергова стилізація позивача «александрієць» свідчить про те, що Гелен, вважаючи себе александрійським громадянином, апелював до права бути звільненим від сплати лаографії саме на основі статусу

«александрієць» [14: 62]. Писар, компетентний в питанні александрійського громадянства, після розгляду всіх доказів позивача, замінив запропонований Геленом титул «александрієць» на належний його реальному статусу [14: 29–33]. Таким чином, зроблене писарем виправлення свідчить про те, що претензії чиновника була правомірною. З іншого боку, небажання Гелена змиритися з таким статусом призвело до нагромадження доказів (походження, освіта, вік) на свою користь. Якщо згадки про александрійське громадянство батька і володіння грецькою освітою вмотивовані, то посилання на привілей чоловіків похилого віку бути звільненими від лаографії, – «привілей, абсолютно безглуздий для громадян, які були вільні від подушного податку в будь-якому випадку» [14: 30], здається В. Черіковеру нелогічним. Посилання Гелена на загрозу втрати батьківщини свідчить про те, що обов'язок сплати лаографії позбавив його александрійського громадянства. Що стосується питання, чому Гелен не успадкував громадянський статус свого батька, то дослідник віддає перевагу версії, за якою мати Гелена не була донькою громадянина Александрії [14: 32].

Діалог Ісідора і Агріппи в АММ В. Черіковер теж використовує в якості ілюстрації спільної сплати лаографії євреями Александрії та єгиптянами [6: 462]. Историк вважає, що відповідь Агріппи може бути інтерпретована як навмисна спроба приховати той факт, що підлягання лаографії було ганебним обов'язком александрійських євреїв. Що стосується сентенції, що жоден правитель не накладав податків на євреїв, то її можна вважати «чистою пропагандою» [14: 79]. Використання Агріппою терміну “φόρος” в множині лише підтверджує необґрунтованість його твердження. В арсеналі аргументів на користь сплати александрійським євреями подушного податку В. Черіковера присутня і згадка про лаографію в тексті III книги Маккавеїв [2: Макк. 2, 28–30]. Дослідник вважає, що посилання на лаографію в цьому творі є достатньою підставою для його датування періодом правління Августа [14: 64]. Звідси В. Черіковер робить висновок, що в III книзі Маккавеїв відображена реакція александрійських євреїв на їх внесення до списку платників подушного податку імператором Августом.

Таке нововведення римської влади не лише завдавало євреям майнових збитків, але й позбавляло високого громадянського статусу. Проте, такий занадто сміливий висновок автора не витримує критики. Проблема датування III книги Маккавеїв не може вирішити факт наявності одного слова, характерного для римського періоду⁵. По-перше, мова і манера послань та наказів в III книзі Маккавеїв відповідає мові і манері оригінальних документів пори Птолемея Філопатора.

По-друге, немає підстав пов'язувати лаографію лише з римськими періодом, оскільки слово «лаографія» тричі зустрічається в документах птолемеївської епохи, де означає переписи корінного населення. По-третє, протест євреїв проти перепису має не економічні, а релігійні мотиви [1: 331].

Англійський дослідник Ендрю Хартер, який схиляється до думки, що серед чисельних привілеїв єврейської політеми в Александрії було й звільнення від сплати лаографії, обґрунтовує свою позицію власною інтерпретацією згаданого діалогу Ісідора і Агріппи в ААМ [10: 217–218]. Так, аргумент Ісідора стосовно того, що євреї більше схожі на єгиптян, ніж на греків, на думку дослідника варто розглядати з точки зору культурних забобонів, а не виплати податку. Дослідник Ерік Грюен помічає, що в той час, як Ісідор ставить євреїв в один ряд з єгиптянами, Агріппа розмежує їх з єгиптянами саме в питанні сплати податків: «Навіть якщо

діалог ілюструє історичну реальність, – зазначає Е. Грюен, – чому вірять саме Ісідору, а не Агріппі? Більше того, сентенція Ісідора навпаки є підтвердженням того, що євреї не платили податку. Ісідор порівнює євреїв з єгиптянами і задає риторичне запитання, чи є євреї рівними з тими, хто платить податок» [9: 77].

На думку Е. Хартера, «Клопотання до префекта» також підтверджує привілей єврейської політевми Александрії щодо лаографії [10: 217–218]. Виправлення стилізації Гелена з «александрієць» на «євреї з Александрії» Хартер пояснює наступним припущенням. Різниця в стилізації александрійських євреїв та громадян полісу – греків, в правових документах, передбачалася в цілях запобігання незаконній претензії євреїв з хори на привілей звільнення від лаографії єврейської політевми Александрії. Претензія чиновника свідчить про те, що Гелен, незважаючи на своє постійне проживання в Александрії, не користувався привілеєм александрійської політевми євреїв щодо лаографії. Все це може свідчити про те, що Гелен не був повноправним членом єврейської общини, оскільки його мати могла бути єврейкою з хори. В якості альтернативи Е. Хартер припускає, що претензія чиновника до Гелена була неправомірною.

Дискусія дослідників навколо «Буле-папірусу» [7: 27–29] полягає в наступному. В. Черіковер вважає, що під «некультурними і неосвіченими» маються на увазі євреї, і папірус відбиває наявність і актуальність «єврейської» проблеми в Александрії [15: 27]. Однак, скоріше, можна погодитися з трактуванням цього джерела у Еріка Грюена, за яким ефебат, як неодмінна умова для потрапляння в ряди еллінської еліти полісу, був актуальний і для єгиптян, а ще більше для самих греків, оскільки не кожна сім'я через походження або недостатню заможність, мала можливість забезпечити своїм синам освіту в гімнасіумі [9: 75–76].

Зважаючи на те, що свідчення зазначених джерел щодо сплати єврейською політевмою в Александрії лаографії дозволяють виводити взаємовиключні інтерпретації, які лише «підлаштовуються» під готові концепції дослідників щодо «єврейського питання» в Єгипті раннього періоду римського правління, тому вони не можуть бути використані для обґрунтування однозначних висновків. Через це для вирішення проблеми ми вирішили застосувати інший підхід – а саме, конкретно-історичний, для того, щоб з'ясувати особливості функціонування лаографії, спираючись, при цьому, на дані вузькоспеціалізованих досліджень, а також порівняльно-історичний метод, для того, щоб екстраполювати висновки по лаографії на єврейську політевму в Александрії.

Лаографія (*λαογραφία* – перепис народу) – загальноприйнятий термін для позначення подушного податку в римському Єгипті [8: 262]. Точна дата його впровадження невідома. Найбільш ранні виплати лаографії, які зафіксовані в папірусних документах, походять з Фів і датуються 23/24 рр. до н.е. [11: 88]. Тому можна стверджувати, що лаографія була запроваджена невдовзі після перетворення Єгипту на римську провінцію. Подушний податок був фіксованим щорічним грошовим збором, який сплачувався чоловічим населенням Єгипту віком від 14-ти до 60/62 років. Виключення було зроблено для громадян грецьких міст – Александрії, Навкратиса, Птолеміади, а також римських громадян та невеликої кількості представників місцевого чиновництва та служителів культів, які разом зі своїми рабами були звільнені від сплати податку повністю. Мешканці метрополій (метрополітаї) та їхні раби платили податок по зниженій ставці. Квитанції про сплату лаографії свідчать, що її розмір різнився і в залежності від регіону⁶ [11: 87].

Якщо принцип функціонування подушного податку в римському Єгипті серед дослідників загальноприйнятий, то щодо його сутності в історіографії співіснують дві концепції. Перша точка зору, започаткована німецьким антиковедом та папірологом Ульріхом Вількеном (1862–1944), полягає в тому, що впровадження римською владою лаографії було не лише фіскальною інновацією [16: 230–248]. Податок символізував підкорення римській владі та був віддзеркаленням встановленої римлянами ієрархії статусів. На найнижчій ланці цієї суспільної стратифікації знаходились *лаоі* (люди, населення) – жителі сільської місцевості («єгиптяни»), які були основними платниками податку та сплачували його повну ставку. Лаографія втратила актуальність після проголошення *Constitutio Antoniniana* в 212 році. Цю концепцію підтримав і продовжив В. Черіковер [14: 60–61]. Стосовно місця євреїв в сформованій римлянами ієрархії статусів дослідник стверджує, що всі євреї римського Єгипту були віднесені до найнижчої і найбезправнішої категорії населення – *лаоі*, оскільки римське правління розглядало все негрецьке населення в якості єгиптян. Інша концепція була сформульована Гарольдом Беллом та продовжена Дж. Евансом [6: 17–23]. Відповідно до неї, запровадження римським правлінням лаографії в Єгипті не мало на меті зафіксувати строгу ієрархію в суспільстві. Податок виконував суто фіскальну функцію та був інструментом для щорічного коректування списків платників податків, оскільки загальний перепис населення проводився в інтервалі 14-ти років. Зважаючи на те, що квітання про виплату лаографії наявні і після 212 року, Дж. Еванс підкреслює поступове припинення функціонування податку. Дослідник пов'язує це з адміністративними нововведеннями Септимія Севера, який встановив в метрополіях буле та зробив їх відповідальними за оподаткування у номах. Лаографія в нових історичних умовах перестала бути ефективним засобом для збору податків та проведення переписів.

Зважаючи на вищесказане, наші висновки щодо питання сплати єврейською політевмою в Александрії лаографії полягають в наступному. Аналіз квітання-виплат свідчить, що подушний податок в римському Єгипті мав територіальний зрівнювальний характер, оскільки його розмір не враховував етнічну приналежність чи спадковий статус платника (за винятком римських громадян), а базувався на економічному потенціалі адміністративних одиниць. Оскільки єврейська політевма в Александрії володіла правом ісополітії – рівності в привілеях з александрійськими громадянами, є всі підстави стверджувати, що її члени не були суб'єктами лаографії. Отже, результати нашої роботи можуть вплинути на висвітлення причин антиєврейських хвилювань 38 року. Ми стверджуємо, що основні причини конфлікту лежали в площині політичної кон'юнктури та давньої ворожості через розбіжності культур між євреями та еллінами. Також, це дає нам зрозуміти, наскільки сильно єврейська Діаспора в Александрії залежала від протекції римської влади.

ЛІТЕРАТУРА

1. Брагинская Н.В. Введение III // Книги Маккавеев (Четыре Книги Маккавеев) / Пер. с древнегр., введение и комментарии Н.В. Брагинской, А.И. Шмаиной-Великановой. – М: Мосты Культуры / Гешарим, 2014. – С. 331.
2. Книги Маккавеев / Пер. с древнегр. Н.В. Брагинской, А.И. Шмаиной-Великановой; под общ. ред. Н.В. Брагинской. – М.: Гешарим, 2014.

3. Флавий Иосиф. О древности еврейского народа (Против Апиона) / Пер. А.В. Вдовиченко. – Москва / Иерусалим: Гешарим, 1994. 400 с. – Режим доступа: http://khazarzar.skeptik.net/books/philo/legatio.htm#_ftnref1
4. Флавий Иосиф. Иудейская война / Иосиф Флавий / Пер. с древнегреческ. М. Филькельберга, А. Вдовиченко. – М.: «Мосты культуры / Гешарим», 2008.
5. Чериковер В.А. Эллинистическая цивилизация и евреи / В.А. Чериковер, пер. с англ. В.Л. Вихновича. — СПб., 2010. – С. 401 – 402.
6. Bell H.I. The Constitutio Antoniniana and the Egyptian Poll-tax // The Journal of Roman Studies. – Cambridge University Press, 1947. – Vol. 37, Parts 1–2.
7. Corpus Papyrorum Judacorum / Ed. by Tcherikover. – Harvard, 1960. – V. II.
8. Evans J.A.S. The Poll-tax in Egypt // Aegyptus. – Milan, 1957. – Anno 37, No. 2. – http://www.jstor.org/stable/41215611?seq=1#page_scan_tab_contents
9. Gruen E.S. Diaspora: Jews amidst Greeks and Romans / Erich S. Gruen. – Harvard University Press, 2002. – Pp. 75 – 76.
10. Harker A. Loyalty and Dissidence in Roman Egypt: the Case of the Acta Alexandrinorum / Andrew Harker – Cambridge, 2008. – P. 217-218.
11. Rathbone D. Egypt, Augustus and Roman taxation. // Cahiers du Centre Gustave Glotz. – Paris: Editions de Boccard, 1993. – Vol. 4.
12. Schäfer P. Judeophobia: attitudes towards the Jews in the ancient world. / Peter Schäfer. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – P. 151 – 152.
13. Smallwood E.M. The Jews under roman rule: from Pompey to Diocletian // Studies in Judaism in late antiquity. – Leiden, 1976. – Vol. XX. – P. 249–250.
14. Tcherikover V. A. Prolegomena // Corpus Papyrorum Judacorum. / Ed. by Victor A. Tcherikover. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957. – V. I.
15. Tcherikover V. A. Introduction to CPJ 150// Corpus Papyrorum Judacorum. / Ed. by Victor A. Tcherikover and Alexander Fux. – Cambridge, 1960. – V. II.
16. Wilcken U. Griechische Ostraka aus Agypten und Nubien. / Ulrich Wilcken. – Leipzig-Berlin: Giesecke & Devrient, 1899. – Vol. I, 1899. – Pp. 230-248.

ПОСИЛАННЯ

- 1.Ефеби – юнаки, які по завершенні навчання в гімнасіумі були претендентами на отримання громадянства.
- 2.В збережених фрагментах тричі фігурує «лаографія».
- 3.Термін «Ἀλεξανδρείς» мав два значення: популярний – « мешканець Александрії» і юридичний – «громадянин Александрії».
- 4.Термін «Λαογραφία» в папірусах птолемейвського періоду має значення локальних переписів зубожілих прошарків суспільства, перш за все, місцевих єгиптян, які проводились з ціллю складання податкових реєстрів.
5. Про проблеми, пов'язані з датуванням III книги Маккавеїв див.: [1: 330-333].
- 6.В Середньому та Нижньому Єгипті базова ставка подушного податку традиційно складала 16 драхм в рік з жителів хори і 8 драхм з жителів метрополій, тоді як населення Арсіноїського ному сплачувало 40 і 20 драхм відповідно.

*Рекомендовано до друку науковим керівником ст. викл. П.А.Майбородою
Стаття надійшла до редакції 26.05.2016*

ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ

В.И. Топчий

студент II курса исторического факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38066-473-19-45; email: krassus64@gmail.com

Данная статья посвящена созданию и деятельности Первого триумvirата с периода его появления в 60 г. до н. э. и его распада в 53 г. до н. э. на территории Римской республики. Рассмотрены причины создания Первого триумvirата в Римской республике. Большое внимание уделено деятельности каждого из членов Первого триумvirата, в том числе реформам и военным походам.

Ключевые слова: Первый триумvirат, Союз, Цезарь, Красс, Помпей, Рим, реформы.

Дана стаття присвячена створенню та діяльності Першого тріумвірату з періоду його появи у 60 р. до н.е. та його розпаду у 53 р. до н.е. на території Римської республіки. Розглянуто причини створення Першого тріумвірату в Римській республіці. Велику увагу приділено діяльності кожного з членів Першого тріумвірату, в тому числі реформ та військовим походам.

Ключові слова: Перший тріумвірат, Союз, Цезар, Красс, Помпей, Рим, реформи.

The article deals with the creation and activities of the First Triumvirate starting from the period of its appearance in 60 BC till its collapse in 53 BC on the territory of the Roman Republic. The author reveals the reasons of the First Triumvirate's creation. Much attention is paid to the First Triumvirate's members' activities, including reforms and military campaigns.

Key words: First Triumvirate, Union, Caesar, Crassus, Pompey, Rome, reforms.

В 60 году до н.э. в политической жизни Рима произошло важное событие – был сформирован союз трёх наиболее влиятельных политических фигур в составе Гнея представителей трёх наиболее влиятельных социально-политических сил – армии, популяров и всадников. По сути, он означал объединение всех анти сенатских группировок. Не обращая внимания на то, что формально данный триумvirат не был закреплён на институционном уровне в законодательном порядке, но в политической практике он стал фактически вторым руководством государства, сосуществуя вместе с официальным руководством, контролируемым сенатом.

Мотивами построения такого союза, очевидно, стало то, что в 60 году до н.э. сложилась ситуация, при которой три влиятельных лидера – Помпей, Цезарь и Красс на тле недовольства действиями сената увидели друг в друге источник взаимовыгодной поддержки. Согласно информации Диона Кассия: «Помпей был недоволен тем, что после удачного похода сенат отказал наградить его ветеранов земельными наделами, а его самого рекомендовать на должность консула на следующий год» [1: 20 – 23]. В том же году из провинции Далекая Испания вернулся

Юлий Цезарь, который был там наместником после претуры в Риме. Цезарь стал также добиваться консульства, но встретил противодействие сенаторов.

В то же время Красс, представляя интересы сословия всадников, был недоволен сенатским законом про следствие насчёт судей, которых подозревали во взяточничестве. Кроме того, он хотел за счёт авторитета Помпея и Цезаря стать ведущей политической фигурой. «Красс представлял», говорит Светоний, «что его происхождение и богатство должны поставить его выше всех» [4].

Инициатором создания триумvirата, как считается, выступил Юлий Цезарь. Ему удалось примирить враждующих между собой Помпея и Красса, и объединить их дружбой, так сказать «поставил могущество обоих на службу самому себе» [3:13]. Цезарь был уверен, что никогда не сможет стать могущественным без этих особ, и, как считал Дион Кассий, «не боялся их усиления, если они, объединившись, станут ещё более могучими». Помпей, если верить тому же Диону Кассию, боялся усиления влияния Красса с Цезарем и «не хотел быть раздавленным ними» [1:55-56].

До сих пор остается не понятным, планировал ли Цезарь уже тогда диктаторские планы? Плутарх утверждает, что вся идея Цезаря с триумvirатом являла собой не что иное, как «незаметно проведенный для других государственный переворот» [3]. Более мягкую оценку всему этому высказывает Дион Кассий. С его точки зрения, Помпей, Цезарь и Красс договорились создать Триумvirат только «для реформирования республики, таким образом, как им было нужно» [1].

Так вот, благодаря помощи наиболее известного на тот момент полководца Помпея и самого богатого из римлян Красса Цезарь был выбран консулом на 59 год до н.э. Перед голосованием по аграрному закону на народном собрании обстановка в Риме была очень тяжёлой, а ставленники принятия закона подрались с противниками. Причём второй консул Бибул даже не был допущен на форум – «сначала ставленники Цезаря и Помпея вывернули ему на голову корзину с навозом, а его ликторам сломили фасции, после чего закидали Бибула и его ставленников камнями» [3:32]. Несмотря на сопротивление Бибула и ряда сенаторов под предводительством Катона, который побаивался дальнейшего роста популярности Цезаря, предложение было принято на народном собрании.

В самом начале консульства, Цезарь приказал ежедневно обнародовать протоколы заседаний сената и народного собрания для того, чтобы граждане могли следить за действиями политиков [4]. Законопроект Цезаря был весьма обдуманный. Прежде всего, не планировалось проводить конфискации у крупных землевладельцев, а участки должны были выкупаться только у тех, кто желал продать. Деньги на это мероприятие Цезарь хотел получить от налогов с территорий, которые были присоединены Помпеем. Воспользоваться законом Цезаря могли не только ветераны Помпея, но и городская беднота. Для контроля над разделением земли была создана комиссия из 20 человек, в которую вошли Помпей и Красс.

Первыми сенаторами, к которым обратился Цезарь при обсуждении данного вопроса, стали как раз Помпей и Красс. Поддержка предложения этими уважаемыми и влиятельными политиками определяла добросовестное отношение большинства последних сенаторов к законопроекту. Но, сообщники Катона решительно выступали против инициативы Цезаря, а второй консул Бибул указывал на то, сто организация голосования незаконна из-за неблагоприятных небесных знамений [5: 98-99]. Потребность земли нуждающимся были очень велики, а крупные землевладельцы нехотя продавали участки государству. Для удовлетворения

потребностей на землю Цезарь предложил ввести в оборот большой участок в Кампании, который оставался в государственном использовании.

Приоритет в разделении земли на этом участке был выдан многодетным семьям с 3 и большим количеством детей, которых оказалось более 20 тыс. [5: 98]. Катон пытался сорвать принятия нового закона очередной обструкцией, но был решительно остановлен консулом Цезарем. Впоследствии Катона по приказу Цезаря отправили в тюрьму, но вскоре сам же его и освободил. Вскоре после нападений на форуме второй консул Бибул заявил об угрозе своей жизни и закрылся в доме [3: 14], ограничив участие в политике, издавая эдикты [4]. В них второй консул указывал на неблагоприятные небесные знамения, которые по его словам сопровождали голосование по законам Цезаря [5: 98–99]. По римской традиции, народные собрания не могли созывать, противоречив воли богов, которая выражалась, в том числе в небесных знамениях. На этой основе Бибул ставил под сомнение законность процедур, с помощью которых Цезарь проводил свои законы. Кроме того, апелляции о нарушении формальных процедур, второй консул Бибул распространял скандальные слухи о Помпее и Цезаре [5: 102–103].

Эдикты Бибула выставлялись для общего осмотра и пользовались большой популярностью: по словам Цицерона, «через то место, где они выставляются, нельзя пройти из-за столпотворения людей, которые их читают» [6: II, 21]. В этих, старательно продуманных эдиктах, было очень много недостоверной информации, поэтому они и стали источником ряда слухов и сплетен про Цезаря.

В рамках договорённости при создании триумvirата Цезарь добился принятия законов об утверждении распоряжения Помпея на Востоке и пересмотр системы налогообложения в провинции Азия: сумма, которая вносилась откупщиками, снизилась на одну треть, и они могли получить значительно большую прибыль с провинции. Ещё одним законом Цезаря стало проведение через народное собрание закону о вымогательстве и взяточничестве наместников – «*Lex Julia repetundarum*». Этот указ чрезвычайно подробно описывал сферы ответственности римских наместников и легатов. Благодаря своей идеальности закон действовал ещё долгое время и часто цитировался юристами в императорскую эпоху. В отличие от предыдущего законодательства Цезаря, этот указ не встретил сопротивления при принятии. Так вот, Цезарь от имени Римской республики признал Птолемея XII Авлета фараоном Египта, что было равносильно отказу от домогательств к Египту с использованием широко известного в Риме – завещания (скорее всего подделанного) Птолемея XI Александра II. В соглашении с этим документом, Египет должен был перейти под власть Рима, подобно тому, как по завещанию Аталла III к Римской республике отошло Пергамское царство.

Осенью римлянин Луций Ветий заявил, что ряд известных римлян готовит заговор против Помпея (по другой версии, целями покушения были названы Помпей и Цезарь [6]). Сначала Ветий дал показания перед сенатом, сообщив про причастность ряда известных политиков и молодых нобилей к этому заговору. Потом Цезарь заставил его повторить свои показания перед народом. При перечислении имен на публике Ветий умолчал про участие Марка Юния Брута и добавив ряд новых имен, что подорвало доверие к его показаниям. Вскоре его нашли убитым в тюрьме. Причастность Цезаря к организации дела Ветия является спорным [5: 104–105], но консул сумел использовать его показания в своих целях. Несмотря на значительную поддержку инициатив Цезаря в начале и до конца 59 г.

до н.э. популярность триумвиров сильно упала. Это было связано с тем, что триумвират, на который возлагалась надежда в борьбе с узурпацией реальной власти узким кругом нобелей-сенаторов, сам начал контролировать всю жизнь Рима [5: 69].

Анализируя то, какие происходили события можно сделать вывод, что, не смотря на традиционный принцип коллегиальности, Цезарь фактически узурпировал власть и перестал созывать сенат, так что некоторые даже стали именовать 59 год до н.э. – «годом Юлия Цезаря» [4] вместо традиционной нормы. Однако политический вес Цезаря был на то время ещё незначительным. Например, известно, что Цицерон в мае 59 года до н. э. говорил о «намерениях Помпея восстановить тиранию как про широко распространенную мысль» [6: II, 17].

Спустя 2 года, весной 56 года до н. э., Гай Юлий Цезарь, Гней Помпей та Марк Лициний Красс собрались на совет в г. Лука, в северной Этрурии. Вместе с ними приехало 200 сенаторов, а также приблизительно 120 ликторов, которые их сопровождали. Это факт указывает на то, насколько большое было влияние триумвиров в Риме. Встреча в Луке произошла по инициативе Цезаря, который на некоторое время вернулся из Галлии. Сначала произошла встреча и переговоры Цезаря с Крассом в г. Равенна, а Помпей прибыл в Луку, сделав небольшой «крюк», так как в Риме считали, что он направляется в Сардинию, чтобы проследить за закупками зерна, так как незадолго до этого он получил от сената широкие полномочия по обеспечению Рима продовольствием [3].

Целью съезда в Луке было принятие ряда важных решений. Во-первых, триумвиры договорились продлить полномочия Цезаря, которые истекали в конце 54 г. до н. э., ещё на 5 лет с правом увеличить армию до 10 легионов. По истечению первых 5 лет, в 48 г. до н. э., Цезарь должен был стать консулом. Во-вторых, триумвиры договорились о том, что в 55 г. до н. э. Красс и Помпей должны стать консулами. После чего они обязаны получить на 5 лет такие провинции: 1) Гней Помпей получает обе Испании; 2) Марк Красс получает в управление Сирию. Италией они правили все вместе. Помпей и Красс выставились в консулы, чтобы не допустить избрания ставленника олигархичной партии сенатской группировки. Цезарь же в этом случае избегал опасности лишиться влияния в государстве и мог завершить захват Галлии. Итак, соглашение было выгодно для всех триумвиров. Вопрос о гражданской войне не стоял, и все спорные вопросы казались уже решёнными. Но не надо забывать, что договор в Луке носил приватный характер, а потому было необходимо найти способы для осуществления задуманных планов. В 55 г. до н.э. Помпей и Красс по плану получили консульство. Помпей отказался ехать в Испанию и остался в Риме, управляя провинциями через своих легатов.

После этой встречи Цезарь вернулся в Галлию, где и продолжились его Галльские войны (с 58 до 52 г. до н. э.), которые принесли ему великий триумф. В эти войны входили: война с гельветами (58 г. до н.э.); война с германцами (57–53 гг. до н. э.); война с белгами; походы Цезаря в Британию (55–54 гг. до н. э.) и восстание Верцингеторикса (52 г. до н. э.) [5:120–128]. По окончании проконсульства Цезаря вся Галлия была под командованием Рима. За время всего пребывания в Галлии Цезарь был в курсе событий, которые происходили в Риме, так как городе осталось двое его людей. Они раздавали взятки магистратам и исполняли другие его поручения. Красс, сразу после получения консульства, отправился на Восток, в Сирию, но правил он не долго. Сильно завидуя популярности Помпея и Цезаря, а

также тяга к бесчисленным богатствам Месопотамии, заставили его начать войну с Парфией, притом, без всякого повода со стороны другой.

Параллельно в 54 и в 53 гг. до н. э., особенно во время предвыборных кампаний, в Риме проходили уличные столкновения. Каждому кандидату угрожал процесс. Сенаторской оппозиции удалось привлечь к ответственности Ватиния и Габиния. Это были политические процессы, параллельно направленные против триумвиров. Аппиан говорил: «Помпей осознано допускал бардак в Риме, чтобы была понята необходимость назначить диктатора (диктаторские полномочия надеялся получить он сам)» [3: 30–33]. Скорее всего, Помпей рвался к диктатуре, но сомнительно то, что он осознанно допускал бардак в Риме.

Тем временем, первый год войны с Парфией для римлян прошёл вполне удачно. Красс перешёл реку Евфрат и захватил несколько крепостей в Месопотамии. Но в 53 году произошла катастрофа. Красс и его офицеры попали в ловушку и были казнены парфянами [5: 209], а Рим потерял массу орлов и больше 40 тыс. воинов. Всего приблизительно только 1000 бойцов смогли вернуться назад в Сирию. Гибель Красса положила конец существованию Первого триумvirата, который, скорее всего распался бы сам. Смерть Красса только ускорила его исчезновение.

Через 2 года Цезарь с триумфом вернулся из Галлии, но сенаторы, уже под предводительством Помпея, который во время отсутствия Цезаря сошелся с сенатом, боясь его силы и популярности, приняли решение, объявить Цезаря врагом республики, если он не с себя полномочия и не распустит войска. Цезарь же, имея при себе лишь 5 тысяч солдат XIII легиона и около 300 кавалеристов, все-таки решил действовать [2: 439]. В начале 49 г. до н. э. Цезарь, вместе со своими войсками перешел реку Рубикон, чем положил начало Гражданской войны [2: 439].

Таким образом, можно сделать вывод, что за короткий период своего существования Первый триумvirат, почти каждый из его членов, получил то, чего хотел. Помпей, с помощью Цезаря, смог раздать земли своим ветеранам в Малой Азии, а также с помощью своих легатов укрепился в Испании. Цезарь же смог получить должность консула, а также окончательно захватить и укрепиться в Галлии. Только Красс из-за своей жадности и желания затмить славу Помпея и Цезаря, погиб в войне, которую можно было и не начинать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дион Кассий. Римская история / Перевод с англ. С.Э. Таривердиевой / Кн. 37. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1276986294>
2. Ковалёв С.И. История Рима / С.Ковалев. – Изд-во Ленингр. унив., 1986. – 744 с.
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. М.Томашевской. – М., 1990. – Режим доступа: <http://www.ancientrome.ru/antlittr/plutarch/sgo/cato-f.htm>
4. Светоний. Божественный Юлий // Перевод М.Л. Гаспарова / Гл. 20 – 30. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1354635514>
5. Утченко С.Л. Юлий Цезарь / С.Л. Утченко. – М.: Мысль, 1976. – С. 98 – 99. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1359389003>
6. Цицерон. Письма к Аттику // Перевод В.О. Горенштейна. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1345960048>

*Рекомендовано до друку науковим керівником к.і.н., доц. І.В. Немченко
Стаття надійшла до редакції 10.05.2016*

А.С. Шевцов

*студент IV курса исторического факультета,
Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова
Тел. +38098-496-11-63; e-mail: crafts888@gmail.com*

Статья посвящена изучению важных социально-экономических процессов в Англии в период после первой мировой войны. Рассматриваются изменившиеся за годы войны ключевые системы Британской империи: состояние экономики (кредитно-финансовая сфера), сельского хозяйства, промышленности, торговли, состояние транспорта, ситуация с английскими монополиями и тд. Рассматриваются причины утраты Англией передовых позиций в мире, в промышленной и других сферах. Также рассматривается социальная обстановка и положение рабочих. Особое внимание уделено выявлению глубокой взаимосвязи экономических и социальных факторов, определяющих характер и динамику сложного процесса развития государственно-монополистического капитализма.

Ключевые слова: Британская империя, первая мировая война, капитализм, экономические и социальные факторы.

Стаття присвячена вивченню важливих соціально-економічних процесів в Англії в період після першої світової війни. Розглядаються ключові системи Британської імперії, які змінилися в ході війни: стан економіки(кредитно-фінансова система), стан сільського господарства, промисловості, торгівлі, стан транспорту, ситуації з англійськими монополіями і тд. Розглядаються причини втрати Англією передових позицій в світі, в промисловості та інших сферах. Також розглядається соціальна ситуація та положення робочих. Особливу увагу приділено виявленню глибокого взаємозв'язку економічних та соціальних факторів, визначаючих характер та динаміку важкого процесу розвитку державно-монополістичного капіталізму.

Ключові слова: Британська імперія, перша світова війна, капіталізм, економічні та соціальні фактори.

This article is devoted to study of the most important social-economic processes in England in the period after World War I. The author has considered key positions within the British Empire, i.e. state of agriculture, industry, economics (credit and financial system), trade, transport as well as the situation with English monopolies ... The article has revealed the reasons why England had lost its top position in the world besides industrial and other sectors. Also the author takes into consideration social situation and the situation with the workers. Special attention is paid to the correlation of economical and social factors which determine character and dynamics of state-monopolistic capitalism's development.

Key words: the British Empire, the First World War, capitalism, economic and social factors.

Ближе к концу войны в Англии назревал серьёзный кризис: падал боевой дух армии, промышленность работала с чрезвычайным напряжением, народ устал от войны, связывая с окончанием мировой войны надежды на изменения к лучшему и в собственной судьбе, и в положении всей страны.

Уже на рубеже 1915–1916 гг. министр торговли У. Рансимен неоднократно обращался к Г.Асквиту, предлагая заранее начать планирование послевоенной политики. Его поддержал лорд Селборн, как и большинство членов кабинета, а лорд Крю в составленном им для короля обзоре отмечал, что «нельзя далее откладывать рассмотрение проблемы реорганизации и восстановления после войны, проблемы, тесно связанной со всей социальной и коммерческой жизнью страны». В меморандум Асквита от 18 марта 1916 г. говорилось: «В соответствии с решением кабинета я предлагаю учредить, по аналогии с комитетом имперской обороны и под моим председательством, комитет для рассмотрения и выработки рекомендаций, при помощи подкомитетов, по проблемам, которые возникнут после заключения мира, и для координации работы, уже проделанной министерствами в этом направлении». В состав комитета вошли представители всех главных политических партий: Асквит, Рансимен, лорд Крю и Э.Монтегю – от либеральной партии, Бонар Лоу, О. Чемберлен и лорд Селборн – от консерваторов, Гендерсон – от лейбористов. Комитет просуществовал более девяти месяцев, с конца марта по начало декабря 1916 г., и создал девять подкомитетов, провел шесть заседаний, подготовил пять докладов. Комитет считал необходимым сохранение практики государственного контроля на послевоенный период и государственной помощи частному предпринимательству; в социальном плане внимание сосредотачивалось на вопросах демобилизации, безработицы, предотвращения беспорядков, жилищного строительства. Фактически работа первого комитета по «реконструкции» прервалась после ухода Асквита в отставку [1: 197].

Новый премьер Ллойд Джордж, выступая на Манчестерской конференции лейбористской партии в конце января 1917 г., заявил: «Нечего и думать о возвращении того, что было до войны; это будет действительно новый мир» [1: 231]. Уже в феврале 1917 г. Ллойд Джордж объявил о возобновлении подготовки к «реконструкции» в двух основных направлениях (первое – рекомендации по развитию системы социального обеспечения, страхования по безработице, расширению общественных работ и т.д.; второе – реформы в таких ключевых сферах, как земля, труд, заработная плата и местное управление, которые заложат основы нового общественного порядка), и о новом составе комитета.

Укомплектованный молодыми политиками из так называемого детского сада Ллойд Джорджа и лейбористскими деятелями, комитет утратил почти все связи с министерствами. А уже к лету 1917 г. он распался на подкомитеты по отдельным направлениям вследствие борьбы за лидерство между Э. Монтегю и В. Нэшем [3: 95–96]. Не имеющий тесного контакта со многими правительственными ведомствами, и не располагающий полномочиями на получение информации от министерств, комитет являлся ограниченно работоспособным изначально и сознательно. Хотя работа комиссий внешне выглядела продуктивной, она сводилась к созданию беспочвенных проектов. К лету 1917 г. комиссии подготовили серию проектов послевоенных государственных мер, исходя по-прежнему из презумпции сохранения государственного контроля на послевоенный период. Так, 5-я комиссия, занимавшаяся вопросами промышленности и торговли, предложила создать

правительственный Промышленный совет для руководства ведущими отраслями британской индустрии, реорганизацию системы энергетического снабжения под контролем государства и решительный переход к протекционизму в торговле. В то же время комиссия специально подчеркнула вынужденный, временный характер государственного вмешательства в экономику, с перспективой возврата к довоенной свободе торговли. В дальнейшем именно задача быстрого и безболезненного восстановления всего комплекса довоенных порядков становится основной, а проекты реформ лишь служат ее прикрытием.

В конце июля 1917 г. кабинет принял решение об образовании нового министерства реконструкции во главе с К. Аддисоном со значительным штатом сотрудников и консультативным советом при министерстве из представителей заинтересованных организаций; в помощь ему правительством учредило сотни комитетов и подкомитетов. Сфера деятельности министерства реконструкции была практически безграничной: в его структуре были отделы торговли и промышленности, финансов, судоходства, общественных служб, труда и организации производства, сельскохозяйственного развития, центрального и местного аппаратов управления, здравоохранения, образования, жилищного строительства и, наконец, внутреннего транспорта [3: 98].

В акте об учреждении министерства реконструкции его цели были определены весьма туманно, предписывая министерству только сбор информации и составление планов перестройки, но, ни в коем случае, не их реализацию. Его функция состояла исключительно в подготовке законодательных предложений, основная масса которых никогда не была даже рассмотрена парламентом. Министерство реконструкции просуществовало до конца 1918 г. К концу войны большинство органов государственного контроля: департамент контроля угля при министерстве торговли и промышленности, министерство продовольствия и другие ведущие органы государственного регулирования экономики, располагали планами самоликвидации с полным восстановлением довоенных порядков. Но, пожалуй, первостепенное значение имела разработка аналогичного плана в министерстве вооружений – крупнейшем и по масштабам деятельности, и по роли в структуре механизма государственно-монополистического регулирования органе. 17 июля 1917 г. У. Черчилль был назначен министром вооружений, став ключевой фигурой в подготовке перестройки промышленности на мирные рельсы.

План ликвидации военных заказов и перевода военных предприятий на выпуск мирной продукции к концу октября 1918 г. был готов. Согласно ему, изготовление продукции, собранной более чем на 60%, доводилось до конца, а вся остальная подлежала демонтажу, после чего предприятие прекращало выпуск военного снаряжения. Для поддержания существовавшего уровня занятости предполагалось полностью запретить сверхурочную работу, прекратить сдельную оплату труда, сократив часы работы до половины нормальной рабочей недели, и предоставляя рабочим выходные дни и отпуска без сохранения содержания. Как оказалось в дальнейшем, в сравнении с планами трудоустройства демобилизованных солдат, созданными министерством реконструкции и министерством труда, наибольшее практическое значение имел именно план Черчилля, хотя неожиданно высокая послевоенная конъюнктура и не потребовала его осуществления в полном объеме.

Еще в 1916 г. в составе первого комитета по «реконструкции» был образован специальный подкомитет – «комиссия Уитли» (по имени своего председателя,

спикера палаты общин) для рассмотрения «рабочего вопроса». Доклад комиссии Уитли, состоявший из 26 пунктов, был представлен 8 марта 1917 г., сводился к следующему: на каждом промышленном предприятии и в промышленных округах необходимо создать постоянные спромышленные комитеты» из равного числа представителей заводской администрации и местных комитетов тред-юнионов, а по отраслям промышленности – центральные советы. Равные права сторон в «советах Уитли», как вскоре стали называться эти органы, предлагалось гарантировать либо назначением двух равноправных сопредседателей, либо двух заместителей при третьейском председательстве правительственного уполномоченного.

7 июня 1917 г. предложения комиссии Уитли были одобрены правительством и переданы в министерство труда для ознакомления с ними предпринимателей и тред-юнионов, позднее – опубликован. Большинство предпринимательских ассоциаций действительно одобрили план Уитли, хотя и без особого энтузиазма. Характерна в этом отношении позиция Федерации британской промышленности, предложившей еще сильнее укрепить верхнюю ступень иерархии «советов» (в частности, образовать высший совет для группы отраслей промышленности), а создание низового звена – советов предприятий – поставить в зависимость от воли их владельцев. Другого мнения был парламентский совет предпринимательских ассоциаций, который заявил о недопустимости формирования «промышленных советов» на предприятиях. Однако, многие предприниматели и правительство склонны были считать именно заводские «советы Уитли» главным средством в борьбе с растущим влиянием шоп-стюардов. Хотя проект создания «объединенных промышленных советов» был окончательно одобрен военным кабинетом в октябре 1917 г. и принят к реализации, ни в одной из ведущих отраслей британской промышленности создать «советы Уитли» не удалось, они были сформированы лишь на некоторых мелких предприятиях.

Масштабы регулирующей деятельности государства в 1918 г. были весьма велики. У. Черчилль, характеризуя размах деятельности возглавляемого им в конце войны министерства вооружений, заявлял, что почти все шахты и заводы Британии были в руках правительства, которое контролировало и прямо управляло всеми крупнейшими отраслями промышленности, и регулировало все их сырьевое снабжение. Почти пять миллионов человек находились под непосредственным управлением министерства. Как следствие, полный возврат хозяйства в его довоенное состояние в короткий срок представлялся задачей исключительно трудной, осложняемой тем, что по прогнозам правительственных экспертов послевоенная экономическая ситуация в течение по меньшей мере нескольких лет будет аналогична военному периоду. Накануне парламентских выборов 1918 г., программы и реформистов из руководства лейбористской партии, и консервативно либеральной коалиции во главе с Ллойд Джорджем по существу представляли собой поиски компромисса в вопросе о перспективах государственно-монополистического капитализма в Англии, а точнее, попытки наилучшим образом удовлетворить требования буржуазии, не вызвав при этом опасного возмущения рабочих.

Важной политической уступкой была реформа избирательного права, принятая парламентом в феврале 1918 г. Три парламентские реформы XIX в. (1832, 1867, 1884 гг.), постепенно расширяя состав избирателей, оставили без политических прав не только всех женщин, но и бедняков-мужчин. Новая реформа была важным шагом вперед, так как она впервые ликвидировала имущественный ценз. Все мужчины,

достигшие 21 года, получили избирательное право. Оставался лишь сравнительно небольшой ценз оседлости – 6 месяцев. Избирательное право предоставлялось также женщинам, но только начиная с 30-летнего возраста. Количество избирателей сразу возросло с 8 млн. до 21 млн. человек. Почти одновременно парламент провёл реформу народного образования, введившую обязательное бесплатное обучение до 14 лет. Правительство ввело также пособие для демобилизованных солдат, выплачиваемое вплоть до их устройства на работу [2: 279].

Победа либералов predetermined и механизм государственного контроля военной экономики: правительственный план государственного жилищного строительства был резко сокращен, хотя совсем отказаться от участия государства в решении жилищного вопроса не удалось, были провалены реформы образования, сельского хозяйства, транспорта, проекты нового фабричного законодательства и закона о фиксированном минимуме заработной платы. Основу внутриполитической деятельности первого послевоенного правительства с начала 1919 г., составила «политика деконтроля», т.е. разрушения всего здания государственного контроля, объяснявшаяся спецификой реальной послевоенной хозяйственной ситуации; ухудшение конъюнктуры рынка и рост безработицы, начавшиеся с осени 1918 г., к марту – апрелю 1919 г. были приостановлены кратковременным подъемом экономики, носившим характер спекулятивного бума. В основе своей он был порожден резким повышением спроса на продовольственные и потребительские товары, что нетрудно понять: население Британских островов изголодалось и обносилось в годы войны. Однако этот бум не мог длиться долго, так как платежеспособность масс, задавленных гигантским налоговым прессом, была невелика. Бурно развивалась инфляция: к 1920 г. в обращении находилось бумажных знаков на 353 млн. ф. ст. против 33 млн. в 1914 г. Индекс цен составлял в 1918 г. – 192 (1913 г. = 100), в 1919 г. – 206, в 1920 г. – 258,2, в 1921 г. – 155 и в 1922 – 131, причем максимального значения он достиг в апреле 1920 г. – 265,1. Из-за быстрого роста цен жизненный уровень английских трудящихся понижался, а прибыли капиталистов росли. Вместе с тем резко увеличился объем капиталовложений в основные отрасли промышленности, в морской и железнодорожный транспорт [3:117]. Кратковременный экономический бум сопровождался расширением выпуска продукции в ряде отраслей английской промышленности и увеличением внешнеторгового оборота. В 1919 – 1920 гг. производство чугуна возросло на 8,1%, стали – на 15,2, в судостроительной промышленности производство увеличилось на 25,4, а объем экспорта – на 38,1%. И хотя общий объем промышленного производства на 10% отставал от довоенного, а экспорт снизился по сравнению с уровнем 1913 г. почти на 1/3, британские капиталисты решили, что прежние времена возвращаются. Теперь они видели в государственном контроле единственную преграду на пути к восстановлению своего довоенного экономического могущества и открыто требовали от правительства решительных мер [3: 117–118].

В 1919 г. прекратили деятельность и были упразднены практически все бесчисленные комитеты и подкомитеты, комиссии и подкомиссии при министерстве торговли, созданные за время войны. Тем самым, был ликвидирован государственный контроль над промышленностью (за исключением военной и угледобывающей), транспортом, внешней и внутренней торговлей, включая сырьевое снабжение. Министерство продовольствия постепенно суживало размеры

и сферу своих операций, и было окончательно ликвидировано в марте 1921 г., как и связанные с ним закупочные комиссии по сахару и пшенице.

Согласно «Акту о производстве вооружений», министерство вооружений следовало упразднить в течение года после окончания войны, но реально оно просуществовало до 31 марта 1921 г. Подобная задержка вполне объяснима, если учесть, что к моменту окончания войны аппарат его насчитывал 65 142 сотрудника, а годовой объем деятельности оценивался в 672 млн. ф. ст., в руках министерства в основном находился государственный сектор экономики (не считая, конечно, почтового ведомства) – более 200 военных заводов, построенных за время войны. Уже к концу 1918 г. 85 из них были проданы частным фирмам, а в начале 1919 г. правительство решило, что впредь «государственные предприятия должны использоваться для производства только таких изделий, единственным потребителем которых является правительство и в производстве которых они не создадут конкуренции частным предприятиям». Но поскольку номенклатура подобной продукции была весьма ограниченной, постольку процесс реприватизации государственных предприятий продолжался и в дальнейшем.

И все же государственный сектор в промышленности не исчез и к началу 20-х годов, он, по меньшей мере, утроился к довоенному уровню; хотя это составляло лишь 1/3 государственных предприятий военного времени, но зато это были, как правило, крупные, технически оснащенные заводы, обладавшие серьезным экономическим потенциалом [3:118]. Ликвидация министерства вооружений венчала процесс разрушения военного механизма государственного регулирования экономики. Казалось, что он полностью демонтирован, но это было не совсем так. Государство продолжало играть огромную роль в сфере обращения, не только перераспределяя значительную долю национального дохода через государственный бюджет, но и являясь монопольным контролером денежной эмиссии: принятый в 1919 г. «Закон о денежном и валютном обращении» признал де-юре отмену золотого стандарта фунта стерлингов, происшедшую де-факто в самом начале войны. Оно не было устранено и из сферы торговли: «пошлины Маккенны» не просто сохранились в послевоенные годы (лишь на короткое время их отменило первое лейбористское правительство в 1924 г.), но все более приобретали характер откровенно протекционистской меры, как и, введенные законом 1921 г. «О защите ключевых отраслей промышленности», пошлины на ряд новых товаров (искусственный шелк, анилиновые красители и др.). В социальной области правительство, приняв на себя в годы войны и подтвердив это на выборах 1918 г., сохранило ответственность за решение таких важнейших вопросов, как проблема безработицы и жилищный вопрос. А главное, сокращение бюрократического аппарата государственного контроля не затронуло экономической основы новой формы капитализма. Гигантская концентрация производства и капитала, достигнутая в годы первой мировой войны не только не уменьшилась, но продолжала возрастать; автоматическое регулирование процесса капиталистического воспроизводства через механизм рынка, характерное для капитализма эпохи свободной конкуренции, стало невозможным, роль регулятора неизбежно должно было взять на себя государство.

Подобно всем остальным британским капиталистам, английские шахтовладельцы стали настойчиво добиваться ликвидации государственного вмешательства сразу же после окончания войны, однако отмена контроля в этой отрасли промышленности означала бы прекращение действия закона 1918 г.,

формально ограниченного шестью месяцами после окончания войны, и, следовательно, прекращение государственных субсидий. Результатом этого явилось бы резкое падение заработной платы и жизненного уровня шахтеров, опасное нарастанием социальной напряженности. В обстановке подъема массового рабочего движения в 1919–1920 гг., который с особой силой проявился в движении солидарности с Советской Россией и в создании Коммунистической партии Великобритании, подобный шаг был бы весьма рискованным.

Страх перед революционным взрывом заставил правительство прибегнуть к маневрированию. В феврале 1919 г. была учреждена «беспристрастная» комиссия для рассмотрения положения в угледобывающей промышленности под председательством либерала судьи Сэнки, и департамент угольного контролера преобразован в департамент шахт при министерстве торговли, что позволило продлить срок полномочий этого органа государственного контроля до 31 августа 1921 г. Наряду с конкретными требованиями в отношении заработной платы и продолжительности рабочего дня шахтеры неизменно выдвигали требование национализации шахт, понимая под ним не сохранение военной системы государственного контроля над шахтами, а полное устранение шахтовладельцев с введением государственной собственности в угледобывающей промышленности. Требование национализации вынуждена была поддержать даже комиссия Сэнки, однако правительство, неоднократно обещавшее считаться с ее духом так же, как с буквой рекомендаций комиссии, решительно отказалось от проведения национализации шахт и копей.

Итак, к началу последнего года мировой войны сложилось четкое «разделение труда» в сфере планирования послевоенной хозяйственной и социально-политической перестройки. Реальную подготовку к мирным условиям в рамках своей компетенции вели различные государственные органы контроля, а пропагандистскую кампанию планирования глубоких реформ взяло на себя министерство реконструкции. Реальная программа перестройки была ориентирована на возврат к довоенным условиям и потому исключала возможность длительного сохранения государственного вмешательства в дела частного бизнеса, а планы министерства реконструкции, по оценке американского эксперта того времени, преследовали цель оздоровления английской экономики на путях государственного капитализма. Указанное различие в известной мере отражало расхождение точек зрения на государственно-монополистический капитализм не только пролетариев и капиталистов, но и внутри правящего класса. Оценки механизма государственно-монополистического регулирования экономики приводят к формированию некоторых определённых суждений.

Так, государственный контроль в чрезвычайных обстоятельствах мировой войны совершенно необходим. Неизбежность контроля и его роль в мобилизации национальных ресурсов для достижения победы в войне к концу ее признаны абсолютно всеми представителями правящего класса. Государственный контроль в военном хозяйстве страны был эффективен: он не только обеспечил благоприятный исход войны, но и способствовал более плавному функционированию экономики, позволив «ликвидировать или свести до минимума потери от трения между управляющим и работником, между производством и распределением ...» [3:120]. Государственный контроль наглядно обнаружил преимущества организованного капитализма перед анархией свободной конкуренции.

Характерное представление деловых кругов о дороговизне государственного контроля, как следствие – стремление поскорее избавиться от связанных с ростом государственного аппарата огромных издержек, особенно от налога на военные сверхприбыли. Бюрократический аппарат государственного регулирования демонстрирует склонность к быстрому разрастанию, косность, негибкость. Бюрократическая система контроля клеймится за то, что «правительственные методы в высшей степени медлительны и громоздки..., не эластичны..., а государственный механизм рождает только рутину» (издатель Уолтер Хэзелл), и за то, что «чрезмерный государственный контроль не только является несчастьем для промышленности, но и ведет к проникновению в общественную жизнь фактора коррупции» (лорд Пармур), а главное – за то, что «правительственные департаменты не способны вести даже обычные деловые операции страны» [3: 125].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд-Джордж / Кирилл Борисович Виноградов. – Изд-во: Мысль-Язык, 1970. – 418 с.
2. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии / Лев Ефимович Кертман. – М.: Высшая школа, 1979. – 384 с.
3. Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны / С.А. Соловьев. – МГУ, 1985. – 152 с.

*Рекомендовано до друку науковим керівником д.і.н., проф. О.Б. Дьомінім
Стаття надійшла до редакції 15.05.2016*

UDC 316.455:94(438+477)"1650/1700"

THE INFLUENCE OF POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH ON THE UKRAINIAN ELITE IN THE LATE XVIIth CENTURY

O. Perevertanyi

*a 3rd year student, Faculty of History, Department of Ukrainian History
I.I. Mechnikov Odessa National University
Tel.: +38098-586-07-40, e-mail: oleksandr.perevertanyi.96@inbox.ru*

The article is dedicated to the research of Ukrainian elite influenced by the Polish-Lithuanian Commonwealth in the late XVIIth century. This period starts with the rule of Bohdan Khmelnytsky who created the first Ukrainian government and provided the Cossacks with an appropriate status which gradually turned them into elite. The article reveals how difficult this transition was which yielded complex internal political processes inside the country. The driving factor was the formation of Ukrainian elite under the influence of the Polish-Lithuanian Commonwealth. After all, the very Ukrainian elite acted as a carrier of the national idea at the time when Ukrainian culture reached its peak, i.e. during Ukrainian baroque period.

Key words: Ukrainian elite, Ukrainian culture, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cossaks, national idea.

Статья посвящена исследованию украинской элиты, сформировавшейся под влиянием Речи Посполитой в конце XVII-го века. Этот период начинается с правления Богдана Хмельницкого, который создал первое украинское правительство и предоставил козакам соответствующий статус, постепенно превращающий их в элиту. Статья показывает каким трудным был этот переход, который в результате привел к сложным внутренним политическим процессам. Движущим фактором стало формирование украинской элиты под влиянием Речи Посполитой. В итоге сама украинская элита выступала в качестве носителя национальной идеи в то время, когда украинская культура достигла своего пика, т.е. в период украинского барокко.

Ключевые слова: национальная идея, украинская элита, украинская культура, козаки, Речь Посполитая.

Стаття присвячена дослідженню української еліти, сформованої під впливом Річі Посполитої у кінці XVII-го століття. Цей період починається з правління Богдана Хмельницького, який створив перший український уряд та надав козакам відповідний статус, який поступово перетворював їх в еліту. Стаття показує яким важким був цей перехід, який призвів до складних внутрішніх політичних процесів у країні. Рушійним фактором стало формування української еліти під впливом Річі Посполитої. Зрештою, сама українська еліта виступала в якості носія національної ідеї саме у той час, коли українська культура досягла свого піку

Ключові слова: національна ідея, українська еліта і культура, козаками, Співдружність.

The present political situation in Ukraine shows us that patriotic education of the youth is a very important aspect in preserving state sovereignty and collegiality. Therefore, this requires deep and meaningful knowledge of our country's history. The existing conditions of civil society's formation in Ukraine make the research of its political culture somehow problematic. But the research of social development processes is impossible without analyzing similar phenomena in historical perspective. Thus, rises the question concerning the Cossack Hetmanate's political culture of the late XVII century, as it was this period to show especially vividly the exact formation of the Ukrainian government of Cossack Hetmanate and its transformation into a new stratum of the society, Ukrainian elite, which is ready to take responsibility for state building processes in the country.

This problem is quite important in the present geopolitical space as thorough investigation of ancestral generations' experience allows avoiding global state problems which appear in the new wording. The purpose of this work is the research of the Influence of the Polish-Lithuanian Commonwealth onto the Ukrainian Elite's formation in the late XVIIth century, namely its traditions and culture regarding the state affairs of the government and its members.

Research tasks are as following: 1) to inspect the influence of Zboriv Treaty (1649) between the Polish-Lithuanian Commonwealth and Zaporozhian Army led by hetman Bohdan Khmelnytsky onto the legalization of Ukrainian Cossacks self-government within the Polish-Lithuanian Commonwealth; 2) to single out similar state structures of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Hetmanate; 3) to concern Ukrainian elite's formation and its consciousness of self-esteem within the society under the influence of the Polish-Lithuanian Commonwealth on Hetmanate territory in the late XVIIth century.

In 1648, the Ukrainian War of Liberation against the Polish–Lithuanian Commonwealth broke out. Zboriv Treaty of 1649 summed up its first phase and legalized Cossacks' self-government within the Polish–Lithuanian Commonwealth territory. This embodied Cossack state formation called Zaporozhian Army, or Cossack Hetmanate. The state had its own land, newly formed Cossack government headed by the hetman which was executive branch, General Military Council – legislative branch, General Court – judiciary one, and army. The state included three former Polish–Lithuanian Commonwealth provinces of Chernihiv, Bratslav and Kyiv: “As the grand duke his majesty Vyshnevetsky despite his royal majesty such a grand force of Cossacks bred that even we ourselves cannot give it a count, starting with Dnister, Berlyntsi, Bar to the Old Kostyantyniv, to the Sluch and beyond the Sluch, that flows into the Prypyat’, to the Dnipro, from Lyubech to Starodub afar to the Moscovian border with Trubetsky; we’ll make the census ourselves to appoint to his royal majesty service only the dignified and able fine young men. And in these towns of our Army, no baner, either foreign or Polish, should have any rights or dare to take any duties”. The first hetman Bohdan Khmelnytsky insisted that Polish szlachta (officials) leave the land of Zaporozhian Army. It is absolutely a legible fact of hetman power, as hetman being state’s sovereignty and integrity guarantee aspires the territory to be solely Ukrainian, where Cossack customary law is in power.

All the government offices in Hetmanate were occupied exclusively by orthodox szlachta (Greek rite), it was a necessary requirement for any self-governing person pretending to occupy a rank: “Any provincial, municipal or civic rank in every province and every royal secular or spiritual settlements, beginning with Kyiv to Bila Tserkva, to the Tatar boundary in Zadniprovya and to Chernihiv province, should give his royal majesty’s people Greek rite, not Roman ...” This was conditioned by the fact that Bohdan Khmelnytsky built the state on the Orthodox basis, and only an Orthodox should have been in power in government structures.

During this historical process complicated for Ukrainian lands, the government gradually becomes the defender of the law and transforms into a new stratum, Ukrainian elite. After Zboriv Treaty of 1649, Hadiach Treaty of 1658 became the next step of transforming the Cossacks’ officials into the true elite. It enhanced hetman’s power against the background of the Polish royal power even more. According to Hadiach Treaty, the legislative power in the new state (later to be called the Great Duchy of Rus) belonged to the deputies from every land of the Duchy – to the tribunal with Ukrainian records management; finances including coinage should also be self-governed. The army should 30 thousand of Cossacks and 10 thousand of mercenaries. The hetman should provide the King of Poland with a roster of 100 Cossacks from each regiment for ennoblement (becoming szlachta). Ennoblement itself became a key point of the Treaty, as the King had such a rule before singlehandedly, but hetman widens his rights after signing the Treaty: “...especially useful for attracting to his royal majesty’s service, those whom hetman of the Rus Army would promote as deserving would be with no difficulties ennobled including all szlachta rights, yet deciding in such a way that there would be a hundred ennobled men of each regiment...” [2: 33–46].

The longing of the Ukrainian elite to maximal political subjectivity embodied into the striving for sovereignty. The components of it were hetman’s embranchment as ultimate power within the Hetmanate, spreading of his power onto every social subject with no exclusion; usage of solely own rules of law with independent judiciary system; admission of the foreign policy duties in the mutual military and political activity alone; law

enforcement within own society concerning its members solely with the help of own public administration forces; collegiality. The Cossack Hetmanate was very similar to the Polish-Lithuanian Commonwealth from the point of view of polity. Such a process was quite logical as the whole state structure developed under the auspices of the Commonwealth. Thus, there were some state institutions straightly borrowed from the Commonwealth and transformed into own original Cossack structures.

The hetman institution in Cossack Ukraine in the late XVIIth century was concerned in the way that it centered the power in its own hands as a guarantee of social and political stability. The legitimacy of hetman power was founded on such rational reasons as solving the urgent problems and issues within the country and taking certain decisions. Such decisions were the universals issued by hetmans, and universal publications directed to the people on solving certain problems. The hetman institution itself spread onto the foreign policy too, thus to be concerned as a component of Ukrainian territorial safety. According to this fact, the government and the hetman were seen as guarantees of Zaporozhian Army's state integrity [8: 49–58]. Hetman Petro Doroshenko also emphasized the meaning of hetman and government integrity: "Without a head, all is destined to go into pieces" [3].

The legitimacy of hetman election brings us to the thought that this rank is absolutely similar to the king's rank in Poland, as the representatives were elected only from certain stratum and of certain status. But of course the similarity cannot be absolute, as the meaning of the rank was formed according to the national culture and religion of the corresponding territory. The army institution existed both in Hetmanate and in the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the Hetmanate the main part of the army consisted of common Cossacks, and Bunchukovy comrades had special status. Bunchukovi comrade was the highest rank of the Great military camaraderie of the Hetmanate in XVIIth – XVIIIth centuries. The honorable dignity of the Bunchukovy comrades appeared during the rule of hetman Ivan Samoylovych (1672–1687) who wanted to create a peculiar knight stratum out of the members of Cossacks' nobility. Hetman chose the warriors to this regiment from the most recognized Cossack families. The privileges of the Bunchukovy comrade as a person to obtain "special hetman's protection" consisted in being liberated from the local court and being judged in the General court. The Cossack Council and the Polish Sejm in Warsaw are also the state institutions to have certain similarity in structure. The Cossack Council is a general military Cossack council, the superior authority of Cossack self-government. Here the most important issues were solved: those concerning war and peace, and the election of a new hetman [9: 420]. It is clear now that the Cossack Council had legislative power and was tightly connected with the hetman election.

The Polish Sejm is a central public and estate's institution which consisted of the representatives of the same szlachta rank. The Polish Sejm, in its turn, represents the legislative branch of power to influence the electivity of the Polish King. As we can see, the hetman of Cossack Ukraine started to take some functions of the Polish king, which, therefore, caused the government similarity. Thus, it becomes obvious that within the late XVIIth century general historical process, the integrity of the Hetmanate and the Polish-Lithuanian Commonwealth was caused by the fact that almost the whole state organization of Cossack Ukraine was borrowed, though, in its turn, moved and transformed into a distinctive state structure. The new stratum in the Hetmanate, Ukrainian elite, starts to acknowledge its meaningfulness in the historical process and state structure formation. The views of the nobility were formed under the influence of the general European ideas about the division of the society into strata. It was caused by the Orthodox szlachta's penetration

into Cossack nobility, natural historical social labor division between different strata of the society, and Christian ideas about heavenly hierarchy [7: 33].

As a result of these factors' influence, came up the formation of the views onto the division of the society into "inferior and superior" or "elder and younger camaraderie". Such a division was quickly entrenched by the psychosocial mechanisms of the nobility getting used to their leading role. Singling out the causes of social and political stability by the nobility was an illustrative example of such addiction: preserving distinct social division, non-admission of the excessive growth of the Cossack stratum, and providing exclusive own right of ruling the society [7:14]. The nobility didn't concern their leading role and place in the political management solely pragmatically, though willing, of course, to make use of all social and economical privileges provided by power. The representatives of the elite concerned their existence as the pledge of existence of the society and state themselves. Such a self-perception connected with a need of nobility performing general social functions formed a demand of subordination of personal interest to social good inside their political and cultural complex. This was the criterion by which the activity of any nobility's representative was judged. As a consequence, appeared such self-consciousness as "national politics" which had the duties of defending such general social foundations as territorial integrity and constitutional order [8: 49–58].

As the nobility being political elite had to take care of social interest, the realization of which became possible only provided by mobilization of every stratum of the society; their guides had to care about the coordination of every stratum and status interest. As a consequence, the ideal of social cohabitation was included to the nobility's orientation, according to which every stratum had to be provided with the necessary conditions for performing its social functions. This led to the formation of social responsibility for the inferior strata members inside the noble society. This feeling found its incarnation in two aspects: responsibility for accepted political resolutions and responsibility for preserving the unity within the environment of the leading stratum itself. Such a perception caused the orientation onto the consolidation. It was concerned as a guarantee for overcoming all the difficulties and destructive factors, and, from the other point of view, a guarantee for realization all the desired intentions, solving the most difficult social and political tasks. The consolidation is connected with ethnical unity empowering each other reciprocally.

Thus, we can see that the Cossack nobility's realization as a new state of Ukrainian elite made them to take care of the Hetmanate people, of their safety and confidence in the future; all these factors were undeniably connected with the political influence of Western European countries, especially with the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Therefore, the influence of the Polish-Lithuanian Commonwealth onto Ukrainian elite in the late XVIIth century is obvious, as it is traced even in the similarity of the state institutions: hetman – the king of Poland, Cossack Council – Polish Sejm, and the concerning of hetman as the guarantee of sovereignty and integrity of the Hetmanate.

And the main thing is the Cossacks' nobility self-conscience as Ukraine's defender against the external enemies, the organization to enforce the law and to take responsibility for the accepted political resolution and the preserving the integrity of the leading stratum of Cossack state.

REFERENCES

1. Вимоги Запорозького війська передані Яну Казимиру//Універсали Богдана Хмельницького. 1648-1657 / Упорядники: Іван Крип'якевич, Іван Бутич. — Київ, 1998. — 383 с. — С. 52–56.
2. Гадяцький трактат// Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687) / Упорядники: І.Бутич, В.Ринсевич, І.Тесленко. — Київ-Львів, 2004. — № 3 — С. 33–46.
3. Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політично діяльності. — Нью-Йорк, 1985. — С. 61.
4. Ідея шляхетської республіки як спосіб реалізації української державності за постмазепинської доби // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М.Коцюбинського. — Вип. II. Серія: Історія: Збірник наукових праць. — Вінниця, 2000.— С. 38 – 42.
5. Політична культура козацької старшини України-Гетьманщини середини XVI- II ст. // Наукові записки Вінницького держ. пед. унів-ту ім. М.Коцюбинського. — Вип. I. Серія: Історія: Збірник наукових праць. — Вінниця, 1999. — С. 19 – 25
6. Проблема старшинської еліти та її політичної культури в українській історіографії // Історіографічні дослідження в Україні. — Випуск 11. — К.: Інститут історії України НАН України, 2002. — С. 41 – 51.
7. Струкевич О. К. Політична культура старшини Української козацької держави: провідні інтегральні орієнтації : Автореф. дис... д-ра іст. наук : 07.00.01 / О. К. Струкевич; Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. — К., 2005. — 36 с.
8. Струкевич О. К. Інституція гетьманства у політико-культурному сприйнятті старшинської еліти України-Гетьманщини //Український історичний журнал. — 2002. — Вип. 4, (№ 444). — 196 с. — С. 49–58.
9. Швидько Г.К. Козацьке коло // Енциклопедія історії України: Т. 4. Ка-Ком / Ред. В.А. Смолій. — К.: В-во «Наукова думка», 2013. — С. 420.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
д.і.н., проф. О.А. Бачинською, к.філол.н., доц. О.Я. Присяжнюк
Стаття надійшла до редакції 15.10.2015*

M. SAMOFATOV

a 1st year student, History faculty,

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38063–400–23–40; email: samofatov.misha@gmail.com

Дана стаття присвячена одному з найяскравіших політиків Латинської Америки ХХ століття – генералу Омару Торріхосу. Незважаючи на свою ключову роль у політичному житті Панами, він ніколи офіційно не був президентом країни. Життя Омара Торріхоса і сьогодні надихає багато людей на соціальні зміни.

Ключові слова: Омар Торріхос, Панама, Панамський канал, реформи, Джиммі Картер.

Данная статья посвящена одному из самых ярких политиков Латинской Америки ХХ столетия – генералу Омару Торрихосу. Несмотря на свою ключевую роль в политической жизни Панама, он никогда официально не был президентом страны. Жизнь Омара Торрихоса и сегодня вдохновляет множество людей.

Ключевые слова: Омар Торрихос, Панама, Панамский канал, реформы, Джимми Картер.

The article is dedicated to the one of the XXth century Latin America's brightest politicians, general Omar Torrijos. Despite his key role in Panama's political life, he was never officially a president of the country. Omar Torrijos' life still inspires many people from all over the world to do some social changes.

Key words: Omar Torrijos, Panama, Panama Canal, reforms, Jimmy Carter.

Omar Torrijos (Omar Efraín Torrijos Herrera) was born on the 13th of February, 1929 in a small town of Santiago de Veraguas. He was the sixth child in the family. Omar was educated at a local school. At the age of 18, he won a scholarship to the famous military academy, School of Americas in Salvador. After graduating in 1952, Torrijos decided to join the Panamanian Defence Forces (PDF). Because of his great talent and leadership qualities, Torrijos' career was progressing like a shot, and in 1966 he became Executive Secretary of PDF. In 1968, Omar Torrijos with his comrades decided to organise an overturn of Panama's president Arnulfo Arias. Arias was recently re-elected for the third term. But in fact, he falsificated results of elections and he was a cruel, tyrannical president. So, Arias was overturned at night on the 11th of October, and Omar Torrijos gained power in Panama [5: 54]. Of course, Panamanian people weren't upset with this. Moreover, they supported Torrijos, because he was from a poor family, he knew people's problems and was a real patriot of Panama. But there were some controversies at the new government, and not all members of it were happy with the new Panamanian leader. At night on the 14th of December 1969, a group of militaries, which included Head of Joint Staff R. Silvera, colonels P. Fabregas and A. Sanhur, made an overturn. At this time Torrijos was visiting Mexico. When he heard about the overturn, he phoned to all high officers; found out who stayed loyal to him and flew to the Panamanian province Chirica in a small plane. Staying in this province, he collected all loyal troops and went onto the

capital. On the way many ordinary people joined Torrijos. The army took capital without a fight; Torrijos returned a power, and all the conspirators were deported from Panama [5: 72]. Soon, this day, the 16th of December, became a national celebration.

Despite being a militarist, Torrijos was a democratic leader and was supported by Panamanian people's majority. He made a lot of reforms in important spheres [5: 127]:

1. Agricultural reform: according to the new law, rich people had to pay high taxes for uncultivated land. So, they had to give land to landless or land-hungry peasants. Government helped to organize more than 250 collective farms – “asentamiento”. These farms increased revenue of peasants and country.

2. Financial reform: Panama created the most advantageous conditions in Latin America for foreign banks and investors which allowed attracting huge amount of money to the country. By 1973, there were about 50 offices of big international banks.

3. Special governmental commission accepted new Labour code in 1971. By this document, government established minimum size of wage, 8-hour working day and 13th salary. Workers were given a right to go on a strike legally and employers couldn't fire them without giving a reason.

4. In 1972, National Assembly of Panama accepted new Constitution. By it, legislative, executive and judicial branches of power had to work “in harmonic cooperation”.

5. For the first time in Panama's history, a state organised a Ministry of healthcare; within a couple of years death decreased twice (!).

6. Torrijos organised big educational reform which consisted of two parts. Firstly, Panamanian adults' majority were illiterate. After just a few years, number of illiterate adults decreased to 35%. Secondly, there were few schools. As Torrijos said, “no Panamanian child should spend more than 30 minutes on a trip to school”. Soon these words became reality.

After all these reforms, Panama became a country with the highest per capita income in Latin America. What about the international politics of Omar Torrijos, it was very diverse. Panama established friendly relations with American countries' majority and many third-world countries. Torrijos initiated Panama's joining Non-Align Movement, organisation of countries which weren't aligned with or against any power bloc [1: 151].

It should be noted that Panama had friendly relations with a number of socialist countries, especially with Cuba (but not with the USSR). Omar Torrijos and Fidel Castro were known as big friends. Torrijos once said: “Fidel Castro is the only politician, who never told me what I should do” [5: 143]. But Torrijos was neither a communist nor a socialist. In these words he expressed his point of view as to this ideology: “I don't like Communism because it hands out wealth through rationing books”. But Panama had not only friends among different countries. It had also a powerful enemy – the United States of America. If we cast a retrospective look at the previous history of Panama, we will see that it wasn't an independent state but it was the USA colony.

It sounds ridiculously but Panama never obtained Panama Canal Zone. By humiliating Hay – Bunau-Varilla Treaty, signed in 1903 without agreement of the Panamanians, Panama Canal Zone was an American property and the USA had right to interfere into the internal policy of Panama [1: 20]. So it's not a wonder that White House's administration didn't want Panama headlined by a strong leader who potentially could cause some trouble for their dominating in Panama. Omar Torrijos succeeded in his life goal – giving Panama control under the Canal Zone [2: 198]. After the years of difficult conversations with different USA presidents, Torrijos finally reached agreement with Jimmy Carter's

administration. On the 7th of September 1977, Torrijos and Carter signed the so-called Torrijos-Carter Treaty. By this treaty, the USA gradually gave Panama control over the Canal and after the 31st of December, the USA forever leaves Panama Canal (despite American invasion in Panama in 1989, the USA actually left the Canal Zone in 2000) [3: 11]. What's interesting, Torrijos never rejected a possibility of war against the United States if conversations failed and the treaty was not signed.

It is impossible to overrate the importance of this event for Panama and for the rest of the world. To have control over the sea route between the Atlantic and the Pacific oceans is to have influence on the whole American continent and strong maritime companies. So, Torrijos-Carter Treaty changed balance of power in the whole world. In 1978, according to Article 277 of Panamanian Constitution which was dedicated to Omar Torrijos personally, Torrijos ceased to be the Maximum Leader of Panamanian Revolution. But he still continued to consult Panamanian politicians, received visitors from other countries and, in general, defined internal and external politics of Panama [5: 213].

Omar Torrijos once said "Those who dedicate their lives to fighting with social injustice had to weigh their choice. They had to realize that they are unlikely to die from senility in bed". Unfortunately, these words were prophetic. Omar Torrijos died in an air catastrophe on the 31st of July, 1981. His plane crashed into a mountain near the city of Penonomé. This air catastrophe was very strange, and we still don't know what caused the tragedy. Many people suggest that Torrijos' death was organised by CIA. There are two main arguments for this version [4: 208]: 1. New USA president, Ronald Reagan, wanted to strengthen his influence in Latin America, and Panama Canal was crucial for controlling the region. Also, Reagan didn't like Jimmy Carter's politics, and always tried to make decisions conversely to his predecessor. 2. Two months before Torrijos' death, Jaime Roldós, his friend and a president of Ecuador, died. Roldós also had controversies with Ronald Reagan, and also died in an air catastrophe.

Anyway, Omar Torrijos' death was a big tragedy for the Panamanians. They lost a person who made Panama a modern, prosperous country. His successor, Manuel Noriega, didn't have such talent and charisma. Omar Torrijos once said: "I don't want to go into history; I want to go into the Canal Zone". But I'm sure that he succeeded in both.

REFERENCES

1. United States Treaties and other international agreements. Том 33, часть 1. – Washington D.C., U.S. Government printing office, 1987. – 1164 p.
2. Бакланов М.Г. Меж двух Америк / М.Г. Бакланов – М., 1990. – 304 с., ил.
3. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: в двух книгах. Книга 1. / П. Кальвокоресси. – М.: Международные отношения, 2000. – 589 с.
4. Леонов Н.С. Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала / Н.С. Леонов – М.: Международные отношения, 1990. – 240 с.
5. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы: Пер. с англ. / Джон Перкинс – М.: Претекст, 2005. – 319 с.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
д.і.н., проф. О.Б. Дьомінім, к.філол.н., доц. О.Я. Присяжнюк
Стаття надійшла до редакції 29.05.2016*

UDC 929Sokalski:070(477.74-21)“1850/1887”

**BROTHERS IVAN, MYKOLA AND PETRO SOKALSKI, THE GREAT
KHARKIV RESIDENTS IN THE PUBLIC AND CULTURAL LIFE OF ODESA
IN THE LATE XIXTH CENTURY**

K. Sorokina

a 4th year student, Faculty of History, Department of Ukrainian History

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel.: +38066–356–76–07, e-mail: eug.sorokina2011@yandex.ua

The publication is devoted to the famous Ukrainian personalities who came from Kharkiv lineage, i.e. brothers Ivan, Mykola and Petro Sokalski. Honored as the active public figures in their native city, they rarely appear in Odesa history. Their achievements are seldom mentioned in the past of Odesa. Colossal collective family's contribution to public and cultural city's development isn't still properly highlighted in the scientific researches. So, the author made an attempt to reveal in details Odesa period in great publicists' biography on the basis of archival documents, publicistic heritage, and historiographical data.

Keywords: Ivan Petrovych Sokalskyi, Mykola Petrovych Sokalskyi, Petro Petrovych Sokalskyi, Kharkiv, Odesa, “Odeskii visnyk”.

Публікація присвячена видатним українським особистостям, харків'янам за походженням – братам Івану, Миколі та Петру Сокальським. Шановані на батьківщині, як активні громадські діячі, вони лише зрідка фігурують в історії Одеси. Їх звершення побіжно вписуються на сторінки Одеської минушини, а колосальний колективний внесок родини в громадський та культурний розвиток міста і досі не знаходить належного висвітлення в наукових працях. Тож, на основі аналізу архівних джерел, публіцистичної спадщини та історіографічних напрацювань, в статті здійснено спробу детально зупинитися на огляді Одеського періоду біографії визначних публіцистів.

Ключові слова: Сокальський Іван Петрович, Сокальський Микола Петрович, Сокальський Петро Петрович, Харків, Одеса, «Одеський вісник».

Публикация посвящена известным украинским персоналиям, харьковчанам по происхождению – братьям Ивану, Николаю и Петру Сокальским. Уважаемые на родине, как активные общественные деятели, они лишь изредка фигурируют в истории Одессы. Их свершения вписываются на страницы Одесского прошлого, а колоссальный коллективный вклад семьи в общественное и культурное развитие города до сих пор не находит должного освещения в научных трудах. Так, на основе анализа архивных источников, публицистического наследия и историографических наработок, в статье предпринята попытка детально остановиться на обзоре Одесского периода биографии выдающихся публицистов.

Ключевые слова: Сокальський Іван Петрович, Сокальський Миколай Петрович, Сокальський Петро Петрович, Харків, Одеса, «Одеський вестник».

The second half of the XIXth century became the peculiar turning point in «Odeski Visnyk»'s history. The period of improvement and active development of central periodical was marked by the activity of editorial headed by great Kharkiv residents – Ivan, Mykola and Petro Sokalski. Honored as the active public figures in their native city, they are rarely mentioned in Odesa history although the range of interests and achievements of each of them can be a theme for individual scientific investigation in the context of their variety.

So, in the 1830s, in the family of Kharkiv scientist and a professor of political economy Petro Ivanovych and his wife Olga Petrivna three boys were born. Brothers came from the ancient Ukrainian lineage, the members of which went down into Zaporizka Sich history. Unfortunately, the family idyll was discontinued by the mother's immature death. Father was a widower not for a long time, and soon a stepmother appeared at home. Apropos of this, the family biographers have the assertion that father couldn't totally understand his children's great creative potential; they immersed themselves into the art world in order to abstract away of daily occurrence. And really, the brothers devoted much time to studying music since childhood. Ivan learnt playing the violin, Mykola – the cello and Petro the piano and then also the flute by observing the playing of grandfather who was the musician and Kapellmeister of the local orchestra. By the way, we found out from Petro Sokalskyi's diaries that their first concert, the brothers gave at the age of ten.

Petro Petrovych's playing which attracted the family ambiance thanks to his sincerity and talent, especially took the viewers' fancy. The abilities gave him the opportunity to catch up quickly the academic activity and, also to learn difficult foreign language during the studies in German gymnasium. A boy spared a lot of time reading the books from the library collected by his father, and the native history engaged him more than other humanities. Mykola addicted literature at school and even had the intention to publish some small authorial novels, the fragments of which were found in publicist's private papers. The learning of English was also easy for him, so he could translate the favorite Shakespeare's and Byron's works without difficulties.

After finishing school, siblings entered the university without delay due to their productive studies. Thereby, in 1848 Petro Petrovych was officially enrolled into a higher education establishment. One year previously, Mykola submitted the documents to physics and mathematics department. And Ivan ended the learning as a graduated philology specialist. The high school graduation marked for the brothers not only new specific and professional stage but also it became the direct forerunner of Odesa period. Ivan was assigned as a lecturer in Odesa Richelieu Lycee at once after the ending of studies. Father Petro Ivanovych agreed with the eldest son's proposal as to the move of Mykola and Petro to Odesa where he could petition about their employ after the line of suasions. The family meted together in the south of Ukraine in September of 1852. Talented Sokalski brothers were hardly twenty when they continued the thorny way of search of their own destiny in our city [5: 7–29].

Further, Ivan Petrovych taught political economy and commerce for 7 years in the status of adjunct and then the professor of Richelieu Lycee [3]. His name figured in archival documents connected with the planning of lyceum curriculum. By the way, the special place was allotted to New Russia and Odesa trade in the document personally signed by Ivan Sokalskyi. It must be noted that our town was highlighted among the world leading trade centers [4]. At the same time, Ivan Petrovych defended his dissertation «The role of consentient labour in the field of industry» in fateful 1852. He also issued four

brochures on “The trade in New Russia and in Besarabia in 1850–53”. Since 1853 Ivan Sokalskyi began to draw up the reports about the external commerce after Pylyp Brun’ disposal from the Statistical Committee [14: 281–284].

On the other hand, we have little information on Mykola Petrovich’s life during 1851–57. From the family correspondence, we found out that the future head editor was employed in chancellery of Odesa educational district trustee after his arrival to Odesa; then he taught mathematics at Gymnasium II, and, finally, began to cooperate with «Odeskii visnyk» editorial due to the invitation of the then leader Oleksandr Troinytskyi. The general director and disposer Mykola Novoselskyi proposed him a promotion after the initiation of Russian Steam Navigation and Trading Company in Odesa in 1856 [2: 73–75].

Petro Sokalskyi got the removal to Katerynoslavskyi Gymnasium where he had to teach the course of natural sciences soon after coming to Odesa. He returned to Odesa again to occupy a vacant position of lecturer in Gymnasium II in the summer of 1853. The youngest brother had time to complete the dissertation, then to occupy a post of adjunct in Kharkiv University and at last to realize his old dream about the journey to Saint Petersburg during the next four years. The absence of job in the metropolitan center forced Petro Petrovych to change the sequence of posts [5: 39–73]. Finally, the thirst for travelling inclined him to take the proposal from Russian Empire’s general consul in the USA, and, thus, he became the assistant of a diplomat [12].

The year of 1859 brought faithfully changes to the family. «Odeskii visnyk» was returned under the authority of the Governorate chancellery, so Mykola filled the position of chief editor which he hadn’t left till his death in 1871. The specialists in the sphere of regional print media development noticed that the new editor team continued to defend the periodicals in order to participate in the discussion of public questions. The newspaper also gained authority among the readers and its edition invariably increased [2: 75–79].

The further fate of Ivan Petrovych was connected with Odesa at least. He returned to native Kharkiv in the connection with the invitation to occupy the post of professor at the statistical department. It occurred after two months in the role of «Odeskii Visnyk»’s head editor where his adumbrations were signed with popular pseudonym D. Dnistrovskyi; also he cooperated with “Novorosiyskyi Telegraph”. But lecturer saved the connections with honorable edition in the form of episodic notes. Particularly, his public lectures about “The Land banks” and “Choosing the place for New Russia University” read in Kharkiv University in 1861, were published in newspaper columns. It must be noticed that the Kharkiv residents gave the preference not to Mykolaiv but exactly to Odesa. He claimed that “only the atmosphere of a big city could promote scientific studies and explorations”. So, he was an ardent supporter of university’s foundation in our city [14: 281–284].

The next years of Petro Sokalskyi’s life formed the replete story. He actively cooperated with «Odeskii visnyk»’s editorial as the publicist and chief editor’s helper during 1851–57 [2:81–82]. As for public activity, Petro Petrovych was chosen as the secretary of Royal Society of South Russia Agriculture, and was chosen «Notes»’ editor at the beginning of 1869 [5: 170]. At the same time, he was an active member of “The Association of mutual loan” [6]. His brothers were members of these associations too. Ivan Sokalskyi also was a member of “Odessa Society of History and Antiquities” [7; 8; 9]. After Mykola’s sudden death, Petro Sokalskyi showed the liability to continue the publishing business. So, he edited “Odeskii visnyk” startin from 1872 till his conversion in “Novorosiyskyi Telegraph” in 1877 [5: 170–171].

Petro Petrovych's musical creative work was a particular page in his biography. In his cultural inheritance there are about 40 music works for the piano, more than 40 romances among which some were written based on Shevchenko's lyrics; the operas were inspired by the works of O. Pushkin, M. Hohol, and P. Hulak-Artemovskyi works [11]. The musician was also remembered thanks for his contribution to Odessa cultural life where he organized "Association of music amateurs" (later "Odesa Music Society") in 1864 [5: 100–106]. Moreover, Petro Sokalskyi took part in a music contest organized by "Royal Music Society" and was awarded for his cantata "Peter the Great's banquet" in 1861. The city community perceived the first composer's success with honor [13].

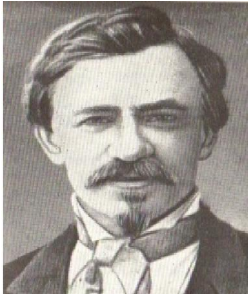
Let's reveal the end of outstanding Kharkiv residents' life. Mykola Petrovych prematurely died at the age of 40 from abdominal inflammation. It happened in 1871 after he had been more than twelve years «Odeskii visnyk's» head editor [10]. 16 years later the world lost Petro Sokalskyi. Famous composer died from the febrile catarrh. This coincidental misfortune strongly remained Mykola Petrovych's death. So, the young brother untimely perished in spring. He died from the light lung trouble at the age of 55 in March [1]. The eldest Ivan Petrovych was the last to die. It occurred ten years later in Kharkiv. The death again repeated itself. It took away the last talented brother not prematurely because Ivan Sokalskyi was 67 years old [14: 281–284].

So, brothers Ivan, Mykola and Petro Sokalski lent their souls to the tasks of our city's public and cultural life. The family registered itself by productive work in the field of education and also by publishing "Odeskii visnyk" on the base of authoritative edition. Moreover, the brothers repeatedly showed themselves as patriots because they supported Ukrainian national values. As for "Odesa society", today there are no memorial signs of Sokalski's honor in the city. Perhaps, their collective acts will be duly appreciated by scientists and Odesa governance in the course of time.

REFERENCES

1. Год восемнадцатый. Известие о кончине // Новороссийский телеграф. – 1887. – 31 марта (12 апреля); Ф.Фельетон. Воспоминания о П.П.Сокальском // Новороссийский телеграф. – 1887. – 1 (13) апреля.
2. Гребцова И.С. Периодическая печать в общественном развитии Южного степного региона Российской империи (вторая треть XIX в.). – Одесса, 2002.
3. ДАОО. – Ф.44. – О.2. – Спр. 89. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.odessa.gov.ua/el_arh/doradjanski/f_1-100/
4. ДАОО. – Ф.44. – О.3. – Спр. 2.
5. Каришева Т.И. П.Сокальський. Нарис про життя і творчість. – Київ, 1959.
6. Новороссийский календарь на 1871, издаваемый от Канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. – Одесса, 1870.
7. Новороссийский календарь на 1857, издаваемый от Ришельевского лицея. – 1856.
8. Новороссийский календарь на 1860 високосный год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1859.
9. Новороссийский календарь на 1865, издаваемый от Ришельевского лицея. – 1864.
10. Одесский вестник. – 1871. – 19 мая; Некролог// ОВ. – 1871. – 20 мая; О похоронной процессии // ОВ. – 1871. – 22 мая; Очерк о жизни. – 1871. – 26 мая.
11. Сокальський Петро Петрович / Курас І.Ф. Провідники української духовності. – http://libfree.com/184089448_kulturologiya_sokalskiy_petro_petrovich.html#964

12. Сокальский П. Путевые заметки: Переезд через Атлантический океан / Содержание Одесского Вестника за 1859-й // ОВ. – 1860. – 5 января; Сокальский П. Фельетон. Утро в Нью-Йорке // ОВ. – 1860. – 13 августа.
13. Тедеско И. Русская кантата «Пир Петра Великого» для хора и оркестра, сочинения П. Сокальского // ОВ. – 1861. – 18 мая.
14. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Под. ред. М.П. Чубинского. – Харьков, 1908.

Petro Sokalskyi in 1870

Ivan Sokalskyi

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
д.і.н., проф. Т.С. Гончаруком, к.філол.н., доц. О.Я. Присяжнюк
Стаття надійшла до редакції 11.05.2016*

ФІЛОСОФІЯ, КУЛЬТУРОЛОГІЯ

УДК: 1(09)

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «АНИЙЙА» В РАННЕМ И ЗРЕЛОМ АРАБОЯЗЫЧНОМ ПЕРИПАТЕТИЗМЕ

Ф.О. Нофал

*студент IV курса философского факультета заочного отделения,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел.: +38095–821–76–88; email: faresnofal@mail.ru*

В настоящей статье приводятся обзор и критика существующих в современном философском востоковедении интерпретаций категории «явленность» («аниййа») – классического понятия арабоязычного перипатетизма. Также автор пытается, на основании оригинальных текстов файласуфов Востока, прояснить место вышеуказанной категории в системе эссенциальных и экзистенциальных концептов арабо-мусульманской мысли.

Ключевые слова: арабоязычный перипатетизм, ал-Кинди, Ибн Хазм, ал-Фараби, Ибн Сина.

У запропонованій увазі читача статті наводяться огляд і критика існуючих в сучасному філософському сходознавстві інтерпретацій категорії «явленість» («аниййа») – класичного поняття арабоязичного перипатетизму. Також автор намагається, на підставі оригінальних текстів файласуфов Сходу, прояснити місце вищезгаданої категорії в системі есенціальних і екзистенціальних концептів арабо-мусульманської думки.

Ключові слова: арабоязичний перипатетизм, ал-Кінді, Ібн Хазм, ал-Фарабі, Ібн Сіна.

In the given article the author has considered the main interpretations of the category of “aniyya”, which exists in modern oriental sciences. The author of this work researches the connection between the above-mentioned concept and other essential and existential categories in the Arabic medieval thought.

Keywords: falsafah, al-Kindi, Ibn Hazm, al-Farabi, Ibn Sina.

Одной из наиболее дискуссионных тем в современном философском исламоведении остается вопрос о семантике и этимологии категории «аниййа», впервые разработанной представителями арабоязычного перипатетизма (*фалсафы*). Несмотря на редкое ее употребление «эллинизирующими» мыслителями арабской классики, именно она вот уже восьмое десятилетие волнует умы как востоковедов Запада, так и философов современного Востока в виду своей персоналистической, экзистенциальной семиотики. Собственно, пристальное внимание к вышеупомянутой категории появляется именно в лоне арабского экзистенциализма, а точнее – в классической работе ‘А.Бадави «Экзистенциальное время» (*«аз-Заман ал-вуджудийй»*). Так, впервые используя в тексте слово «аниййа», Бадави замечает: «Что касается термина «аниййа», то он имеет своим источником лексикон

мусульманских философов. В своих «Определениях» («*ат-Та'рифат*»), ал-Джурджани определяет его следующим образом: «Осуществленность воплощенного существования через самостное положение оного». Часто этот термин использовался в качестве оппозиции «чтойности» – иными словами, он эквивалентен «существованию», будучи противопоставленным «чтойности». Как мы увидели выше, в тексте 'Абу ал-Бараката, такова его семантика. То же самое мы находим в трудах других мыслителей – например, ат-Туси, писавшего в «Объяснении знаков» («*Шарх ал-Ишарат*»): «Время явлено по существованию и сокрыто по чтойности».

По всей видимости, само слово представляет собою точную кальку с древнегреческого «бытийного» глагола εἶναι. Вместе с тем, некоторые арабские авторы пытаются вывести его из арабских корней; так поступает и 'Абу ал-Баракат в своих «Универсалиях» («*ал-Куллийат*»)...: «Глагол «*ин-на*», переданный через *касру* и *шадду* в арабском языке подчеркивает силу существования, его утверждение; поэтому *фаласифа* используют его для указания на Необходимо-Сущее, силу и утвержденность Его существования». Но это слово - нововведение в арабском языке». Заметим, что мыслитель выводит наш термин из глагола «*ин-на*», фиксируя его как «*иниййа*», тогда как зачастую он пишется как «*аниййа*», что фонетически ближе к греческому оригиналу. Все это выглядит несправедливой электикой со стороны 'Абу ал-Бараката – конечно, если он не подразумевал другое слова в своем трактате.

Как отметил доктор Таха Хусейн, термин «*аниййа*» можно использовать для перевода немецкого слова Dasein, которое не раз будет приведено ниже; такой шаг оправдан вышеупомянутым определением ал-Джурджани – «*аниййа*» представляется нам достаточно точным переводом слова, непокорного европейским языкам... Греческий источник термина эквивалентен немецкому слову Sein, обозначающему абсолютное бытие – как «это-бытие», так и «бытие чтойности» [3: 5].

Читателя, знакомого с фундаментальными трудами пионера арабского экзистенциализма по истории европейской и арабо-мусульманской мысли, не может не удивить нехарактерное для методологии Бадави отсутствие хоть сколько-нибудь убедительной аргументации у приведенного выше тезиса, весьма спорного в самой своей сути [7]. Неудивительно, что спустя пять лет после выхода в свет «Экзистенциального времени», выдающийся философ Египта М. 'Абу Риды подготавливает к печати критическое издание трактатов ал-Кинди, на полях которого и полемизирует со своим известным коллегой и соотечественником. По мнению 'Абу Риды, безапелляционность Бадави относительно этимологии слова «*аниййа*»¹ выглядит более чем сомнительно, особенно в свете «малочастотного употребления термина арабскими философами» [6: 1:98]; более того, «обилие исконно арабских терминов, так или иначе описывающих существование, избавляет *фаласифа* от необходимости заимствования тех или иных древнегреческих слов» [6: 1:99]. Вместе с тем, как верно отмечает сирийский исследователь Б. 'Ала' ад-Дин, сам 'Абу Риды решительно отвергал «темпоральную» трактовку генезиса и эволюции «*аниййа*», обусловленную фонетической близостью слова к понятию «*ан*»

¹ В настоящей работе мы используем именно такую транскрипцию термина ввиду распространенности фонетической формы «*аниййа*» как в историко-философской литературе, так и в современных изданиях многих классических арабских трактатов. Тем не менее, необходимо отметить, что некоторые версии, касающиеся этимологии термина (равно как и сама консонантная основа слова) предполагают другие варианты его огласования (*аниййа*, *иниййа*).

– «момент времени» [1]; вместо этого историк интерпретирует «*аниййа*» как указание на «существующую вещь» [6: 1:215].

В своем обзоре М. 'Абу Рида приводит мнения востоковедов – и, в частности, А. Гуашон – касательно связи категории «*аниййа*» с древнегреческим обозначением сущего «*ὄν*» [16: 8–11]; от этой точки зрения отходит С. Ван ден Берг, трактующий арабский термин как «факт бытия предмета (*τὸ ὄν*)» со ссылкой на лексикон Стагирита [17]. Оригинальной выглядит попытка Г. Дайбера увязать термин «*аниййа*» с суфийским персонализмом [15: 108]². При этом во всех работах, затрагивающих данную проблему, читатель не найдет подробного анализа текстов-первоисточников, оперирующих указанной выше категорией. Ниже мы попытаемся вернуться к некоторым трудам арабских перипатетиков, могущим пролить свет как на семантику, так и на этимологию понятия «*аниййа*».

Первую серьезную проработку нашей категории мы находим в трактатах 'Абу Йусуфа Йа'куба б. Исхака ал-Кинди (ум. 256/873). В «Послании о первой философии» («*Рисала фи ал-фалсафа ал-'ула*») первый *файласуф* пишет: «Причина существования (*вуджуд*) и утвержденности (*сабат*) всякой вещи – [е] суть (*хакк*); ибо все, что обладает явленностью (*аниййа*), обладает и сутью» [6: 1:97]. Как явствует из логики текста, «*аниййа*» определенным образом соотносится с существованием вещи и предшествующей ее бытию утвержденностью [8: 3: 678-679; 9: 36,81]; однако прямое отождествление «существования» с «явленностью» и противопоставление их «сущности», к которому прибегали многие исследователи наследия 'Абу Йусуфа [14: 63], является, на наш взгляд, серьезной ошибкой. Служа ответом на вопрос «Разве?» (*халл*) [6: 1:101], «*аниййа*» представляет собой предельный метафизический предикат всякого феномена, всякой вещи: к примеру, «явленностью» в равной степени обладают как Первопричина [6: 1:215], так и движение (*харака*) с его «мерой» (*'адад*) – временем (*заман*) [6: 1:205]. Необходимость разграничения вечного и тварного приводит философа к выделению «конечной» и «бесконечной», или «истинной» явленности: коррелируя между собой, время, явленность и движение не могут опережать друг друга в подлунном мире, тогда как «чистой явленностью» ал-Кинди называет одного только Бога [6: 1:117].

В своем «Ответе *файласуфу* ал-Кинди» («*ар-Радд 'ала ал-Кинди ал-файласуфу*»), Ибн Хазм ал-Андалуси (ум. 456/1064) выделяет несколько отрывков из «Первой философии» 'Абу Йусуфа, на его взгляд, неверно интерпретирующих онтологическое значение «*аниййа*». К примеру, фраза ал-Кинди о «первопричинности явленности для всех ее – явленности – действий» представляется Ибн Хазму в корне ошибочной: «Самость (*зат*) совершает те или иные действия. Но до этого она обладает [предельным] единством, в котором не присутствует причина [деяния] (*'илла*). Здесь-то и кроется противоречие [между речением ал-Кинди и действительностью]» [2: 4:376]. Также, как замечает философ Андалусии, наличие причины в «явленности», продуцирующей не-необходимые деяния, свидетельствует о присутствии предельного основания процесса в некоей части единой, неделимой самости, при метафизическом «бессилии» или «небытии» других частей, что невозможно *a priori* [2: 4:377; ср. с критикой Ибн Хазмом естественно-детерминистской теории смыслов Му'аммара б. 'Аббада (ум. 215/830-831): 10: 60-78]. Очевидно, что уже в этих отрывках Ибн Хазм определяет

² «*Аниййа* – это человеческое Я, находящееся между сущностью и существованием».

«причину» ал-Кинди как следствие деятельности «явленности», критикуя саму идею естественного детерминизма; однако какую дефиницию мыслитель дает собственно термину «*аниййа*»? Очерчивая свой, общий с ал-Кинди, онтологический тезаурус, Ибн Хазм отмечает, что «явленность и самость суть самая вещь (*аш-шай' би-'айнихи*)» [2: 4:389]. Именно эта фраза философа позволяет нам снять противоречие, отмеченное многими исследователями наследия 'Абу Йусуфа: так, ал-Кинди, с одной стороны, используя в некоторых своих текстах категории «оность» (*хувиййа*), «существование», «явленность», «бытие» в качестве взаимозаменяемых, с другой, подобно ал-Фараби (ум. 339/950) и Ибн Сине (ум. 427/1037), проводил грань между сущностью и существованием [14: 63–71]. Для ал-Кинди «явленность» становится процессуальным эквивалентом «вещи», предстающей перед перцепцией субъекта познания в неразрывном единстве бытия и самости – а, следовательно, и первым действующим субъектом миров трансцендентных и имманентных процессов.

Что касается трактатов 'Абу Насра Мухаммада ал-Фараби, то единственное обстоятельное обращение к термину «*аниййа*» мы находим в его «Книге букв» («*Китаб ал-хуруф*»). В частности, «Второй учитель» пишет: «Глагол *ин-на* означает утвержденность (*сабат*), непреходящесть (*давам*), совершенство (*камал*) и закрепленность (*васака*) в существовании и знании ('*илм*) о вещи... В греческом языке также есть слова «*ун*» и «*уон*», передающие крепость и подчеркивающее утвержденность вещи – но второе слово, упоминаемое при разговоре о Боге, сильнее передает этот смысл... Потому-то философы и называют совершенное существование (*вуджуд камил*) вещи [словом] «явленность», тождественным ее «чтойности» (*махиййа*). Они говорят: «Какова явленность вещи?», – то есть: «Каково ее совершенное существование?», – подразумевая ее чтойность» [12: 61].

Уточняя семантическое значение слова «*аниййа*», ал-Фараби следует концепции ал-Кинди, вписывая ее в свою метафизическую систему. Чтойность, по 'Абу Насру, объединяет в себе все предикаты, что делают ту или иную вещь самой собой [12: 106-110]; вместе с тем, чтойность не может содержать в себе существование в качестве атрибута [13: 42]: будучи «первичным понятием» (*масаввур 'аввал*) [11: 245], существование является необходимым (*лазим*) для самостей, но не их внутренним основанием (*мукаввим*). Различные восточным перипатетиком чтойность и существование могут объединиться лишь в воплощенной сущности – явленности, служащей конечным «осуществлением» (*тахаккук*) существования в актуально бытийствующем сущем. Сущее скреплено процессом перехода из потенциального состояния в актуальное, имеющим началом emanацию Необходимо-Сущего, чтойность Которого тождественна чистой Его явленности [11: 263-264].

Не менее ригористично отделяет «явленность» от простого «существования» «Главный шейх» 'Абу 'Али Ибн Сина. В своей знаменитой «Теологии» («*ал-'Илахиййат*») Авиценна отмечал: «Чтойность Необходимо-Сущего состоит в том, что Оно – Необходимо-Сущее; и это – явленность; и скажем: явленность и существование равно могут возникать во чтойности» [4: 180]. В то время как осуществленность Первоначала в бытии заключена в самом бытии, все остальные «явленности» нуждаются в причине (*ма'лун*), соединяющей воедино чтойность и существование [4: 181]. Тем не менее, как следует из вышеприведенного отрывка, «явленность» и «существование» противопоставлены «чтойности» как привходящие в последнюю атрибуты – а потому «чтойность» объявляется перипатетиком «чем-то внешним, относительно явленности-основы становления [чтойности]» ('*амр*

мукаввим)» [4: 181]. В качестве этимологического корня термина Ибн Сина, так же, как и ал-Фараби, выдвигает глагол «ин-на» – к примеру, Бог выступает у него как «Явленный (ин-н-ун) и Суший» [5: 205].

Подводя итоги нашему беглому обзору, необходимо остановиться на «экзистенциальной» коннотации нашей категории. Как мы убедились выше, термин «аниййа» прямым образом не указывает ни на сущность вещи, ни на ее существование: соотношенная с бытийными понятиями и, как правило, разведенная с сущностными, категория «явленности» играет ключевую роль уже в метафизике трансцендентного – то есть области чистого, избавленного от всякой чтойности, бытия. Самоочевидность единичного бытия влечет за собой необходимость воплощенности всякого сущего, располагающего, помимо дарованного Первоначалом существования, чтойностью – предельной, «партикуляризационной» реализацией существования. Таким образом, «явленность» действительно служит указанием на *это-, здесь-существование sui generis*, проявляющееся в различном, живом единстве эссенции и экзистенции. Близость термина «аниййа» к понятиям «воплощение» (*та'аййун*) и «наличие» (*хусул*) с одной стороны, и к концептам раннего экзистенциализма – с другой обусловила его популярность в среде арабских мыслителей и историков философии во второй половине XX в., применявших современные им семиотические схемы для интерпретации классической категории арабоязычного перипатетизма и «перипатетирующего» калама IX – XII вв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. 'Ала' ад-Дин Б. Аниййа / Б. 'Ала' ад-Дин // ал-Мавсу'а ал-'арабиййа –Режим доступа:<http://www.arabency.com/ar/%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%AD%D9%88%D8%AB/%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%86%D9%91%D9%8A%D8%A9>
2. Ал-Андулуси, Ибн Хазм. Ар-Раса'ил. – В 4-х тт. – Бейрут, 1983. – 1604 с.
3. Бадави 'А. Аз-Заман ал-вуджудий / Бадави 'А. - Бейрут, 1973. – 276 с.
4. Ибн Сина. Ал-'Илахиййат мин Китаб аш-шифа'/ Ибн Сина, 'Абу 'Али. – Бейрут, 1991. – 508 с.
5. Ибн Сина. Китаб ан-наджат/ Ибн Сина, 'Абу 'Али. – Бейрут, 1991. – 406 с.
6. Ал-Кинди, 'Абу Йусуф Йа'куб. Ар-Раса'ил ал-фалсафиййа/ ал-Кинди, 'Абу Йусуф. – В 2-х тт. – Каир, 1950. – 295 с.
7. Кулиева С. Шейх философов Абдурахман Бадави и проблемы истории философии / С. Кулиева. – Баку, 2003. – 186 с.
8. Новая философская энциклопедия / Ин-т философии Российской акад. наук; Гл. ред. В.С.Степин. — В 4-х тт.; 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010. – 2086 с.
9. Нофал Ф. Ибрахим ибн Саййар ан-Наззам / Ф.Нофал. – М., 2015. – 152 с.
10. Нофал Ф. Му'аммар б. 'Аббад ас-Сулами ва ара'у-ху ал-каламиййа ал-фалсафиййа / Ф. Нофал. – Бейрут: Дар ал-Фараби, 2015. – 120 с.
11. Ас-Самара ал-мурдиййа фи ба'д ар-рисалат ал-фарабиййа/ ал-Фараби, 'Абу Наср. – Бейрут, 2012. – 350 с.
12. Ал-Фараби, 'Абу Наср. Китаб ал-хуруф. – Бейрут, 1990. – 278 с.
13. Ал-Фараби, 'Абу Наср. Ат-Та'ликат. – Бейрут, 1988. – 126 с.
14. Adamson P. Al-Kindi / P. Adamson. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – 290 p.
15. Daiber H. Bibliography of Islamic Philosophy: Index of names, terms and topics. Vol. 2 / H. Daiber. – Leiden: Brill, 1999. – 548 p.

16. Goichon A.M. Lexique de la Langue Philosophique D'ibn Sina. –Paris, 1938. – 496 p.
17. Van den Bergh S. Anniyya / S. Van den Bergh // Encyclopaedia of Islam. Leiden: Brill, 1986. Vol. 1. – Pp. 513–514.

*Рекомендовано до друку д.філос.н., проф. каф-ри всесвітньої філософії та естетики
Східноукраїнського національного університета імені Даля В.М. Шелюто
Стаття надійшла до редакції 24.12.2015*

УДК 821.161.2-(043.3)

ІСТОРІОСОФСЬКА КОНЦЕПЦІЯ РОМАНУ П. КУЛІША «ЧОРНА РАДА»

О.В. Олійниченко

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел: +38098–287–05–72; email: e.v.olinych@gmail.com*

В статті розглядаються поняття «історіософія» та «філософія історії», визначаються особливості української історіософії XIX століття. Аналізуються різні погляди на історіософію українського письменника П.Куліша. Враховуючи національні особливості, характеризується історіософська концепція автора в першому українському історичному романі «Чорна рада».

Ключові слова: історіософія, філософія історії, національна ідея, художня концепція, історичний процес.

В статье рассматриваются понятия «историософия» и «философия истории», определяются особенности украинской историософии XIX столетия. Анализируются разные взгляды на историософию украинского писателя П. Кулиша. Принимая во внимание национальные особенности, характеризуется историософская концепция автора в первом украинском историческом романе «Черная рада».

Ключевые слова: историософия, философия истории, национальная идея, художественная концепция, исторический процесс.

The article highlights the terms «historiosophy» and «philosophy of history», defines the peculiarities of XIXth century Ukrainian historiosophy. It analyses different viewpoints on the historiosophy of the Ukrainian writer P.Kulish. Taking into consideration national peculiarities, we characterize historiosophical conception of the first Ukrainian historical novel «The Black Council».

Keywords: historiosophy, philosophy of history, national idea, artistic conception, historical process.

Термін «історіософія» в сучасній науці є одним з найбільш уживаних дефініцій в той час, коли не завершено його теоретичне осмислення. Це поняття широко

використовується в історіографії, філософії та літературознавстві, звертаються до нього при поєднанні твору історичного матеріалу з наявною філософською авторською концепцією. Враховуючи трансформаційний статус українського суспільства і особливості вітчизняної соціокультурної ситуації, якіколи актуальним видається дослідження історичного виміру національної свідомості, історіософії, що є невід’ємним елементом української культури. Постійне згадування «історіософії» засвідчує необхідність вивчення української філософської думки, але з тої точки зору, яка б врахувала її специфіку.

Термін «філософія історії» було запропоновано Ф. Вольтером у праці 1765 року, трактуючи його як наукову теорію історії, переосмислення історичних подій. Поступово значення даного терміну розширилося, і у дисертації послідовника Г.В.Ф. Гегеля А.Цешковського «Пролегомени до історіософії» (1838) з’являється оновлена дефініція «історіософії», яка передбачала не тільки осмислення минулого, а й ірраціональне обґрунтування майбутнього. «Філософська енциклопедія» визначає історіософію наступним чином – це концепція філософії історії, що створюється як цілісне осягнення варіативності і спадкоємності конкретних історичних форм з точки зору розкриття в них універсального закону або метаісторичного змісту [7].

Сучасна гуманітарна думка підтримує стійку традицію розрізняти терміни філософія історії та історіософія. Дослідник В.Кошелєв визначає цю різницю так: « Вона <історіософія> відрізняється від класичної філософії історії (представленої, наприклад, у Гегеля): вона менше займається виявленням логіки світового історичного процесу, причинно-наслідковим сплетінням подій, раціональним поясненням їх сутності. Історіософія – це інтуїтивне переживання долі народів, естетичне й етичне осмислення основ їх історичного буття, пошук «коріння» і передбачення майбутньої «долі» [5: 195–196]. Загальноприйнятого визначення терміна «історіософія» не існує, в його трактуванні спостерігаємо значні відмінності. У авторитетному науковому виданні «Енциклопедія історії України» зазначено, що терміном «історіософія» позначають релігійно-філософські чи філософсько-ірраціонально-містичні уявлення про історичний процес та відповідні теоретичні схеми розвитку такого процесу і відповідні способи теоретизування. Відповідно до будь-якої історіософської концепції, історичний процес існує як такий, але першопричини історичного руху принципово не можна до кінця раціонально осмислити і логічноконцептуалізувати. Цим фундаментальним обмеженням можливостей наукового поступу в пізнанні історичного процесу історіософський підхід докорінно відрізняється від філософії історії. «Історіософія передбачає «іраціональний залишок» історичного буття, який унаслідок своєї ірраціональності не можна осягнути розумом, а лише відчутти чи сприйняти або через віру, зокрема завдяки причетності до певної релігійної традиції, основи якої здебільшого творчо інтерпретуються, або через інтуїцію. Проте, по-суті, чіткої межі між історіософією та філософією історії не існує, а тому часто історіософію визначають як один з напрямів — ірраціоналістичний — філософії історії, але навіть у цьому випадку історіософію не ототожнюють з філософією історії» [2:591–592]. Філософія історії узагальнює історичний процес, досліджує його загальні закономірності, подає філософське наукове розуміння внутрішнього змісту історичних подій і фактів, витлумачення того чи іншого світу, як певної цілісності, побудови універсальних схем, глобальних моделей тощо. В історіософії можливі прояви ірраціональності та політико-ідеологічної суб’єктивності. Їй притаманні залежність від світоглядно-

ідеологічної сфери, інтерес до долі конкретного історичного об'єкта, життя історичних осіб. Історіософія значною мірою індивідуалістична і персоніфікована, її цікавлять доля свого народу, чинник особистості в історії. На відміну від філософії історії, вона значно більше насичена інтуїтивним мисленням, етико-емоційними переживаннями. Провідними у філософії історії є загальні раціоналістичні закони, а в історіософії – екзистенціальні принципи дослідника-мислителя. Філософія історії впорядковує світову історію в контексті багатьох національних історій, а історіософія – навпаки, подає конкретну національну історію в контексті всесвітньої. Дослідник М.Малиновський зазначає: «Закоріненість у національному ґрунті є родовою ознакою історіософії, що, зокрема, пов'язано з пошуком шляхів національного відродження, самоствердження своєї нації у світі» [8: 3].

У XIX ст. розпочався процес розвитку української історіософії, яка предсавлена роботами М.Драгоманова, М.Костомарова, пізніше В.Липинського, Ю.Липи, М.Зерова, Д.Чижевського. Несприятливі суспільно-політичні обставини, асимілятивна політика царського уряду що до України були на заваді розвитку вітчизняної історіософії. Історіософія України періоду романтизму плекала риси самотності нашої історії, спираючись на великі здобутки козацького літописання. Це не були спеціальні історіософські дослідження, проте це були історичні, філософські, художні твори історіософського змісту. Вітчизняна історіософія, упродовж усього свого розвитку постійно керуючись суспільно-політичними потребами, частково засвоювала певні ідеї європейської філософської думки, поєднуючи їх з українськими філософськими традиціями та поглядами. Незаперечний зв'язок історіософії з історичною наукою (історіографією в широкому розумінні) дослідники оцінюють як відношення логічного перехрещення. З одного боку, історіософія має можливість широко залучати фактичний історичний матеріал, з іншого боку, історіософія впливає на визначення концептуальних, теоретичних та методологічних засад історичних творів. Історіософія перетинається також з філософією національної ідеї. Спільне у них — любов до свого народу, увага до його самотності, історичної долі, прагнення втілити свої ідеї в життя. Порівняння історіософії з іншими суспільствознавчими науками чітко виявляє її принципові відмінності, характерні ознаки. Дослідники підкреслюють прагматизм історіософії, прагнення авторів історіософських творів своїми дослідженнями, розробками сприяти вирішенню кардинальних практичних проблем суспільства. Прагматизм історіософії виявляється під час аналізу проблем історичного процесу, його сутності, напрямків, періодів, рушійних сил з чіткою політико-ідеологічною налаштованістю. Повсякчас підкреслюються самотність і значущість минувшини, свого етносу, його кращих рис, чеснот, ролі в історії, пережиті негаразди і прекрасне, світле майбуття. Недостача необхідного джерельного матеріалу компенсувалася інтуїтивними переконаннями авторів, згадуваннями відомих діячів, подій, а також емоційністю викладу. Дослідники неодноразово підкреслювали соціально-практичну спрямованість історіософії як типологічну її ознаку. А оскільки в різні часи, пише дослідник К. Кислюк, Україна мала певні практичні потреби, це безпосередньо впливало на завдання, проблематику, спрямованість історіософії: «Українська історіософія завжди була заклопотана найперше теоретичною фіксацією самоідентичності українців, для чого так само завжди використовувались не тільки наукові, але й ненаукові засоби» [4:38].

Вітчизняні історіософи мали подолати обмеженість історичної і культурної пам'яті, вплинути на стан історіографічної науки, окреслити її теоретико-методологічну базу. Більшість історіософських концепцій другої половини XIX ст. знаходили своє вираження в художніх творах, так письменники осмислювали історичне буття. Дослідник К. Кислюк зазначив: «Тому українська романтична історіософія на загал репрезентувала себе в «історизованих літературних творах»(Г. Грабович) як відтворення певних концептуальних ідей у художніх образах»[4:143]. Одна з найцікавіших історіософських концепцій нашого минулого належить українському письменнику Пантелеймону Кулішу, який створив перший вітчизняний історичний роман «Чорна рада».Вартісністьтворчого доробку П. Куліша не обмежується лише літературою. На цьому наголошують дослідники Ю. Шерех, Т. Дзюба, А. Гуляк. Також на увагу заслуговують праці М. Жулинського та Є. Нахліка , у яких спадщина видатного українського діяча подається глибоко й всебічно, підкреслюється, що це була багато в чому суперечлива, але видатна постать в історії українського письменства, наголошується на вагомості внеску П.Куліша в українську культуру; і що суть історіософських поглядів письменника полягала в неприйнятті революційного екстремізму, котрий загрожував, на його думку, другою Руїною. Світогляд П. Куліша, який реалізувався в його філософських та літературних пошуках, був широким та багатограним, тому дослідники особистості Куліша не мають одностайної думки щодо історіософської концепції письменника. Так, Д. Чижевський вважає кордоцентризм основою філософських шукань П. Куліша, але Є. Нахлік наголошує на неможливості звести все багатство філософського дискурсу П. Куліша до кордоцентризму, вказуючи на гармонійне поєднання раннього раціоналістичного (домінування розуму) з пізнім преромантичним Просвітництвом (з перевагою серця) у різні періоди творчості П. Куліша. У свою чергу, Т. Дзюба, вбачає у філософському світогляді П. Куліша синкретичне поєднання релігійно-просвітницьких ідей. Дослідники зазначають, що наслідуючи позиції романтизму, духовні лідери Кирило-Мефодіївського братства, в тому числі й П. Куліш, прагнули розробити філософські основи української національної ідеї. Перш за все, це означало дати відповідь на питання: хто ми як нація? Щоб усвідомити власну етнічну індивідуальність, необхідно було дійти до істини про своє національне коріння, яке крилось у минулому, показавши його зв'язок із сучасним. Не випадково, що історія зображалась такою, яка існує не тільки в минулому, але й втілювалась у сучасниках, продовжує вирувати серед нащадків, обумовлюючи їхній світогляд. Сприймавши як істину таку історіософську доктрину, П. Куліш втілює її в своїй творчості. Отже, визнаючи об'єктом історичного дослідження минуле, пов'язане із сучасністю, П. Куліш констатує існування суспільного закону, відповідно до якого кожне покоління в історії «стоїть на плечах» попередніх поколінь, спирається на досягнення предків. Цю закономірність визнає і сучасна історіософія, хоч і по-різному пояснює спосіб зв'язку між поколіннями і джерела соціального поступу. Для П. Куліша як представника філософії України XIX ст. притаманне захоплення гегельянством. Саме в плані філософії історії Г. Гегеля П. Куліш писав в праці «Записки про Південну Русь», що історію рухає абсолютний дух, всевітній розум. Проте у П. Куліша він перевтілюється в народний дух, під яким розуміється суспільна свідомість з її різноманітними формами. Суттєво-характерне, спільне в мисленні й особливо в почуттях (романтизм) людських спільнот і соціальних верств, їхні колективні

настрої, прагнення, поривання і складають те, говорить П.Куліш, що ми називасмо духом народним. Цей дух здатні теоретично виразити історики, філософи, у літературно-художніх творах – митці, через індивідуальні чуттєві образи й картини. Автор змальовує в романі «Чорна рада» історично достовірну атмосферу жорстокого соціального протистояння (низове козацтво і міщанство проти козацької верхівки) та політичного протистояння (представник козацької еліти Яким Сомко проти Івана Брюховецького, який прихилив на свій бік міщан, селян і збідніле козацтво). Характеризуючи створену Кулішем картину Руїни, М.Жулинський наголошує, що «широка вільна стихія соціальних пристрастей звичайного люду, чорні кидає по різних хвилях політичних амбіцій і міжусобиць цей корабель української державності, за кермо якого хапається і кошовий Запорізької Січі Брюховецький, і зорієнтований на польсько-шляхетську підтримку Тетеря, і дещо ідеалізований Кулішем гетьман Сомко» [3: 23]. В цей критичний для української держави час, на думку Куліша, сталося найстрашніше – брат повстав на брата, козак – на козака. Свою історіософську позицію автор вкладає насамперед в уста Божого чоловіка, отамана Кирила Тура та священника-полковника Шрама.

Окремі колізії між полковником Шрамом і селянином, між козаками і міщанами готують читача до масштабного історичного конфлікту «на брата брат». П.Куліш звертається до символічного образу місяця, що віщує козакові лихо. Звертаючись до цього символу, автор застерігає своїх героїв від братовбивчого кровопролиття: «Чого на місяці тії плями? Він знав чого. То ще як Каїн убив Авеля, то бог назнаменав на місяці той гріх своєю рукою: «Дивіться, – каже, люде: так як сей Каїн довіку-вічного нестиме на плечах мертво братне тіло, так усякий душоубець носитиме довіку, до суду тяжкий гріх свій» [6: 64].

Опис Чорної ради в романі – це пік конфлікту «на брата брат». У час, коли треба було обирати гетьмана, боронити державу від зазіхань чужоземців, українці розсипалися на окремі табори, кожен з яких відстоював особисті інтереси ціною братської крові. Ці історичні факти глибоко вразили П.Куліша, який змалював страшні наслідки розбрату: «По полю не один віз з покаліченими кіньми валяється, не одна вдова плаче по мужові, не один бідаха, конаючи в крові, тужить, що не поліг під Берестечком. А там скрізь порозламувані скрині, одежа лежить розкидана, кривава пороздирана; пух із перин, наче сніг, летить по вітру: усюди розбишаки шукали грошей, усе порили, розкидали» [6: 139].

Історіософська концепція Руїни Пантелеймона Куліша свідчить про переконання автора у тому, що саме руїна людського духу, національного духу, заперечення головних християнських заповідей призвели до втрати нашої державності. П.Куліш за допомогою яскравих типових характерів, через їх вчинки і думки показує руйнування уявлень про честь роду, нівелювання славних козацьких звичаїв, священних принципів лицарства, козацького побратимства.

З огляду на предмет нашого дослідження особливої уваги потребує характер гетьмана Якіма Сомка. Звичайно, дослідників цікавить питання про те, чому саме цей учасник конфлікту «на брата брат» змальовується Кулішем майже ідеальним. На думку вчених, Сомко викликав у автора симпатію тим, що під час Чорної ради 1663 року усвідомив фатальність братовбивчих чвар і погодився поступитися гетьманською булавою. Своєрідність вирішення П.Кулішем типового конфлікту доби Руїни «на брата брат» оцінює А.Гуляк: «Одначе, будуючи сюжет роману навколо історичної події – чорної ради 1663 року (а отже і конфлікту), П.Куліш не

подає хроніку подробиць усіх подій, опис яких можна знайти в історії того часу. Для письменника історичний роман – це насамперед повісткування про масштабний історичний конфлікт епохи з точки зору того, як він відозмінює життя цілих прошарків суспільства й України в цілому, як відбивався він на долях окремих людей» [1: 284]. Величезною заслугою П.Куліша є те, що він зумів організувати всі події роману навколо центрального історичного конфлікту епохи Руїни, розкрив маловідомі сторінки життя України. Змальовуючи політичні і соціальні протистояння доби, автор трактує їх як наслідок більш глибокого конфлікту з біблійною генезою, конфлікту «на брата брата». П.Куліш переніс у свій роман основні риси української історії та проник до джерела історичної істини [1: 284].

Аналіз історичного роману П.Куліша вказує на те, що його філософські погляди тісно пов'язані із концептуальними світоглядними концепціями учасників Кирило-Мефодіївського братства, представленими, передовсім, у Законі Божому або «Книзі буття українського народу». У художній спадщині П. Куліша визначається комплекс історіософських понять та ідей, котрі не змінювалися, а лише вдосконалювалися та набували характеру стрункої, логічно довершеної системи. Фундаментальними засадами світогляду мислителя є його хліборобська прив'язаність до рідної української землі, до свого «хутора», гуманізм і антропоцентризм. В романі «Чорна рада» простежуються основоположні елементи історіософії письменника – екзистенціалізм, кордоцентризм, релігійний романтизм, просвітницький провиденціалізм. Компоненти, під впливом яких формувалася філософія П.Куліша, характерні для всіх представників української культури XIX ст. Ними постають міфологія і фольклор, українська література й історія, вчення західноєвропейських філософів XVII-XIX ст., в тому числі німецька класична філософія. Причому якщо ідеал «культурного українця» протягом творчості П.Куліша виявляється постійним, то його філософська аргументація еволюціонувала від романтизму до позитивізму, від релігійного до наукового світогляду, від православ'я до позитивної релігії для всіх народів, від козаколюбства до козакофобства, від «західництва» до критики західної культури. Історіософську концепцію П.Куліша навряд чи доцільно прив'язувати до схем історії західноєвропейської філософії. Йому притаманна надзвичайна багатогранність філософської думки, поєднаної із постійним душевним пошуком істини в безкінечному русі життя.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гуляк А. Становлення українського історичного роману («Чорна рада» П.Куліша) / А. Гуляк. – К.: Міжнародна фінансова агенція, 1997. – 292 с.
2. Енциклопедія історії України: в 5т. – Т.3. – К.: Наукова думка, 2005. – 592 с.
3. Жулинський М. Пантелеймон Куліш. Літературний портрет // Куліш П. Чорна рада / М. Жулинський. – К.: Бібліотека українця, 2000. – С.3–37.
4. Кислюк К. Історія в українській культурі: від концепту до концепції / К. Кислюк. – Харків: ХДАК, 2008. – 288 с.
5. Кошелєв В. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях / В. Кошелєв. – М.: НЛЮ, 2000. – 512 с.
6. Куліш П. Чорна рада. Хроніка 1863 року / П. Куліш. – К., 1993. – 163 с.
7. Философская энциклопедия. – М., 1998. – 320 с.

Стаття надійшла до редакції 10.06.2016

О.Я. Присяжнюк

кандидат філологічних наук,
доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Тел: +38098-659-07-11; email: prysokyar@rambler.ru

У статті розглядається взаємодія англійської та російської мов на Україні. Спираючись на класифікацію Р.Белла, виділяються наступні функціональні різновиди англійської мови: 1) літературний (стандартний), 2) класичний, 3) місцевий, 4) діалектичний, 5) креольський, 6) піджин-інглиш, 7) штучний, 8) Х-ірований, 9) міжмовний, 10) англійська для іноземців. Авторка детально досліджується функціонування англійської мови в Україні.

Ключові слова: діалект, Р. Белл, стандарт, лінгвістична ситуація, мова.

В данной статье рассматривается взаимодействие английского и русского языков на Украине. Основываясь на классификацию Р. Белла, выделяются следующие функциональные разновидности английского языка: 1) литературный (стандартный), 2) классический, 3) местный, 4) диалектический, 5) креольский, 6) пиджин-инглиш, 7) искусственный, 8) Х-ированный, 9) межъязыковой, 10) английский для иностранцев. Автор детально исследует функционирование английского языка на Украине.

Ключевые слова: диалект, Р.Белл, П.Традгилл, стандарт, лингвистическая ситуация, язык.

This article deals with the interaction of English and Russian in Ukraine. Based on the R.Bell's classification, the author points out such following functional varieties of the English language: 1) literary (standard), 2) classical, 3) local, 4) dialectic, 5) Creole, 6), pidgin English, 7) artificial, 8) X-modelled, 9) cross-language, 10) English for foreigners. The author examines the functioning of the English language in Ukraine.

Проблема языковых контактов является одной из центральных в современном языкознании. Языки и диалекты живут и развиваются в непрерывном и тесном взаимодействии, которое оказывает влияние на все стороны и уровни взаимодействующих языков. Сложность языковых процессов в том или ином обществе не является отражением внутренней организации какой-то одной однородной системы, но может быть понята в терминах отношений между несколькими количественно отличающимися друг от друга системами [2: 183]. Естественное состояние языка — это изменение, а не стабильность.

В настоящей работе предпринимается попытка проанализировать взаимодействие русского и английского языков в экономических и культурных условиях, обусловленное социальной ситуацией языкового поведения. Такая попытка может быть основана на базе функциональной типологии языков, представленной Р. Беллом еще в 1980 г. [1: 176] на основе семи атрибутов:

стандартизация, жизненность, историчность, автономность, редукция, смешение и фактические нормы употребления иерархизованных для получения «...рангов потенциального социального престижа» [9: 15-25]. Р.Белл предложил 10 функциональных разновидностей английского языка: стандартный, классический, местный, диалектный, креольский, пиджин, искусственный, «Х-ированный язык У», интер-язык и язык для иностранцев [1: 201–206]. Рассмотрим эти функциональные разновидности применительно к существованию английского языка на Украине.

1. **Литературный (стандартный) английский язык.** Р. Белл рассматривает эту разновидность как стандартизованную нередуцированную разновидность английского, принадлежащую коллективу ее исконных носителей, обладающую автономностью и, естественно, имеющую фактические и кодифицированные нормы. Нормы употребления этой разновидности характеризуются значительной общностью грамматики, лексики, риторики, наряду с высокой степенью терпимости по отношению к фонологической вариативности. В Украине данная разновидность языка является инвариантом, если представить ее в терминах изоморфизма.

2. **Классический английский.** Более древние разновидности английского языка, в функциональном плане отличающиеся от современного стандартного только отсутствием жизненности, но обладающие высоким статусом (так как на них написаны великие произведения английской литературы), дают основание говорить о наличии классического английского. До 90-х годов произведения «великих классиков» были практически единственно приемлемым образцом для студентов языковых факультетов (за исключением крупнейших университетов, где студенты имели минимальные возможности общаться с живыми носителями английского языка), что в конечном итоге также способствовало появлению «иксированного» варианта английского, особенности которого будут описаны ниже.

3. **Местный английский.** Самое распространенное определение предложено ЮНЕСКО: «...Родной язык группы, которая находится под социальным или политическим господством другой группы, говорящей на ином языке» [4: 98]. Примером может служить английский язык ЮАР.

4. **Диалектный английский.** Не будем останавливаться на многочисленных определениях диалекта, так как в Украине данная разновидность также отсутствует.

5. **Креольский английский.** Креольские языки отличаются от диалектов по степени смешанности и редукции своих структур, а также массовыми заимствованиями. Как известно, креольские языки возникают из пиджинов. Пиджин может использоваться в семьях, где родители не имеют общего языка. Если не будут приложены сознательные усилия для обучения ребенка своим родным языкам, то его первым языком станет пиджин. Наличие других детей со сходным языковым воспитанием приводит к использованию пиджина вне дома, а его экспансия – к пополнению лексики и расширению функционального диапазона. В качестве примера использования креольского английского языка можно привести газету экспатриантов (“ex-pats”) «Рапогата», выходящую в Москве. Креольский язык может постепенно превращаться в литературный, особенно в обществах промежуточного типа с высокой степенью социальной стратификации [5: 123].

6. **Пиджин-инглиш.** В отличие от креольского, у пиджина нет языкового коллектива, где он является первым языком, но у него есть фактические нормы употребления. При наличии социальных и политических условий для пиджина

возможен путь быстрого развития. Именно пиджин-инглиш приобрел огромное распространение в постперестроечной Украине.

7. **Искусственный английский.** По терминологии Р. Белла – *бейсик инглиш*. Эту разновидность – попытка кодифицировать «язык для иностранцев». Существуют также подвиды «искусственного английского», имеющие ограниченную функцию, например, условные языки диспетчеров воздушного транспорта.

8. **«X-ированный» английский.** Одной из интересных и малоизученных разновидностей языка является разновидность, возникающая в тех случаях, когда у изучающего по той или иной причине исчезает стимул или возможность дальнейшего изучения языка. Ученики или учителя (или те и другие) решают, что достаточно эффективный код для их коммуникации уже развился и готовы довольствоваться этим. Если это происходит в начале обучения, возникает пиджин, но если окаменение наступает позже, результатом оказывается смешанная, но нередуцированная разновидность, называемая *X-ированный язык Y* [7:20]. Это «локальный английский язык», который преподается и санкционируется местным обычаем. Следует отметить, что некоторые исследователи считают признание подобной разновидности английского языка «ересью» [8: 463], однако, она ничем не отличается от других разновидностей в плане наличия атрибутов ранжирования потенциального социального престижа и представляет особый интерес в современной лингвистической ситуации в Украине.

9. **Межъязыковой английский.** X-ированная разновидность языка находит свой коррелят в «интер-языке» на микроуровне индивидуального употребления. Оба варианта не стандартизованы, у обоих отсутствуют признаки жизненности и историчности, но «межъязыковой» отличается признаком редуцированности. Также отсутствуют фактические нормы употребления и нет автономности.

10. **Английский для иностранцев.** Это – идиосинкретическая разновидность английского, используемая исконными его носителями. Изменения сводятся к более медленному темпу речи, избыточной эмфатичности, повторению в целях кратковременной коммуникации. Такая разновидность формируется на основе гипотез носителей английского языка о характере изучения второго языка.

Статус некоторых разновидностей английского языка вызывает серьезные споры, поэтому классификация Р. Белла используется только в качестве удобного рабочего инструмента. При наличии социальной мотивации, функциональный статус языка может весьма быстро изменяться, как в случае превращения креольских языков в литературные [5: 35 – 48]. До 1985 года английский язык в Украине представлял собой довольно интересную и малоизученную разновидность, когда по понятным социальным причинам стимул к владению языком у групп, его изучающих, не имел экстралингвистического подкрепления, а возможности изучения английского широкими массами населения были весьма ограничены. И ученики, и учителя довольствовались достаточно эффективным для их коммуникативных целей кодом, разработанным за годы политической изоляции.

Результатом оказалась искусственная, но малоредуцированная (в прогнотивоположность пиджинам) разновидность английского языка – то, что квалифицированные англичане называют “*good Russian English*”, а современные носители английского языка называют “*Ruslish*” (по аналогии с *Indlish*, *Frenlish*, *Franglais* и т.п.), именно эту разновидность языка называют также «иксированный язык Y». Известны вполне квалифицированные преподаватели английского языка,

полагающие, к примеру, что фразовые глаголы – это особенность сленга и поэтому изучать их со студентами, по меньшей мере, вредно. Можно привести в пример лингвистический термин *Complex Object*, вызывающий недоумение у всех носителей английского языка, включая профессиональных лингвистов. *Complex Object* существует лишь в разновидности английского, которая далее будет называться *Ruslish* и может относиться к X-ированной разновидности английского. В целом, изучение английского не находило практического выхода, а потому имело лишь образовательную и развивающую ценность для большинства обучаемых.

Однако, с 1985 года (начало горбачевской перестройки) интерес к изучению именно английского языка стал резко возрастать. Это было обусловлено многими социально-политическими факторами: ликвидацией «железного занавеса» и открывшейся возможностью туристических поездок и общения с иноязычным населением планеты не только через гида, появлением и быстрым ростом числа совместных предприятий, нежеланием бывших советских республик общаться на русском языке, быстрой компьютеризацией страны и развитием Интернета, прежде не доступного простым жителям Украины, расширением зарубежных контактов. Все это привело к появлению новых сфер использования английского языка в Украине.

Появлению новых сред использования английского в Украине способствовало и развитие целой сети лингвистических школ, курсов, фирм, центров ускоренного обучения английскому языку, имевших целью распространение «английского для общения». Появление подобных точек обучения было связано с огромной потребностью практически монолингвистической Украины общаться с внешним миром. Фактически, в Украине получает глобальное распространение «искусственный английский» – редуцированная, автономная и в высшей степени кодифицированная разновидность английского языка с радикально сжатым лексиконом (1000 единиц) и тщательно кодифицированными учебниками, отвечающими целям кратковременной паллиативной коммуникации. В дальнейшей практике, предлагавшийся языковой код, чаще всего, превращался в удовлетворительное средство межгрупповой коммуникации, прежде всего, у социальной группы, называемой «челноки», при этом претерпевая «пиджинизацию» в реальной ситуации межъязыкового контакта на микроуровне индивидуального употребления. Такой вариант не стандартизован, у него отсутствует живой коллектив исконных носителей языка, а нормы пиджина в Украине, как и во всем мире, не являются общеизвестными и не осознаются самими носителями пиджина.

Именно появление пиджина в Украине способствовало массовому принятию английской лексики при определенных темах разговора, а также проникновению слов-прослоек (термин Р. Белла) в язык средств массовой информации. Приведем лишь несколько примеров прослоек в русском языке, взятых из текущей прессы:

«У нас не какие-нибудь там «А ну-ка парни!» У нас *суперкэиен*.

«Она девушка с характером, ... возможно, она посылает ему *мессидж*».

«Ну дал он ей «*лифт*», или, по-нашему, подкинул». «Семеро *тинейджеров*».

Все высказывания сделаны билингвами и (кроме третьего) предназначены билингам. Общий принцип, который прослеживается в высказываниях – это соотнесение употребляемого языкового контекстуального комплекса с собственным намерением, интенцией, с одной стороны, и предполагаемым или желаемым пониманием, интерпретацией, выводами (инференцией) слушающего, с другой [3: 91 – 94]. Прозрачна интенция первого высказывания – противопоставить новое

телевидение Советскому телевидению. «*Семеро тинейджеров*» является стилистической вариацией с целью быть «своим» для молодых, употребляющих пиджин. Дополнительного анализа требуют второе и третье высказывание.

Рассмотрим сферы взаимодействия русского и новых разновидностей английского языка, т.к. именно они оказывают влияние на русский язык. Перейдем к словам-прослойкам, активно употребляющимся носителями пиджина.

Такой прайс только за лейбл что ли? – из разговора между продавцами на вещевом рынке. Нет смысла описывать данное высказывание как «имеющее русский синтаксис с лексической интерференцией из английского». Более интересным подходом была бы попытка проследить, в каких звеньях структуры встречаются английские лексические единицы и попытаться вывести социолингвистические правила, которыми мотивируется употребление *прайс* вместо русского *цена*. Согласно таким правилам, происходит языковой выбор на микроуровне индивидуального употребления. Социальными факторами в данном случае являются – возраст (молодой), тема (торговля), обстановка (рынок), статус («челнок»).

Помимо встречаемости английской лексики в общем синтаксисе (семантически наполненная английская лексическая единица вставляется в семантически пустую русскую синтаксическую конструкцию), весьма интересное движение к двуязычию наблюдается в употреблении английских слов в названиях фирм и их рекламе. Такое употребление приобретает массовый характер: магазин «*Бест*» (*best* «лучший»), фирма «*Рейнджер*» (неизвестно что предлагающая), рекламно-информационное агентство «*Окей*», *рольставни* (*roll* «сворачивать в трубку»), *сайдингдя* фасадов (вместо привычного: *облицовка*), *сайнмейкинг* (заказ наружной рекламы) и т. д.

Появляются гибриды, включающие в себя русские и латинские буквы: *VIPовский рейс*, *аэропейд/аэротраде*. На выезде из города (Воронеж) можно увидеть станцию техобслуживания для иномарок «*Билиф*» («вера»), по телефону можно заказать мягкую мебель в фирме «*Корнер*» («угол»). Компьютерное обслуживание предлагает «*Сани*» (очевидно “*sunny*” солнечный), хотя возможна ассоциация с «Сони». Дубленки предлагаются магазином «*Ориент*» («восток»), джинсы – сетью магазинов «*Джинс-ленд*», при входе имеющем надпись «*Network Trading*». Надпись на английском, рекламирующую продаваемый товар, можно увидеть в витрине магазина аудио- и видеотехники: *YAMAHA hi-fi... leading in home theater* (американская орфография обязательна) и в других торговых точках.

Поразительны для лингвиста калькированные новообразования на *Ruslish*. У входа на междугородный переговорный пункт можно прочесть: *Interurban calls* (вместо *long-distance calls*), на дверях единственной химчистки в небольшом городке висит объявление: *Chemical cleaning* (вместо *Dry-cleaner's*), в обоих случаях очевидно калькирование с русского языка. Признаки «двуязычия» в сфере торговли указывают на то, что респектабельность начинает ассоциироваться со знанием английского языка, так как туризм на Украине не настолько развит, чтобы объяснить появление подобных надписей желанием привлечь иноязычных покупателей.

Слова-прослойки являются наиболее легкими для описания и, вероятно, наименее интересными в плане кодового переклечения среди билингов. Однако, они весьма интересны для анализа влияния одного языка на другой в условиях новых экономических и культурных контактов. Граница между словами-прослойками и новыми заимствованиями является поначалу весьма зыбкой, употребление новых слов не всегда кажется обоснованным. В русском языке

Украины появились многочисленные английские заимствования, что обусловлено различными причинами:

- 1) заимствования для понятий, отсутствовавших в СССР, например, *Nomina Agentis*: *спонсор, брокер, дистрибьютер, менеджер, дилер, риэлтер*; некоторые из этих названий получают дополнительные смыслы, отсутствовавшие в оригинальном варианте: *менеджер* – молодой продавец в дорогом магазине, который может рассказать о товаре;
- 2) заимствуются терминологические понятия для новых и интенсивно развивающихся областей человеческого знания: *интернет, сайт, файл, провайдер, чаты, мейл, сервер, принтер, плоттер* и т.д. – в области компьютерных технологий; *менеджмент, маркетинг, оффишор, вентура, промоушн, бренд, дефолт, секвестр* – в области экономики и организации производства;
- 3) заимствования для новых предметов материальной культуры: *пейджинг, джакузи, ноутбук, диск, чизбургер, фастфуд*;
- 4) заимствования для новых музыкальных направлений: *рэп, гранж, техно, рейв*;
- 5) заимствования для старых понятий с целью придания им престижности: *рейтинг* (бывшее соцсоревнование), *фитнес* (занятия физкультурой; зачастую на двери самой заурядной комнатки без всякого оборудования можно прочесть: «Фитнес-клуб») и увидеть там людей, активно выполняющих простенькие упражнения, хотя «фитнес-клуб» подразумевает дорогое оборудование), *бутик* – маленький магазин (эксклюзивность и качество товаров совсем необязательны), *секонд-хенд* (зачастую в латинской графике) – комиссионные товары, *супермаркет* – гастроном самообслуживания (универсам); иногда старое заимствование (клуб) меняет внутреннюю форму, совпадая по референтной соотнесенности со словом английским (прежнее: *сельский клуб*, современное: *ночной клуб*);
- 6) заимствования смешанного типа, принадлежащие к молодежной культуре: *флайер* – входной билет на дискотеку со скидкой, *фейс-контроль* – дежурные на входе дискотеки, целью которых является не допустить на дискотеку пьяных, *татушка* – молодежная татуировка (уменьшительное от *tattoo*), *пирсинг* – прокалывание не только ушей, но и губ, носа; *пиво лагерное* – светлое (от *lager*), очевидна ассоциация с «лагерем»; последний тип не является устойчивым и находится на границе заимствований и слов-прослоек, внедряемых носителями пиджина.

Осмысления и анализа требуют лексико-синтаксические и стилистические нововведения русского субстандартного разговорного языка, типологические совпадающие с английскими структурами разговорного регистра: *Ну, я типа пошел* (ср. с *He's kind of gone, They're not sort of people to deal with*). *Определенно он сделает это* (по частотности и регистру употребления прежде не совпадало с англ. *definitely*). По уровню усвоения английского языка впереди оказывается интеллигенция, работающая или стремящаяся работать в совместных предприятиях. Среди широких народных масс распространение английского по-прежнему стремится к нулю, хотя это и не означает, что их речь не испытывает определенного влияния английского. Уже упомянутый невысокий уровень усвоения английского языка у торговцев, ведущий к возникновению пиджина в Украине, резко возрастает у политических деятелей, врачей, юристов, экономистов. Лица, овладевшие английским языком в его разновидности *Ruslish*, оказываются в современной Украине в привилегированном положении: они могут рассчитывать на получение работы во многих новых, только возникающих сферах деятельности общества.

Стремление к овладению английским ведет к тому, что он распространяется на Украине усилиями самих обучаемых. В частности, английский язык используется в настоящее время русскоязычными работниками совместных предприятий в общении между собой, а особенно в письменном общении с центральными офисами. При этом крайне клишированный деловой английский язык подвергается местной обработке, превращаясь в *Ruslish*. В Украине выходит русская газета «День», объявления о приеме на работу в которой публикуются на английском языке. Курсы повышения квалификации перестали давать удостоверения, они выдают сертификаты, причем обязательно «международного образца», с двуязычной надписью (“Certificate of Achievement”). На двух языках выдаются и «дипломы международного образца» многочисленных коммерческих университетов, институтов и академий. В целом сфера науки, образования, бизнеса, делает шаг к двуязычию; рабочим языком международных конференций (участниками которых по большей мере являются научные работники стран СНГ) все чаще заявляется английский и русский. Является ли это движением к диглоссии, покажет время.

Оценка разновидностей английского языка в Украине может проводиться в терминах «хороший» или «плохой» язык только в плане его коммуникативной эффективности. Чтобы коммуникация была эффективной, говорящий должен уметь оперировать не только языковым кодом, но и осуществлять выбор канала, посредством которого код реализуется, учитывать лингвистический контекст, модифицирующий такой выбор, а также социолингвистические правила, поддерживающие или создающие социальные отношения.

В целом же, оценка места английского языкового компонента может быть как положительной, так и отрицательной, однако, ее характер будет отнюдь не лингвистический, а политический. Следует придерживаться дескриптивной, а не прескриптивной ориентации в отношении лингвистических данных. Если явление имеет систематический характер, то оно свидетельствует об эволюции языка, а не о дурных намерениях или ошибках говорящих. Филолог может такое явление лишь наблюдать и интерпретировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Р. Социолингвистика / Роджер Белл. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
2. Гамперц Дж. Типы языковых обществ / Джон Гамперц // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 182 – 199.
3. Кашкин В.Б. Мифологема контекстуального детерминизма / В.Б. Кашкин // Роль и место грамматики в обучении иностранным языкам. – СПб., 1998. – С. 91 – 94.
4. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / Уильям Лабов // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 96 – 182.
5. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М., 1996. – 205 с.
6. Hymes D. Models of Interaction of Language and Social Life / D.Hymes // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. – NY, 1972. – Pp. 35 – 71.
7. Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages / D.Hymes. – London, 1971.
8. Prator C.H. The British Heresy in TESL / C.H. Prator // J. Fishmann et al. (eds.) Language Loyalty in the US: the Maintenance and Perpetuation of Non-English Mother Tongues by American Ethnic and Religious Groups. – The Hague, 1968. – Pp. 459–476.

9. Stewart W.A. An Outline of Linguistic Typology for Describing Multilingualism / W.A. Stewart // Rice F. A. (ed.) Study of the Role of Second Languages. – Georgetown, 1969. – Pp. 15 – 25.

Стаття надійшла до редакції 28.05.2016

УДК 177.1:355.01

ЛИЧНОСТЬ И ВОЙНА: МЕЖДУ ТОТАЛИТАРНЫМ И ГЕРОИЧЕСКИМ

Е.О. УСТИМЕНКО

*студентка I курса философского факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел: +38096–280–98–13; email: miss-ks@bk.ru*

Стаття присвячена філософському осмисленню категорій свободи та несвободи особистості при тоталітарній системі влади. Показана необхідність осмислення досвіду війни саме з двох позицій: «героїчної» та «тоталітарної». На прикладі творів Василя Гроссмана – радянського автора, який сам пройшов через терни Великої вітчизняної війни, ми робимо висновок, що тільки в синтезі героїчного і трагічного, породженого тоталітарним минулим, можна хоча б частково відновити історичну пам'ять і зробити об'єктивні висновки. І тільки при поєднанні різних стратегій пам'яті, сучасна людина може витягти з історії моральні уроки героїзму, самопожертви та знайти в собі сили протистояти тоталітаризму в будь-яких його проявах.

Ключові слова: Василь Гроссман, Книга пам'яті, тоталітаризм, Велика вітчизняна війна, стратегії пам'яті.

Статья посвящена философскому осмыслению категорий свободы и несвободы личности в тоталитарном государстве. Показана необходимость осмысления опыта войны именно с двух позиций: «героической» и «тоталитарной». На примере произведений Василия Гроссмана – советского автора, прошедшего Великую отечественную войну мы делаем вывод, что только в синтезе героического и трагического, порожденного тоталитарным прошлым, можно хотя бы частично восстановить историческую память и сделать объективные выводы. И только при сочетании разных стратегий памяти человек современный может извлечь из истории нравственные уроки героизма, самопожертвования и найти в себе силы противостоять тоталитаризму в любых его проявлениях.

Ключевые слова: Василий Гроссман, Книга памяти, тоталитаризм, Великая отечественная война, стратегии памяти.

The article is devoted to the philosophical reflection of such categories as freedom and non-freedom of an individual in a totalitarian state. The necessity of understanding such category as war's experience has been revealed, namely from two points: "heroic" and "totalitarian". On the sample of the works by Vasily Grossman, a Soviet author who had passed through the Great Patriotic War, we conclude that it is possible, at least partially, to restore the historical memory and to draw objective conclusions within the

synthesis of the heroic and the tragic generated by totalitarian past. Only the combination of different memory strategies can make contemporary people learn from history the lessons of moral heroism, self-sacrifice, and to find the courage to resist totalitarianism in all its manifestations.

Keywords: Vasily Grossman, memory book, totalitarianism, World War II, memory strategies.

После Второй мировой войны несколько десятилетий происходило осмысление роли личности на изломах жестоких бурь XX века. Писатели пытались определить способность человека сопротивляться вихрам судьбы, раскрыть проблемы нравственной активности личности. К сожалению, в условиях тоталитарной системы осмысление опыта войны происходило достаточно задано и односторонне. Советская литература и искусство главным образом изображали героизм войны, подвиг народа; а судьбы конкретных людей были вторичны. Сейчас же воплощается ужас, трагизм повседневного существования в тоталитарном государстве конкретного человека; а подвиг, героизм миллионов людей, победивших нацизм, уходит на второй план.

Рассмотрим проблему с этих двух позиций. Первую условно назовём «героической». Основой для наблюдений стал мой личный опыт участия в научно-исследовательском проекте «Книга памяти воинов 221-й стрелковой дивизии. Герои-освободители города Мариуполя» [3]. В память о героях Великой Отечественной войны была начата работа по установлению имен воинов-освободителей Донбасса. Участники проекта – мариупольские старшеклассники и педагоги под руководством учителя истории Светланы Вячеславовны Чеботаревой поставили задачу восстановления исторической справедливости – сохранения памяти обо всех солдатах, расширения полноты списка, чтобы никто не был забыт. Огромный вклад в проект внес ветеран войны, минометчик 221-й стрелковой дивизии Игорь Семенович Смык, предоставивший информацию и фотоматериалы.

Проект «Книга памяти» актуален и необходим современникам на этапе активного формирования гражданского общества, основанного на справедливости и развитии. Созданию книги предшествовала кропотливая подготовительная работа по изучению документов и сбору информации. В ходе проекта были поставлены и осуществлены следующие задачи: углубление исторической памяти, восстановление исторической справедливости; обогащение новым материалом по истории родного края; сделан шаг в воспитании патриотически сознательной и духовно зрелой молодежи. Сейчас «Книга памяти», в которой опубликован подробный ход операции по освобождению Мариуполя в 1943 году и полный список освободителей города от фашистских захватчиков, хранится в Мариупольском краеведческом музее.

«Рукописи не горят». Сколько раз приводили эту цитату, но хочется повторить её вновь, когда речь идет о запрете на слово правды. В 1952 году в журнале «Новый мир» был опубликован роман Василия Семеновича Гроссмана «За правое дело», который явился первой частью эпопеи «Жизнь и судьба». Главная его идея заключалась в словах: «Разве любовь и свобода, радость труда, верность Родине, материнское чувство даны лишь одним героям? Поистине великое совершается простыми людьми» [2: 84]. В то же время среди литераторов успех этого романа вызвал неприятие. Появились статьи, где В. Гроссмана обвиняли в создании безыдейного, антинародного произведения, не соответствующего принципам

социалистического реализма. Так, эпопея Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» была конфискована Комитетом государственной безопасности в начале 1961 года из-за проведенных в ней параллелей Гитлер-Сталин, фашизм-коммунизм. Союзом советских писателей было принято решение «о невозможности печати данного романа, по крайней мере, следующие 250 лет» [4]. На родине роман стал широко известен лишь в 1988 году и потряс литературный мир силой правдивого слова о войне, о жизни и судьбе в тоталитарном государстве.

Повесть «Все течет» (увидевшая свет в 1989 году) – завещание В. Гроссмана будущим поколениям – поставила точку в мировоззренческом понимании слова «свобода». В основе ее лежит трактовка идеи личной свободы как духовного состояния, коллективного по своему содержанию. Эти два произведения советского автора и стали опорными в обращении ко второй позиции осмысления войны, условно названной нами «тоталитарной» или «трагической».

Как в реальности тоталитарного режима отдельному человеку остаться самим собой? Писатель исследует в первую очередь нравственно-психологические последствия ненормальности общественных отношений, анализирует их влияние на душевный строй человека. Раздумывая о трудных путях личности в тоталитарном государстве, о выборе свободы и несвободы – суть произведений В. Гроссмана, поэтому категория свободы становится лейтмотивом обоих его произведений.

Понятие «свобода», «воля» знакомо и дикому зверю. Но только как свобода или несвобода физическая. С появлением человеческого разума смысл этих понятий углубляется. Существует свобода моральная, нравственная, свобода мысли, непорабощённость души. Так что же важнее: сохранить свободу тела или разума и духа? Почему именно эта философская проблема волновала автора? Очевидно, она была предопределена той эпохой. Два государства (Германия и СССР) сошлись в борьбе, и от исхода этой битвы зависела судьба человечества. Под термином «воля партии» подразумевалась воля одного человека, диктатора. Граждане обоих государств, лишённые официального права мыслить, чувствовать, постоянно ощущали довлеющую над собой силу страха. Но так или иначе, государственные здания, больше похожие на тюрьмы, были возведены и казались несокрушимыми. Человеку в них отводилась незначительная роль, роль личности не отводилась в них вовсе. «Фашизм и человек, – подчеркивает автор, – не могут сосуществовать. На одном полюсе – государство, на другом – потребность человека»[2:181].

В центре повести «Все течет» моральный конфликт между братьями (Николаем Андреевичем, ученым, и Иваном Григорьевичем, вернувшимся из ГУЛАГа). Суть его в отношении к свободе. Если Николай Андреевич выбирает несвободу – конформистский путь, то Иван Григорьевич остается свободным вопреки неволе, не теряет себя даже за колючей проволокой. Символично и название повести. Философское понимание течения жизни, ее быстротечности, необратимости.

Василий Гроссман не только открыто показывает злодеяния фашизма (как гитлеризма и сталинизма), его кровавую сущность; он изобличает философию, на которой зиждется зло нацизма. Писатель выступает против фашизма с общечеловеческой позиции – это зло, угрожающее роду людскому.

Так почему советский народ вступает в войну достойно и просто? По мысли В. Гроссмана, люди воспринимали ее как препятствие, которое необходимо преодолеть на пути достижения свободы мысли и мирного труда. Никогда раньше, как в дни боев под Сталинградом, люди не вели таких смелых и правдивых

разговоров. Дыхание свободы ощущают люди в Казани, в Москве, но сильнее всего она в «мировом городе», символом которого станет дом «шесть дробь один», где говорят о тридцать седьмом годе и коллективизации, о репрессиях и жизни в тылу. Сражаясь за независимость своей родины, люди, подобные Ершову и Грекову, борются за свободу личности в своей стране. Греков скажет комиссару Крымову: «Свободы хочу, за нее и воюю» [2: 241]. В дни поражений, когда вольная сила поднималась с самого дна людских душ, Сталин чувствует, что побеждали на полях сражений не только сегодняшние его враги. Следом за танками Гитлера в пыли, дыму, шли все те, кого он, казалось, навек усмирил. Не только история судит побежденных. Сам Сталин понимает, что если он будет побежден, ему не простится все то, что он сделал со своим народом. «История человека, – пишет В. Гроссман, – это битва великого зла, стремящегося разломать зернышки человечности. Доброта непобедима. Зло бессильно перед ней». В романе «Жизнь и судьба» также затронута тема Холокоста. Писатель искал причину тому, что миллионы людей были пассивными свидетелями гонения евреев и объяснял это только страхом: «Этот страх особый, тяжелый, непреодолимый для миллионов людей, это тот, написанный зловещими красными буквами в свинцовом небе Москвы – Госстрах!» [2:301]. Страх порождает покорность, доходящую до массовой, заставляющей безропотно ждать ареста, наблюдать за уничтожением пленных.

Страх – покорность – несвобода – цепочка, разрушающая человека, основной признак тоталитарного государства. И люди во время войны, в частности Хмельков, понимают: «В пору фашизма человеку, желающему остаться человеком, случается выбор более легкий, чем спасение жизни – смерть» [2: 192].

Именно в это время человек ищет точку опоры, определяющую духовные возможности; идет поиск моральной системы, благоприятствующей реализации человеческого в человеке. Но гражданину, живущему под железной рукой всеведущей власти, трудно остаться самим собой. Так, В.Гроссман проводит психологический анализ души человека, изменившего своим принципам. Ученого Виктора Штрума травят на работе, но звонок Сталина резко меняет его жизнь в лучшую сторону. И что-то происходит с ним: непримиримый к неправде, он подписывает коллективное письмо, обвиняющее честных людей. Крымов же не подписывает ложных показаний и остается человеком, одуроченным верой в государство. У Николая Андреевича «вся жизнь состояла из великого послушания, и не было в ней непослушания» [1: 40]. Однако по-настоящему сильным может быть только свободный человек. В повести «Все течет» автор, наконец, раскрывает связь человека и тоталитарной системы: «Божественность, непогрешимость бессмертного государства, оказывается, не только подавляла человека, она и защищала его, утешала его немощь, оправдывая ничтожество; государство перекладывало на свои железные плечи весь груз ответственности, освобождало людей от химеры совести» [1: 40]. Так кто же победит – государство или человек? Ведь с человека начинается свобода. Тоталитарная власть подавляет, чувство страха за жизнь сковывает, рождает покорность перед этой властью. Однако многие люди искренне верят, что в преклонении перед государством, партией, в восприятии мыслей вождя как святых истин заключена их сила. Страшно Ивану Григорьевичу на воле. Но постепенно он начинает возвращаться к нормальной жизни, и понимает: «Государство людей не рождает. Стукачи проросли из человека. Жаркий пар госстраха пропарил людской род, и дремавшие зернышки взбухли. Государство – земля. Если в человеке не

затаились зерна, не вырастут из земли ни пшеница, ни бурьян. Человек обязан лично себе за мразь человеческую» [1: 57].

Василий Гроссман во всей глубине извещал трагизм конфликта человека и государства в сталинскую эпоху. По итогам его произведений мы определяем причины выбора человеком несвободы: отсутствие четких нравственных устоев, страх перед государством за свою жизнь, отсутствие моральной системы, благоприятствующей реализации человеческого в человеке. Писатель помогает сделать вывод: сила государства в свободе каждого гражданина как личности.

Человек всегда стоит перед личным выбором: свобода или несвобода. И одной из сфер этого выбора являются стратегии памяти. Исторически они разные и демократическое государство не должно препятствовать ни одной из них. Только в синтезе героического и трагического, порожденного тоталитарным прошлым, можно хотя бы частично восстановить историческую память и сделать объективные выводы. И только при сочетании разных стратегий памяти человек современный может извлечь из истории нравственные уроки героизма, самопожертвования и найти в себе силы противостоять тоталитаризму в любых его проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссман В. Всё течет / В.Гроссман // Октябрь. – 1988. – № 7. – С. 30–108.
2. Гроссман В. Жизнь и судьба / В.Гроссман. – М.: АСТ, 2011. – 880 с.
3. Книга памяти. Ветеранам войны, воинам 221-й Краснознаменной ордена Суворова Мариупольско-Хинганской стрелковой дивизии, павшим и живым посвящается / «Содружество единомышленников». — Мариуполь, 2014. – 56 с.
4. Лазарев Л. Свет свободы и человечности / Л.Лазарев // Лехаим, 2000. – № 12 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/>
5. Липкин С. Жизнь и судьба В.Гроссмана / С. Липкин. – М.: Книга, 1990. – 265 с.
6. Огрызко В. Кто запрещал Гроссмана // Литературная Россия. – 2012. – № 42 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.litrossia.ru>
7. Панченко В. Василий Гроссман и «бесы» // Газета День. – 2008. – №18. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oley.kiev.ua>
8. Суриков В. Но все-таки ... все-таки впереди – огни! / В. Суриков. – Режим доступа: <http://www.vsurikov.ru>

*Рекомендовано до друку науковим керівником
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською
Стаття надійшла до редакції 04.04.2016*

К СОВРЕМЕННОСТИ

Л.Н. Филюк, А.В. Марчевская

кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраных языков гуманитарных факультетов;
студентка IV курса философского факультета;

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова
Тел. +38063-843-64-23; e-mail: alisyasharmed@bigmir.net
Тел. +38094-952-16-05; e-mail: fln29092012@mail.ru

Марк Оже – французский специалист по этнологии современности и пост-современности, исследователь повседневной жизни развитых обществ Запада. Объект его преимущественного внимания – «ничейные пространства» места кратковременного и анонимного обитания, скоротечного прохода и проезда, метро, вокзалы, аэропорты, гостиницы, супермаркеты. В статье «К современности» из книги «Антропология для современных миров» рассказывается о современном состоянии антропологии как науки и ее взаимосвязи с сопутствующими ей дисциплинами. Автор освещает разные аспекты критики антропологии прошлого в современном мире и объясняет ее недостатки. Одним из ключевых понятий современной антропологии автор называет понятие офсайда, используя его как критерий оценки.

Ключевые слова: антропология, современность, этнология, пост-современность, общество.

Марк Оже – французський фахівець з етнології сучасності і пост-сучасності, дослідник повсякденному житті розвинутих суспільств Заходу. Об'єкт його переважно уваги – «нічийні простору» місця короткочасного і анонімного проживання, швидкоплинного проходу і проїзду, метро, вокзали, аеропорти, готелі, супермаркети. У статті «До сучасності» з книги «Антропологія для сучасних світів» розповідається про сучасний стан антропології як науки і її взаємозв'язку з сусідніми їй дисциплінами. Автор висвітлює різні аспекти критики антропології минулого в сучасному світі і пояснює її недоліки. Одним з ключових понять сучасної антропології автор називає поняття офсайду, використовуючи його як критерій оцінки.

Ключові слова: антропологія, сучасність, етнологія, пост-сучасність, суспільство.

Marc Augé is a French expert on ethnology of modernity and post-modernity, a researcher of developed Western societies' daily life. In an essay and a book of the same title, "Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity" (1995), Marc Augé coined the phrase "non-place" to refer to anthropological spaces of transience that do not hold enough significance to be regarded as "places". Examples of a non-place would be a motorway, a hotel room, an airport or a supermarket. The article "Toward Contemporaneity" from the book "An Anthropology for Contemporaneous Worlds" is about the present state of anthropology as a science and its relationship with its attendant disciplines. The author covers different aspects of the anthropology of the past and

explains its shortcomings. One of the key concepts of contemporary anthropology, according to the author, is the concept of offside, which he uses as a criterion.

Keywords: anthropology, modernity, ethnology, postmodernity, society.

Как это ни парадоксально, все размышления о том, как возобновить антропологию используют традицию. Мышление антропологов о своей дисциплине всегда было неотделимо от их мышления о своем отношении к другим дисциплинам, о доминирующих моделях интерпретации в социальных науках, а также об изменениях, которые непосредственно влияют на эмпирические объекты. В связи с этим, антропология всегда была исторической; то есть, осознавая, что она наблюдает мир, чья эволюция требует, чтобы он двигался и менялся. Но существование богатого корпуса позволило дисциплине стать модной. Возобновление антропологии всегда вовлечено в критику существующих работ и пересмотра теорий антропологии. Какими бы ни были конфликты, порождаемые этой «ревизионистской» традицией (очевидно, никогда не бывает единодушия ни о том, как определить объекты или какие способы интерпретации использовать), антропология становится все более чувствительной к интеллектуальному вызову, создаваемому современностью, формы которого совершенно новы. Рассмотрение моделей критики, развитые дисциплиной, покажет, как она постепенно отказывается от миражей бегства, изгнания или экзотики, как она учится противостоять миру, частью которого является.

Можно выделить несколько таких критических, ревизионистских моделей. Первое, что можно назвать, с почтением к Эдгару Аллану По “Украденное письмо”. Как могли наши предшественники не видеть, или не принять во внимание тот факт, который был прямо перед их глазами? Эта критика может быть выражена в общих чертах: как можем мы не принять во внимание экономику, историю, женщин? Или это может привести к переосмыслению того как действовать в рамках конкретного исследовательского поля или как сформулировать конкретную проблему?

Во второй модели, критик использует эмпирические данные, собранные в каждом конкретном случае (либо его или ее собственные доказательства или чьи-то еще), чтобы сбросить общее теоретическое положение. В некоторых случаях доказательства представлены, чтобы улучшить или усложнить общую модель, и иногда это результат достигается. Чаще всего, однако, он призван привести к аннулированию убеждение, что общая теория может иметь любое использование.

Мы можем квалифицировать третий тип критики с помощью термина, заимствованного из футбола – «офсайд». Здесь индивидуальному антропологу объявляют офсайд из-за конкретного эмпирического объекта, который он выбрал или который определенным образом относится к нему. То есть, его обвиняют в попытке «отметить цель» с позиции последнего защитника антропологической легитимности, находящегося вне обсуждения. Правило офсайда может развиваться со временем, потому что антропология как историческая практика по выражению Мишеля де Серто, зависит от учреждения, в котором можно изменить условия аккредитации. Такое изменение связано с нахождением путей решения внутри учреждения. Четвертый тип критики связан с осознанием антропологов контекста господства, в которых они часто осуществляют свою профессиональную деятельность. Мы могли бы назвать эту модель «перекладываемая вина»: каждому антропологу присуще обвинять своего предшественника. В этой модели,

современные постмодернисты, также как и вчерашние структуралистские марксисты, делают ту же ошибку, в которой они упрекают других: этноцентризм, интеллектуализм, подчинение господствующей идеологии, и так далее. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, остается ли критика эпистемологической, подвергая нелогичности или неуместности данную интерпретационную модель, или только поспешный перевод на научном языке о том, что в действительности является моральным или политическим протестом.

Пятая и последняя модель является более композиционной, чем другие; она содержит аспекты всех предыдущих моделей. Здесь автора упрекают за то, что он говорил о том, скорее, что он сделал, а не за нечто другое; точнее, оспаривается его право определять свою собственную аналитическую перспективу и построить свой собственный интеллектуальный объект. Неуместные обвинения, которым структурализм часто подвергается, являются примером такого рода недоразумения, в котором глобальная гипотеза не подвергается сомнению в том, что она есть, но он не принимает во внимание элементы, которые не включены в конструкцию его объекта. Такой критический подход явно обесценивает себя.

Тем не менее, первые четыре интересны, хотя не являются одинаково убедительными для всех контекстов. Модель украденного письма позволила антропологам открыть новые исследовательские перспективы путем вытеснения того, что Мишель де Серто называл «мобильная граница между данным и созданным, то есть, в конечном счете, граница между природой и культурой». Поразительно в этой связи наблюдать, насколько хорошо анализ Мишеля де Серто под названием «историческая операция», был двадцать лет назад развит в том, что было на самом деле весьма структуралистской перспективой, уточняющей некоторые из изменений, которые антропология испытала за прошедшие двадцать лет и некоторые из проблем, которые есть сегодня. Де Серто указал, что, например, историка уже не устраивает «перевести один культурный язык на другой»; теперь он перешел к «изменениям в культуре, элементы которой он извлек из природной среды». В ответ на труд Эммануэля Ле Руа Ладюри «История климата с 1000 года» (“*Histoire du climat depuis l’an mil*”), Де Серто искал возможность представить себе, как история трактует «природные» элементы так, чтобы превратить их в культурную среду, и как на уровне литературной символизации она управляет преобразованиями, совершенными в отношении общества к его конкретным природным условиям. Историк делает искусственной природу, беря такие вещи, как мусор, растительность и ледники, и делает историю из них. Излишне говорить, что природа в течение длительного времени была объектом изучения антропологии этнонаук, а животные и растительные таксономии занимают второе место по значимости в антропологических исследованиях. Это объясняется тем фактом, что антропология знает, как обращаться с когнитивными и социальными явлениями одновременно; Серто мог бы это назвать, в конце концов, «этнологическая операция», мы все еще прибываем в двухуровневом символическом процессе. Вопервых, этнологи (как и историки без сомнения, но еще более явно) всегда работают с тем, что уже было символично рассмотрено; во-вторых, природа, которую они интегрируют в свои анализы и тексты в таких поддисциплинах как, когнитивная, экономическая, или медицинская антропология, является природой, которая уже была тщательно социализирована. С другой стороны, внимательное изучение процессов символизации, которая начинается с изучения символов, как они

образованы посредством ритуальной деятельности, проливает свет не только на специфические биологические, телесные, материальные субстраты символического объекта, но также и показывает, следуем ли мы главным гипотезам антрополога Франсуаза Эригера, действующим в социальном функционировании и интерпретации. Это является эквивалентом механики, в которой различие между природой и культурой, а также между человеческими отношениями к природе и социальными отношениями, уже не актуально. Природа как таковая создает символические практики и природу как ресурс, который можно эксплуатировать и как условие производства товаров и репродукции человека, в настоящее время изучают интенсивно с антропологической точки зрения, характеризующейся отказом ограничить объект к социальному содержанию, лишению представлений о материальной субстанции. В своих самых последних и разнообразных формах, антропология познания, экономики, символических процессов как они есть, выражает эту готовность принять во внимание природу – такая же готовность, открытая Мишелем де Серто, в которой был новый и совершенно другой тип исторического исследования.

Критика эмпирических данных против теоретических систем и проще, и сложнее: проще в тех случаях, когда заражена наивностью или недобросовестностью, должна указывать на теоретическую близорукость критика или его плохое понимание фактов, показываемых в признании недействительной теории, но более сложна в том, когда речь идет о критике целой интерпретационной системы. Критика данных поднимает вопросы связи между системой, материей и событием, которые не укладываются в нее, и между конкретным случаем, и общим правилом. Это правило в антропологии, конечно, такое же, как в естественных и биологических науках: все должно быть подвергаться испытанию реальности. Ни одна теория не может прогрессировать, т.е. не может приобретать более интерпретативную эффективность, если ей не пришлось противостоять провокации, сопротивлению, и даже опровержению фактов.

Антропологическая модель в самой структуралистской версии является индуктивной. Требуется опыт работы в поле, подключенный к определенному месту. Следует делать выводы из этого опыта по обобщению модели интерпретации. Отправная точка является уникальным местом, укореняясь в той или иной реальности. Целью этнолога является, в конце концов, не углубиться в исследуемую группу больше, чем это должно быть, но обнаружить важность того, чему она научилась на местном уровне в более широкой географической и социальной сфере (соотношение локального и глобального). Цель состоит в том, чтобы разработать общие модели из исчерпывающего исследования каждого конкретного случая. Как показал Леви-Стросс, высокая степень абстракции может быть достигнута, не прибегая к количественным данным, на примере развития различия между механическими и статистическими моделями. Для этнолога, анализ частного случая важен для того, чтобы заложить основы для интерпретативной модели. Это имеет решающее преимущество перед использованием статистических процедур.

Этнолог принимает собственные представления и конструкции в качестве отправной точки, вместо того, чтобы идти в поле проверить или опровергнуть гипотезы, построенные за его пределами. Анализ, конечно, может быть основан на количественной обработке данных. Систематическое использование компьютера позволило Франсуазе Эригеру проверить закономерности, и, таким образом,

продемонстрировать правила и условия в «полусложной» модели супружеского союза (термин «полусложный» относится к системам, которые не предписываются, в которых каждый человек может вступать в брак, вместо того, чтобы исключить определенные типы брачного союза через ряд запретов). Этот тип является исчерпывающим потому, что все интерпретативные системы, которые были испытаны, подтверждают, что индуктивная гипотеза имеет очень прочную основу. Может ли гипотеза быть обобщена в модель интерпретации, определяется не только путем проверки на наличие или отсутствие определенных существенных признаков, но и путем оценки способности к обработке других частных случаев. Правила, обнаруженные Эритьер для управления функционированием полусложных систем, применимы не только к африканским обществам, но и к другим формам супружеского союза. Критика офсайда поднимает различные проблемы, центральной из которых является, как определить дисциплину и ее объект. Эта критика будет иметь решающее значение, когда будет исследоваться вопрос о том, является ли возможным для текущей антропологии определять новые объекты исследования. В этой модели, изобретатель новых объектов подвергает себя осуждению или молчанию блюстителей антропологической ортодоксальности и попытки соблазнения или кооптации путем неразборчивости представителей других дисциплин. Обе группы находятся в согласии с тем, что обе они провозглашают громко и ясно: новое исследование – не антропология. Либо это выходит за пределы антропологии (положение «офсайд») или относится к смешанному или расплывчатому жанру, где разница между дисциплинами больше не имеет никакого права на существование (тезис провозглашен существованием дисциплинарных периферий, для которых повседневная жизнь, человеческое воображение, и человеческое тело достаточны сами по себе, и все виды процедур мы можем применить к ним). Другие исследователи, которые во время колониального периода пытались интегрировать ситуацию, в которой они работали и использовали свое определение объекта, имеется в виду особенно Баландые и его концепцию «колониальной ситуации», более или менее относились к положению вне игры. Показательно, что в 1955 году Баладые стремился сделать манифест посвоевременности и актуальности его объекта, назвав работу «Современная социология Африки» (вернемся к вопросу о том, какое минимальное и необходимое определение «антропологии» должно быть). Остается открытым вопрос, может ли антропология как таковая, что-то сказать о новых ситуациях в истории, которые накладываются в ускоренном темпе с момента деколонизации; имеется ли в ней что-то специфически антропологическое; то есть то, что не может быть сведено к одной из тех ситуаций, анализируемой социологами, демографами, историками. Не было бы ничего удивительного или скандального в признании того, что дисциплина, которая всегда определяла себя как работающую с настоящим, потеряла свой смысл, если объекты, которые она изучила, должны были бы исчезнуть из настоящего времени. С тех пор она может посвятить себя изучению атемпоральности исторических деятелей, став фактически исторической антропологией. Получив в наследство от своего прошлого особую склонность к поимке и определению социальных явлений дарения подарков, жертвы, мифа – будет иметь многочисленные трактовки различных проявлений таких явлений в своем распоряжении, которые могут затем быть сравнены. Но, возможно, мы еще не идентифицировали, не говоря уже о том, что выучили все уроки, которые можно

извлечь из опыта работы в колонизированных землях. И нам бы не мешало помнить (как было показано), что некоторые явления, связанные с колонизацией, можно было бы эффективно изучать только антропологией. Принимая во внимание все вопросы, которые современный мир задает этой дисциплине (хотя «антропология» используется несколько неопределенно иногда), безусловно, полезно пересмотреть определение дисциплины с целью изменить его.

Критики, которые превращают перенесение вины в категорию, убеждают нас в необходимости отражения настоящего. Они предписывают диалог между наблюдателем и наблюдаемым, давая наблюдаемому возможность говорить, признавая равенство наблюдаемых и наблюдателя, по выражению Джоннаса Фабиана. Это то, что делает такие критические анализы стимулирующими и показывает наиболее четко открытость их авторов к обновлению, хотя мы можем сожалеть, что в некоторых случаях, из-за недостатка информации, они представляются, как программа вопросов, которые будут рассматриваться в настоящее время и в будущем. Как отмечает Джоннас Фабиан, все другие антропологические школы игнорируют современность своих объектов именно потому, что они создают людей, которые изучают объекты. Потому что антропологи создают чужие «представления» об объекте описания и отражения, принимая их во внимание только в качестве источников информации, они исключают возможность диалога с ними, диалога, который предполагает, что собеседники современны и равны. По мнению Фабиана, это происходит независимо от теоретических и политических взглядов антропологов; он упрекает «марксистских» антропологов в совместном использовании «с буржуазной позитивистской антропологией некоторых фундаментальных предположений о характере этнографических данных и использовании «объективных» методов». По словам Фабиана, «Другой» никогда не принимается как наблюдатель-современник: «Отсутствие Другого в нашем времени было его способом присутствия в наших рассуждениях как объекта и жертвы». «Это означает, что мы никогда не оценим первобытного как создателя; точно так же, когда сравниваем себя с примитивом, мы не произносим суждение о том, что он думает и делает, мы просто классифицируем способы, которыми он думает и действует». Критика Фабиана базируется на ряде антропологических работ, в котором он указывает на регулярное использование понятия «расстояние» и пространственных метафор в этнологических работах. Он развивает свою критику позитивно в своем заключении, предложив «несколько отправных точек» для «теории coevalness», coevalness понимается как противоположность *allochronism*, что само по себе определяется как большой миф антропологии. Эта новая программа ориентирована в значительной степени на понятие языка. Идея современности беспокоится, прежде всего, о самих условиях языкового обмена: материальность языка для Фабиана неотделима от материальности «сознания» Маркса и это носит временный характер. Традиционно, Фабиан утверждает, что антропология отрицает временную материальность языкового общения, в то время как именно временное измерение «подразумевает современность от создателя и продукта, говорящего и слушающего». Признавая материальность языка, который также связан признанием марксистской точки зрения о том, что социальные различия всегда существовали и будут существовать одновременно (одно из практических следствий этого является то, что наблюдатель в антропологическом запросе обязательно является частью того, что он наблюдает), позволяет довести до глубокого внутреннего противоречия в

антропологии: опыт работы на местах является опыт современности, в то время как антропологические интерпретации – “allochronic”.

Йоханнес Фабиан говорит, что самое интересное в глубоком интуитивном понимании того, что многие этнологи почувствовали: неравенство не только в материальном и социальном положении, но интеллектуальном, что характеризует с самого начала позиции следователя и «информатора» (этот последний термин, кроме того, весьма показателен). Существует проблема перекрестных целей или двуличия, в их отношении, ибо, вступая вместе в исследование одного и того же субъекта, они не говорят об одном и том же. Опрашиваемый говорит с реальным интересом об истории деревни или группы, в то время как интервьюер, прежде всего, ищет подтверждения части информации, которая уже собрана, или какой-то другой «подсказке». Такая ситуация обладает некими чертами в отношении проведенного на поле времени, которое регулярно делится между процессом сбора информации и повседневной жизни (оказанием основной медицинской помощи, обменом новостями, приемами пищи). В связи с этим, мы могли бы пойти дальше, чем Фабиана и предположить, что это следствие самих обстоятельств, которые создают временную паузу между наблюдателем и наблюдаемым. Многочисленные рассказывания о том, что информатор охотно предоставляет каждый день (он думает, что он понял, что следователя интересует и, таким образом, он не ошибается), начинают работать против согласованности исследователя, постепенно вводя его в «материалы», собранные, или, вернее, обладающие согласованностью в отношении двух различных целей. Цели этнолога и информатора начинают расходиться все более и более отчетливо. Действительно, информатор может однажды заметить, что его информация представляет меньший интерес для исследователя, чем это было день назад, хотя он, вероятно, не знает, почему так происходит. С точки зрения этнолога, эта информация становится излишней.

Существует два дистанцированных эффекта в этой работе. Во-первых, allochronism осужден Фабианом, очевидно потому, что мы всегда считали реальность вневременным статусом «фактов», которые антрополог собирает, даже если эти факты являются историческими. Во-вторых, обращение исследователя к информатору, который выступает в качестве посредника между наблюдателем и наблюдаемым, исследователем и исследуемым, поставщика информации, которая не всегда касается его или ее лично (на самом деле, сама жестикация, представляемая в качестве информации может отдалять её осведомителя от его содержания или произнесения), часто, на самом деле, уводит дальше от реального контекста данного факта или содержания данного предложения. Это, конечно, тот случай, когда часть доставленной информации является ответом на вопрос, который касается, прямо или косвенно, представления о реальности болезни, например, колдовства, наследственности. И, как Фабиан понимает, следователь расширяет эту дистанцию, приняв позицию интеллектуального нейтралитета, путем обсуждения не содержание предложения, а, скажем, его значимости для другого предложения, записанного ранее: «Как этот молодой человек живет с его дядей по материнской линии, если место жительства в этом обществе патрилокально?»

Хотя такие дистанцированные эффекты в большинстве случаев совпадали с резко очерченной социальной дистанцией типа колонизатор/ колонизированный или администратор / администрируемый, также верно то, что мы не можем путать второй тип с первым. Многие полевые этнологи были чувствительны к разным, а

иногда и противоположным ролям, в которых их представители играют различные роли в различных обстоятельствах (Жанна ФавреСаада, например, теоретизировала необходимость ее участия в ситуациях, которые она открыла миру). Любой наблюдатель ситуации, в которой были приняты на работу переводчики и вовлечены в наблюдение, обязательно замешан в этой ситуации, неважно, знает он или она или нет. Это может быть источником значительных трудностей. Герард Аль Трей, первый антрополог, который систематически проанализировал влияние наблюдателей и наблюдаемых соответственно, но взаимозависимых представлений друг с другом в своем исследовании. Автор подчеркивает тот факт, что расстояние между исследователем и объектом исследования не представляет собой простое смещения, для которого другое напряжение смещения может быть замещено, а скорее сдерживающий фактор, с которым этнолог должен вести переговоры.

Я кратко представил книгу Иоганна Фабиана в качестве примера переданной критики. Но это также приводит к более широкой дискуссии современности. Основная идея работы имеет важное значение; в будущем, условия антропологической операции вполне могут подразумевать как методологическую необходимость более открытого и, возможно, даже более прямого интервью между антропологом и его собеседниками. Абсолютная ясность в этом вопросе, конечно, связана с объяснениями этнологом желаний своих информаторов, и какие он хочет использовать средства для того чтобы достигнуть этого. «Важно помнить, однако, что природа диалога значительно зависит во всех случаях от построенного объекта исследования, а здесь некоторые из выводов Фабиана становятся причиной дискомфорта. Я упомяну два из них, потому что они затрагивают существенные вопросы. Первый включает в себя понятие времени. Потребовав, чтобы наблюдатель признал реальную современность себя и наблюдал это, Фабиан опровергает заранее понятный упрек, что он не заинтересован в концепциях времени, характерных для исследования группы антропологов. На этот раз здесь не имеет значения, как он объясняет, против чего он протестует, является отсутствие другого из нашего времени. Чуть больше этнографии других времен не будет иметь никакого влияния на это отсутствие. Обоснованность этого утверждения вряд ли самоочевидна: было бы трудно быть своевременным только одному. И позиция остальных «в отношении времени человека, наблюдающего их, вовсе не является безразличным делом. Нам не мешало бы помнить, что в любом случае остальные провели большую часть своего времени, пытаясь расположить себя по отношению ко времени тех, кто вторгся к ним. И они не пытались решить проблему только одним способом. Они либо возобновили культ предков, в некоторых случаях это означало ассимиляцию вновь прибывших к этим предкам (иллюзия, которая быстро распалась) или прогнозировали себя в будущее. Этот второй ответ, из которого европейская история уже предложила множество примеров, «существует в различных формах, был наиболее частым в ситуациях контакта и господства. С этой точки зрения, требования доминирующих были больше похожи на спрос на отсроченную современность. Пророчество, сделанное в 1914 году в Кот д'Ивуаре пророком Уильямом Уэйдом Харрисом, может выступать в качестве модели этой отсрочки: «За семь лет Черное будет как Белое». Идеал того, что «равный говорит с равным» следует при движениях, возможно, неправильно обозначенных, как синкретические. Такие движения, вероятно, более интересны тем, чего от них ожидали; чем за то, во что они превратились. То есть, они являются более показательным, если мы

проанализируем их как предвосхищенную ситуацию, которая сегодня является общей, глобальной «интернационализацией», чем, если бы мы просто измерили их по отношению к реконструированию предыдущего состояния (что подразумевает «синкретизм»). Очевидным, но важным фактом является то, что такие движения являются реакцией на то, что происходит сейчас. Мы можем легко согласиться с Иоганном Фабианом, что «allochronism», вероятно, виноват в этнологизации отношений, которая толкает антропологов смотреть, в первую очередь, для «чистого старшинства» за возникновением барокко в настоящем. Именно по этой самой причине, они часто не придают достаточного значения практическим и творческим аспектам общества, которые они изучают, или, позвольте добавить, протополитическим религиозным движениям в этих обществах. Этнолог часто рассматривает такие элементы реальности, как занавес, который должен быть в стороне так, чтобы он может достичь своего чистого идеала. На самом деле, они выражают и используют отношение во времени так, что мы не можем игнорировать его, если мы действительно озабочены реальной современностью собеседников, о которых идет речь. Только сейчас, в довольно ослепительном свете обобщенной ситуации культурного обращения, мы можем осознать, что извержение внешнего мира в их общества означает для некоторых народов. Также, только сегодня существуют условия в современной антропологии для возникновения диалога между наблюдателем и наблюдаемым, где оба признают друг друга, несмотря на то, что продолжают занимать разные и неравные позиции. Современность не может быть указана; превращение мира накладывает это.

Второй сомнительный вывод Фабиана предполагает само понятие инаковости. Мы можем полноправно упрекать его, наряду с американскими постмодернистами, за недооценки или утаивания преобразования мира, как мы воспринимаем через себя, за представления упрощенного образа, который установил мировую систему доминирования Запада (Запад, чьи границы кажутся довольно расплывчатым) против другой, такой же неопределенно этнографической, чье существование может быть определено только по отношению к этой другой, и неопределенной, Западу. Последние предложения времени и другого в этом отношении весьма показательны.

Для того, чтобы утверждать, что примитивные общества (или что-либо, что их теперь заменяет как объект антропологии) являются реальностью, а наша концептуализация – теорией, нужно знать антропологию. Если мы можем показать, что наши теории их обществ являются нашими практиками способа, которым мы производим и воспроизводим знания Другого для наших обществ, мы можем, перефразируя Маркса и Гегеля, поставить антропологию на ноги.

В то время как у постмодернистов: «другой такой же, как другой в классической этнографии, хотя и более образованный и более требовательный, другой Фабиана – другой из «примитивных обществ» наименованием места происхождения товара, он не уточняет), хотя эти общества и их роли могут быть заменены их эквивалентами, которые сами по себе остаются весьма неопределенными: «все, что заменяет их теперь в качестве объекта антропологии». Удивительно, что это мышление представляет себя также легко, как диалектика остается заключенной в основные категории. Если распределение ролей на «антропологической» сцене действительно было зафиксировано раз и навсегда, как предполагает Фабиан, эта сцена не сможет предложить ничего, кроме теней. Не заглядывая в будущее, предполагается, что есть «наши» теории другого (под которыми имеются в виду теории о примитивных

обществах, разработанные в Европе и Соединенных Штатах); наша практика, «наша» манера продуцировать другого, который нас устраивает; проблема антропологии сегодня начинается там, где книга Фабиана заканчивается очевидным фактом, о взятии Фабианом в скобки того факта, что другой изменяется.

Это означает, что наша критическая позиция должна измениться. Непрерывающийся ревизионизм, которым характеризуется антропология, был и продолжает оказывать положительное влияние в том, что он приучает антропологов рассматривать множество различных точек зрения, напоминает им о необходимости непосредственного опыта, и обращает их внимание на условия, при которых были приобретены их знания и составлены гипотезы. Они научились не обманывать себя словами, не двигаться во «вселенную признания», где высказывания их конкретного племени не могут быть поставлены под сомнение. Наилучшими изменениями являются те, которые учитываются как изменения с позиции наблюдателя и наблюдаемого. Пересмотренная концепция этноса разработана рядом африканистов, среди которых Жан-Лу Амсель и Жан-Пьер Дозон, не отрицает актуальность концепции, а изменяет её содержание, таким образом, составляя тот факт, что потомки тех, кто когда-то были оскорбительно унифицированы административным указом, часто первыми используют идентифицирующие категории захватчиков, их этнические наименованиями, в разработке их собственных социальных, экономических или политических стратегий. Концептуальная версия является здесь полезным инструментом для анализа текущей политической ситуации в Африке.

И концептуальный пересмотр – именно то, о чем идет речь в более широком масштабе. Если, как я полагаю, нет домена или герой не может «считать офсайда для антропологии, и если дисциплина не предполагает потерю или исключение себя в неконтролируемом стремлении к полям и объектам в нынешней ситуации, а скорее определить и построить эти объекты в соответствии со своими собственными требованиями; если конкретная эмпирическая реальность должна остаться заданной и единственной, то тон задает критерий в развитии всех теоретических моделей и, при условии, что настало время перестать думать о словах и ответах, лишь как об источниках информации, а также участие в совместной разработке знаний, где мы должны сосредоточить наши усилия на настоящем и будущем времени. Эпистемология заканчивает историю науки, которая имеет значение лишь по отношению к наукам, которые разрабатываются и практикуются в настоящее время. Точно также, антропология как социальная наука настоящего времени, может продолжаться только тогда, когда она берет на себя обязательство, ведущее к более глубокой двойственной сложности, которая состоит, с одной стороны, из накопленных знаний, опыта, а также результатов ее критического самоанализа собственной комплексной истории, а с другой, её объекта, сложность которого выражается быстрыми изменениями в истории. Сложность физики, говорят сегодня, несомненно, является результатом улучшенных средств исследования и расчета: само мышление становится все более сложным, поскольку оно сталкивается с реальностью, которая не может быть схвачена с помощью простых инструментов.

Сложность, обнаруженная у социальных наук, в частности, антропологии, принципиально не отличается. Мы можем, конечно, думать, что в той или иной степени, горизонтом и ориентиром для всех людей сегодня является планета в целом; многочисленные радикальные технологические изменения, влияющие на землю, очевидно, не без последствий, как мы видим, в настоящее время постоянно

воссоздаются. Но, с другой точки зрения, мы можем также спросить, становится ли сложность очевидной для нас, это на самом деле не улучшило способ смотреть в будущее. Прошлые миры не были простыми, но они не «обшались» друг с другом (в том смысле, что разные пространства в том же доме, называются «проходные комнаты»), или только в редких случаях, и, во всяком случае, меньше, чем это делается сейчас. В этом смысле они не были современниками друг друга. И когда, с помощью легенд или битов информации, мы смогли набросать образ другого места, тот образ был образом другого мира: Эль-Дорадо, место чудес и монстров. Мы только учимся представлять сложное прошлое планеты, которая до недавнего времени никогда не была захвачена во всей своей полноте одной точкой зрения (даже сегодня мы были бы в затруднении, чтобы найти специалиста, способного нарисовать единую картину мира во времена, когда Афины и Спарта поочередно доминировали на греческой сцене). Если мы осознаем тот факт, что сама по себе технологическая сложность стремится играть роль упрощения эффекта гомогенизации, мы должны логически заключить, что сложность предшествует инструментам, которые восприимчивы к его поимке и созданию его явным. Сама сложность, вместе с реальными проблемами, создается для «полной» разведки интеллекта или «признания», упомянутых в главе как доказательство того, что знание прогрессирует и что наука является эффективной. Это также применимо и к общественным наукам, хотя они должны учитывать явления, которые и несут историческую дату и обладают непоправимым демографическим ростом сейчас, ростом городов, развитием телекоммуникаций, и других явлений, которые одновременно пропитывают сложностью, выявленные улучшенным наблюдением, способствующим этому улучшению, а также создающим условия для эффективной жизни современности. Возможно, пришло время и для антропологии, потому что наша нынешняя реальность многогранна; чтобы двигаться вперед, надо предлагать элементы перспективной критики, чтобы использовать их сегодня и завтра

*Рекомендовано до друку науковим керівником
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською
Стаття надійшла до редакції 15.06.2016*

К.Шевчук

студентка IV курса философского факультета,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Тел. +38097-014-32-42; email: fln29092012

В статье анализируется соотношение взглядов постмодернизма и модернизма на категорию субъекта. Постмодерновский взгляд на субъекта можно назвать негативистским, так как подвергается сомнению субъектная автономность – субъект зависит от оков цивилизации, от власти бессознательного, вследствие чего теряет свою идентичность и способность к активному и творческому преобразованию мира. Представители модернистского подхода, наоборот, утверждают творческую преобразовательную активность субъекта, а значит, и его существование как деятельного и сознающего существа. Взгляды обоих подходов на категорию субъекта во многом различны, и невозможно примирить между собой их мнения. Но где-то посередине, в пространстве между ними, рождается подлинный (аутентичный) субъект.

Ключевые слова: субъект, модернизм, постмодернизм.

У статті аналізується співвідношення поглядів постмодернізму та модернізму на категорію суб'єкта. Постмодерністський погляд на суб'єкта можна назвати негативістським, так як ставиться під сумнів суб'єктна автономність – суб'єкт залежить від оков цивілізації, від влади несвідомого, внаслідок чого втрачає свою ідентичність та здатність до активного і творчого перетворення світу. Представники модерністського підходу, навпаки, стверджують про творчу перетворювальну активність суб'єкта, а значить, і його існування як діяльної та усвідомлюючої істоти. Погляди обох підходів на категорію суб'єкта багато в чому різні, і неможливо примирити між собою їх думки. Але десь посередині, в просторі між ними, народжується справжній (автентичний) суб'єкт.

Ключові слова: суб'єкт, модернізм, постмодернізм.

The article analyses the correlation of the views of postmodernism and modernism on the category of subject. The postmodern view on subject can be called a negative one, because the subject loses its freedom, i.e. the subject depends on the bondage of civilization, the power of unconsciousness; as the result of this he/she loses his/her identity and ability for an active and creative transformation of the world. The representatives of the modern approach say about active and creative role of the subject which demonstrates his/her existence as an active and conscious being. The both points of view on the category of subject are different in many ways, and it is rather difficult to reconcile them. However, in the middle, in the space between them, an actual (authentic) subject comes into being.

Keywords: subject, modernism, postmodernism.

Анализ, предпринятый в настоящей статье, является логическим продолжением историко-философского рассмотрения субъекта [19]. Выбор обозначенного контекста, то есть именно постмодерновской тематики, а не какого-либо другого

философского направления, хронологически относящегося к более раннему периоду развития научной мысли, определен четким критерием. Им выступает новизна, а потому и актуальность этого философского мировоззрения, характерная для нашего времени. Постмодернизм как современное направление философии отражает многие явления нынешней культуры, а также придает проблеме субъекта важное значение и ставит ее в центральное положение [несмотря на присущую данному философскому течению установку на антицентризм и антифундаментализм].

К тому же постмодернизм является оппозиционным течением по отношению к предшествующему модернистскому мировоззрению, а если мы хотим рассмотреть категорию субъекта, необходимо обратиться к «обеим сторонам медали». Являясь философским направлением, возникшем, благодаря переходу западных стран к постиндустриальному (информационному, где главным становится производство не товаров, а знаков) обществу, постмодернизм содержательно отражает именно современные (или постсовременные) взгляды на мир и, в частности, на субъекта. Началом прихода постмодернистской культуры послужили импрессионизм, абстракционизм и сюрреализм в живописи (С.Дали), импровизация в музыке (джаз, арт-рок), эклектика в архитектуре, теория относительности и концепция бессознательного в науке, ницшеанская переоценка ценностей в философии. Именно постмодернизмом был провозглашен лозунг «открытого искусства». Кроме того, многие ученые, говоря о состоянии современной культуры, упоминают именно постмодернские традиции, благодаря которым происходит текстуализация культурного пространства, ризоматизация, децентрация и связанная с ними «перенасыщенность» культуры, нивелирование индивидуальности и субъектности, вольность в выборе ценностных ориентаций, стирание границ между формами культуры, а также настоящей реальностью и мнимой, виртуальной. Культуре постмодернизма свойственна гиперконтекстуальность как взаимопроникновение разных сфер жизни, духовно-телесный реализм как теория всеобщей действительности, а также способная изменяться идентичность. Учитывая эти особенности, в первую очередь изменчивость идентичности, становится неудивительно, почему в основе постмодернизма лежит идея «смерти субъекта». Практически все монументальные творения модерна культурой постмодерна лишаются своей монументальности, укорененности. Так, критерии научного познания, эстетические нормы и традиции искусства, объективность истины, бесконечность творческих форм, а также субъект в своей целостности, автономности и осознанности, подвергаются скепсису. Но это уже не скепсис экзистенциализма, связанный с мрачностью проблем страдания и тяжести субъективного бытия. Культура постмодерна, наоборот, уничтожая модернистские творения, делает это в ироничной, игровой и немного циничной манере, не придавая данному процессу экзистенциально-эсхатологического значения. Находясь внутри данной культурной традиции, творец осознает как отчужденность творческой деятельности от своей сущности (реципиент трактует авторский текст отличным от самого автора способом), так и отсутствие таковой сущности, место которой занимают субъектная расщепленность и фрагментированность. Занимаясь искусством, субъект из демиурга превращается в скриптора, играющего с реципиентом и ткущего свой текст из «лоскутков» других текстов и культурных традиций.

Но чем же принципиально отличается культура постмодерна от предшествующей ей культуры модерна? С.Ф. Денисов приводит основные отличия:

модерну свойственны центрированность, неравенство и иерархия ценностей, цель, нетерпимость и неравноправие, мужское начало, конструкция, созидание, определенность и оседлость, глубина, территориальность, сюжет, серьезность, зрелость, в то время как постмодерну присущи их противоположности. Это децентрированность, равенство и анархия ценностей, бесцельность, плюральность, толерантность, женское начало, деконструкция, разрушение, неопределенность, номадность, поверхность, детерриториальность, скольжение, коллаж, игривость, детскость [14: 97]. Естественно, эти отличия культур задают отличительные особенности между субъектами постмодерна и модерна.

Постмодернизм описывает действительность не как раз и навсегда данную (пусть даже находящуюся в процессе становления) реальность, а как мир, лишенный сущностей, как мир симулякров. Постмодернистские описания вместо твердого фундаментализма предполагают плюрализм, в соответствии с которым любой концепт может быть уничтожен, переосмыслен и децентрирован. Нет фундаментальных истин, само слово «истина» не оправдывает свое существование, – предполагает постмодернистский способ описания реальности. В нем кроется противоречие – «открытие» отсутствия фундаментальных истин есть истина.

Феномен «конца истории» многие исследователи относят именно к постмодерновой эпохе [12: 83]. Если раньше в мире что-то менялось человеком, человек определялся через действие, то теперь – по окончанию истории – делать стало нечего. И некому; бог мертв (Ницше), а за ним исчез и человек (постмодернизм). И в такой ситуации обесмысливания всего на смену модернистской серьезности приходит легкомыслие, игра и насмешка. Сюда же имеет смысл отнести заостренность внимания к маргиналиям общественного бытия (безумие, преступность), чему послужила озабоченность сознания, усомнившегося в прочности позиций своего бытия. По замечанию А. Колесникова, скептицизм постструктурализма, помимо многих социальных причин, был также вызван распространением массовой культуры [24: 79–106]. Отчасти с этим замечанием можно согласиться, если под массовой культурой понимать культуру, пропагандирующую плюрализм и «переоценку ценностей», чего, однако, нельзя сказать про всю массовую культуру. Мы, не создавая принципиального разделения постструктурализма и постмодернизма, обратим замечание автора к постмодернизму. Однако распространение массовой культуры – далеко не единственное явление, послужившее фундаментом для возникновения постмодернистского миропонимания. Значительное открытие постмодернизма – это осознание факта, что ни познающий субъект, ни мир не являются раз и навсегда данными, – они существуют в изменяющихся состояниях, у которых есть своя история и развитие. Субъект не изолирован от мира, как считали сторонники более ранней (ньютоновской) парадигмы, не учитывающие его влияния на предмет познания: согласно классической парадигме, познающий не влияет на познаваемое и не является его частью. Сейчас же, напротив, стала очевидной неустрашимость субъективности из акта познания [6: 131–135], указывается доминирующая сегодня скрыто-субъективистская трактовка знания, которая связывает его содержание с качествами познающего субъекта [11]. Как отмечает В.Знаков, рассматривая субъекта через призму постнеклассической парадигмы, познающий субъект находится внутри изучаемого мира, а не дистанцирован от него; мир таков, каким его видит субъект [17: 18–28]. Эти тезисы говорят нам о том, что критерий

объективности, согласно которому познается мир, нарушается самим существованием познающего субъекта, наличием у него своего «Я», своих интересов и приоритетов. Если же попробовать вынести его за скобки познающего акта, то и самого познания не будет вовсе, в чем и заключается диалектичность процесса изучения действительности. Постмодернизм указывает нам на эту проблему, ставя под сомнение возможность «чистого» познания.

Субъект новой парадигмы представляет мир, исходя скорее не от самих характеристик объективной реальности в их изначальной предзаданности, а исходя из собственной «истории», от истории постоянно развивающихся мировоззрений, динамика которых, в свою очередь, меняет и характеристики мира [37: 105]. Нет четких границ между познающим субъектом и познаваемым объектом, и первый вполне может являться частью второго, а также привносится во второй свое понимание в соответствии с характерным для данной эпохи мировоззрением. Кроме того, при постулировании независимости познаваемого предмета от субъекта сам субъект не может представляться существующим – ведь он как изучаемое явление не является независимым от субъекта, то есть от самого себя [11].

В связи с неустранимостью субъективного из гносеологической ситуации, Л.И. Воробьева предлагает вообще отказаться от субъект-объектной парадигмы и заменить понятие «субъект» как идеальную точку, помещенную в реальность сознания, понятием «автор» как протяженную область в пространстве бытия-сознания («принадлежность автора укоренена не только в сознании, но и в мире») [7: 155]. Следует заметить, что Воробьева рассматривает автора скорее как экзистенциальную категорию, нежели постмодерновскую – ей придаются модусы свободы и ответственности, осмысленности, событийности, контекстуальности, личностной уникальности, в то время как субъект в своем чистом познании, представлялся стерильным, безличным. В общем, постмодернизм выражает скептическое отношение, как к процессу познания, так и к самому субъекту.

В модернистском гуманитарном дискурсе принято рассматривать субъекта в его многоконтекстуальности, в то время как в постмодернистской традиции вместе с исчезновением субъекта исчезает и вся многоконтекстуальность его проявлений. Постмодернистский индивид внесубъектен и не способен на сознательную и свободную деятельность [5: 3–15]. Так, мы можем это заметить в сфере научного познания [11], в художественном творчестве [18: 2–14], в профессиональном контексте (мы продаем корпорациям как свою рабочую силу, так и личностные качества), в сфере политической идеологии (субъект – марионетка, которой манипулируют с помощью политических технологий) [5] и т.д. Эти факты говорят о том, что субъекту отказано быть помещенным в какой-либо определенный контекст. По замечанию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, желание вытесняется потому, что оно ставит под вопрос устоявшийся общественный порядок. «Для общества жизненно важно подавлять желание, и даже найти кое-что получше подавления – сделать так, чтобы подавление, иерархия и эксплуатация сами стали желаемыми» [2: 185–186]. Желание производство, по мнению авторов, вытесняется, поскольку в противном случае оно породило бы беспорядок в общественном производстве, незакодированные потоки желания. Мы видим такое хитрое переворачивание – желание одного становится желанием совершенно противоположного. Может быть, здесь уместно вспомнить теорию Э. Фромма, согласно которой индивид по собственному желанию сбрасывает с себя цепи субъектности и убегают от свободы,

поскольку не в состоянии нести ответственность за эту свободу, за свой выбор и за свою жизнедеятельность в целом. Массы требуют фашизма, массы желают стать эксплуатируемыми. И эта эксплуатация, изначально исходившая извне, постепенно интериоризируется вовнутрь, и теперь уже становится мощной детерминантой, подрывающей субъектность изнутри. Чтобы рассмотреть этот механизм, необходимо обратиться к ортодоксальному психоанализу.

Философы постсовременности (Ж.Лакан, Р.Барт, М.Фуко) разрушают монументальность субъекта, лишают его прежней целостности, автономности и осознанности. Постмодернизм с его знаменитой концепцией «смерти субъекта» постулирует субъектную зависимость от языка, текста, общественных норм и предписаний, внутренних инстанций. Причем, перечисляя все эти факторы, детерминирующие и конституирующие субъекта, мы лишь условно поместили их в один ряд. На самом деле постмодернисты в своей большинстве для обозначения данных факторов используют наиболее обобщенное понятие «текст», которое включает в себя язык, социальные ценности и нормы, неосознаваемые интрапсихические формирования и т.д. М.С. Уваров самым значительным событием постмодерна считает превращение культуры в текст: текстом и письмом – особенно «автоматическим» – замещается онтологическая данность как культуры вообще, так и культуры телесного [36: 21–27]. Это явление именуется пантекстуализмом, который В.А. Кутырев называет высшей стадией лингвистического моделирования мира и завершающим этапом эпохи логоса [27: 66–79]. Собственно, текст – это все. Текст – синоним бытия, сущего. Текст – не только внешнее по отношению к субъекту жизненное пространство, но и его внутренние структуры, о которых мы уже говорили. Но, с другой стороны, учитывая содержательную объемность понятия «текст», это понятие аннулирует самого себя: будучи всем, оно становится ничем. Означающее со множественным означаемым, которое жадно протягивает свои руки для того, чтобы охватить все бытие в целом, объять необъятное.

С приходом «Парижа со змеями» субъект не только утрачивает свою прежнюю монументальность, а, наоборот, нивелируется как онтологическая данность. Детерминированный абсолютно всем сущим, он превращается в маленькую точку, лишенную каких-либо координатных измерений, до бесконечности уменьшающуюся в размере путем оказываемого на нее давления со всех сторон, а также и изнутри. И субъект становится лишенным опоры, лишенным самого себя, превращенным в «тело без органов», в утратившее свою субъектную целостность тело, расщепленное на отдельные части, «гуляющие сами по себе».

В общем, ни ОНО, ни Сверх-Я, ни языковые структуры не являются факторами, подавляющими субъектность. Вообще, нет никаких детерминант, формирующих субъектность или сдерживающих ее проявления. Просто нечего подавлять, так как субъектности нет; она есть как фикция, как сугубо теоретическое умопостроение, которому отказано в наличном бытии. Такой вывод появился именно благодаря трудности (или невозможности) дать точное определение субъектности, ответить на вопрос «что это такое?». И поскольку мы не знаем ее сущности, не можем четко обозначить то, что влияет на субъектность, делает ее иной по отношению к самой себе, или, наоборот, формирует ее, тем самым также лишая ее своей сущности. Вот здесь мы натываемся на диалектичность конституирования субъектности – или она есть синоним общности, противоречащей природе и естественности, или же она находит себя в природной асоциальности,

противоречащей индивидуальному развитию. В общем, субъект – это изобретение, принадлежащее той инстанции, которая его формирует. Ей – этой инстанцией – может быть кто угодно. Локусы, источники конституирования субъектности, могут быть абсолютно отдаленными друг от друга своими целями, средствами и результатами деятельности. Они подобны источникам власти, выделяемым М. Фуко – множественным и нигде не локализованным. И каждый из них, руководствуясь своими воспитательными целями, создает своего послушного субъекта.

Но конструкт «послушный субъект» едва ли готов занять статус субъекта, так как усилия, затрачиваемые на послушание, идут вразрез с теми качествами, которые присущи настоящему субъекту – осознанность, самодетерминация, целостность мировоззренческой позиции. А можно ли все эти инстанции тоже рассматривать в качестве субъектов (эквиваленты так называемых коллективных субъектов)? И да и нет. Субъект – это шаткий конструкт, никогда не достигающий своей подлинности, но всегда стремящийся к саморазрушению. Субъект – это всего лишь тот, кто, желая убедить себя в собственном существовании, называет себя субъектом. Мы видим, что радикальное постмодернистское переосмысление субъекта своими корнями упирается в психоанализ, который (и не только психоанализ!) Сыграл существенную роль для формирования многих постмодернистских теоретических построений, – в частности, концепции «смерти субъекта». По этому поводу можно иронично заметить: доведенный до крайности фрейдизм приводит к постмодернизму.

Постмодернистский взгляд на субъекта можно охарактеризовать как негативистский и в какой-то степени пессимистический (но сопряженный с иронией), поскольку утверждается отсутствие автономии субъекта. А.В. Зубарева, например, показав связь отчуждения с концепцией «смерти автора», представила культуру постмодерна как отчужденную реальность [18]. Субъект – «продукт соответствующего типа речевой и дискурсивной деятельности, результат того способа конституирования субъективности (субъектизации), который возможен в рамках данного типа дискурсивности» [31: 1001]. Субъект полностью зависим от принципов построения языка, от оков цивилизации, от правил и ограничений, от норм, свойственных данному типу культуры, от десубъективирующей роли идеалов потребления, которые превращают субъекта в систему знаков, и благодаря таковой зависимости он теряет свою идентификацию с самим собой. Субъекту «отказано быть активным преобразователем мира: ему следует вписываться в него, но не навязывать себя» [39:112]. Почти ту же самую культурную детерминированность утверждает А. Колесников, когда говорит о том, что сознание субъекта в постмодернизме определено пограничными социокультурными состояниями, а в герменевтике, структурализме и постструктурализме – языковыми и другими структурами бессознательного порядка [25: 10–25]. Список можно продолжить таким направлением философии, как субстанционализм, который также уничтожает человеческую автономию и самостоятельность путем постулирования «заданности» всех форм человеческой жизнедеятельности. Однако мы не станем вслед за автором совершать четкое разделение этих направлений философской мысли, равно как и собственные им виды детерминации субъекта; вместо этого мы склонны рассматривать эти направления в их единстве и синтезе, и именно данное единство подразумеваем под термином «постмодернизм».

Многие философы-постмодернисты (в первую очередь Ж. Делез), нивелируя суверенность субъекта, абсолютизируют шизофрению как главное свойство

истинной субъектности, свободной и революционной. Лоно безумного, иррационального способствует достижению субъектом относительной суверенности от норм идеологии (Ж.Делез, Р.Барт, Ю.Кристева, М. Фуко). Лишь иррациональное способно сопротивляться власти и навязанной идеологии.

Так, оспаривается автономность и суверенность субъекта из-за всеисильности не только культуры и непосредственно связанных с ней дискурсивных практик (внешняя детерминация), а также бессознательного (внутренняя детерминация). Сила сознания настолько умалается, насколько абсолютизируется мощь бессознательного, мощь неосознаваемых потоков, которые, в силу своей скрытности от сознания, не принадлежат субъекту: ведь субъект – в первую очередь, существо осознающее. Ж.Лакан в своих работах использует термин «субъект бессознательного», а само бессознательное уподобляется языку [28: 152]. А.Ш. Тхостов вообще проводит определенное тождество между истинным субъектом и психоаналитическим понятием «Оно» [35: 3–13]. Психологи (А.В. Брушлинский, Б.Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн и др.) Согласны с позицией, наделяющей субъекта сознанием, поскольку они рассматривают сознание как одну из основных характеристик субъекта. Но исследователи в области психологии не приемлют такой предельной абсолютизации бессознательного, сила которого нивелирует действие сознания. Следует заметить разницу психологов и философов во взглядах на субъектность. В той же мере прослеживается значительное мировоззренческое различие между представителями феноменологического и постмодернистского подхода в психологии: первые критикуют вторых за нигилизм, редукционизм, пессимизм и скептицизм, вторые критически настроены по отношению к первым за веру в возможность точной репрезентации и описания переживаний, в существование «я» и субъектность как реальных структур [38: 180–182]. То есть, наблюдается определенная борьба идей в отношении субъекта: одни отстаивают его суверенность, в то время как другие его разрушают.

Для Ю. Кристевой субъект представлен не в целостности, а в расщепленности: сознание человека расколото изначально, а субъектность – совокупность непостоянных идентичностей. Говорящий субъект всегда расщеплен между сознанием и бессознательным, физиологией и социальностью, и поэтому не может быть сведен в единую фигуру [16]. Субъект – явление внутренне противоречивое, находящееся на грани психической деформации и патологии, и стремящееся при этом восстановить свою целостность. Он дважды детерминирован: как языковыми шаблонами правящей идеологии (если интересы человека противоречат интересам идеологии, то его сознание проявляет деструктивный иррационализм по отношению к себе), так и бессознательным (иррациональным) словотворчеством. То есть, первая детерминированность (символическая) связана с социальными ограничениями, а вторая (семиотическая) связана с действиями бессознательного, прорывающими эти ограничения. По Ж. Лакану, субъект не может быть строго репрезентирован, так как эго человека нестабильно, и оно лишено ряда неизменных характеристик. Субъект децентрирован, он не может быть целостным (индивид), а способен видоизменяться и фрагментироваться (дивид). Субъектность полностью реляционна, она исходит исключительно из практики взаимоотношений субъектов (или из практики соотношения представления о себе и других) и выявляется посредством принципа различия, оппозиции «другого» по отношению ко «мне».

Субъектность – действие означающей системы, которая существует до индивида и определяет его культурную идентичность. Значит, субъект полагается только лингвистически, его порождение и существование предопределяется и поддерживается речью, вне которой человека быть не может [21: 98]. Лакан выделяет речь и язык как социокультурные intersубъективные факторы, которые первичны по отношению к человеческой субъектности. Субъектность существует внутри непрерывного символического порядка, состоящего из слов, замещающих реальность, и Лакан ограничивает существование человека одним миром – лингвистическим, речевым, за пределами которого человека нет. Субъект имеет истории, которые, в процессе рассказывания, меняются и переопределяют структуру субъектности. Появление субъектности предшествует появлению индивида, и этот феномен определяется в ограничении рамок соответствующего типа культуры.

По Лакану, субъекта формирует язык, поэтому субъект – это атрибут культуры, которая может говорить посредством субъекта; а эго – это, в первую очередь, функция культуры, а не субъект самосознания. На первое место ставится субъектная активность, направленная на преодоление зависимости от языка. Лакан определяет субъекта через «онтологическую неполноту», так как он всегда включен в непрерывный символический порядок отчуждений и сублимаций, а значит, конституируется на пересечении различных символических форм – норм, правил и запретов [34: 62–78]. А.Брегадзе, вслед за Лаканом, пишет «о динамичности субъекта, его вечном «пребывании в пути» [4: 23], и задается вопросом о возможности увидеть наличие в субъекте неизменного феномена, который и придает форму его бытию, то есть сущности. Автор склоняется скорее к отрицательному ответу на данный вопрос. Такого же мнения придерживается Ж. Делез, превращая субъекта в произвольные неличностные и доиндивидуальные единичности – сингулярности [13:15]; делезовский субъект номадичен, противопоставлен индивидуальной фиксированности и модернистскому эссенциализму.

Учитывая концепцию Лакана, субъектностью можно наделять язык и культуру, но не самого субъекта. «Языковая структура кажется самодостаточной и вполне может существовать и без человека – носителя данной структуры» [8:19], – пишет Е.М. Воронова. И вообще, при рассмотрении всего поля детерминаций субъекта в постмодернизме, следуя принципу деконструкции, имеет смысл придать статус субъектности именно этим детерминациям, но не тому лицу, которое они определяют. Заметим, что Лакан употребляет понятия «индивид» как целостный субъект и «дивид» как фрагментированный и многоликий субъект. В психологической науке индивид и субъект не имеют тождественности несмотря на то, что в терминологическом аппарате психологии трудно проследить чистоту. Например, Б.Ананьев считал индивида совокупностью возрастно-половых и конституциональных особенностей, высшая интеграция которых представлена в темпераменте и задатках. Субъект же, по Ананьеву, – обладатель сознания как отражения объективной деятельности и осуществитель деятельности как преобразования действительности: высшая интеграция свойств субъекта представлена в творчестве [1: 270]. Здесь мы видим некоторую противоречивость во взглядах на индивида по крайней мере именно этих авторов (Лакана и Ананьева). Хотя, надо сказать, в психологии также нет четкой позиции относительно определения понятий «индивид» и «субъект» и их соотношения между собой; если один автор придает каждому из этих понятий одно значение, то другой – иное (С.Л.

Рубинштейн, к примеру, почти синонимизирует эти понятия, не проводя между ними никакой разделительной линии [26: 50–53]). Что касается расщепленности субъекта, то мнение психолога А.Славской отчасти близко постмодерновскому.

Правда, Славская декларирует не неизбежную расщепленность, а возможность достижения целостности, что создается посредством интерпретации. Она считает, что с помощью интерпретации личность способна сконструировать свой внутренний субъективный мир, который сам выступает интерпретацией своего «Я», своей тождественности и изменчивости в контексте жизненных изменений. Интерпретация связывает в единую целостность разные уровни «Я»: бессознательный и сознательный. «Интерпретируя, субъект осуществляет интеграцию внутреннего «Я», создавая не просто картину мира, а «Я-концепцию» во множестве ее проявлений, объективации в деятельности, общении, решении жизненных противоречий, устанавливая прямую и обратную связь между ними». Таким образом, субъект может репрезентировать свою позицию – жизненную и мировоззренческую, что ведет к достижению им определенности и возможности выражения этой определенности в жизненных проявлениях. Под интерпретацией А.М. Славская понимает способность сознания личности выявлять и определять ее новое положение в изменяющихся обстоятельствах. Интерпретация сохраняет определенность субъектной позиции в условиях изменяющегося мира, и в то же время не только сохраняет старое, но и выявляет новое положение. Личность обладает определенностью, но она должна заново искать эту идентичность из-за изменения внешних условий и самой себя. Славская придает интерпретации настолько серьезное значение, что вводит новое понятие – субъект интерпретации.

По ее мнению, субъект интерпретации – это автор своей концепции, объективирующий ее в разных жизненных контекстах (в науке, искусстве, жизни в целом), исследователь, ищущий новое в окружающем мире, личность, понимающая и объясняющая все новое, перед которым ее ставит жизнь. Итак, Славская принимает наличие определенности (целостности) субъекта, но также она принимает факт о его расщепленности в моменты происходящих изменений. Таким образом, ее позиция в какой-то степени близка к постмодерновской (Кристева, Лакан), но носит значительно менее радикальный характер. И.П. Ильин также говорит о важности интерпретации, обращаясь к постмодерновскому контексту свободы субъекта. Собственно, эта свобода сводится к свободе интерпретации, наделяющей индивида возможностью создавать новые смыслы [29: 137]. Можно сказать, что мнения Славской и Ильина очень близки: различие их сохраняется постольку, поскольку оба автора в своем анализе исходят из различных отраслей научного знания. Однако само понятие интерпретации в постмодернизме получило свое значение. Интерпретация – это возможность на основе одного текста создавать другой. Читатель, читая, воспринимает то, что написал автор, не за чистую монету. Читатель перетрансформирует в своем восприятии и мышлении оригинальный текст так, что тот – в результате деконструкции – перестает быть тождественным самому себе и становится текстом не автора, а уже читателя. Собственно, читатель становится его автором. Мы постоянно интерпретируем и не интерпретировать не можем, равно как не можем не думать. В каждое увиденное и услышанное сообщение мы добавляем некий свой смысл. Каждый текст – это интерпретация предыдущего, а предыдущий – существовавшего до него. И так происходит бесконечная цепь следов, отсылок и цитат. Пожалуй, интерпретация – это

единственное, чем занимается человек в коммуникационном процессе ... и не только в коммуникационном. Следовательно, понятия субъекта и автора вытесняются понятием интерпретатора. Все философы – представители постмодернизма (Делез, Лакан, Кристева и т.д.) говорят о мнимости субъекта, о его несостоятельности как такового, о его децентрации. Конечно, их взгляды в некоторых аспектах различны, но зачастую они дополняют друг друга, а не противоречат один другому.

Однако К.Штекль пытается уберечь постмодернистскую философию от обвинений в негативизме по отношению к субъекту, считая, что она не только производит деконструкцию субъекта, но идет еще дальше, наполняя смыслом пустое место деконструированного субъекта; на его место приходит полнота «человек-субъект и сообщество», и эту связку нельзя разорвать, оторвать оба элемента один от другого – ни одному из них нельзя получить статус исходного пункта, сущности «в себе» (субъект находится в единственном множественном числе, не растворяясь в сообществе) [45: 34–46]. К. Штекль, выражая подобные мысли, все-таки несколько отходит от характеристик искомого постмодернизма, который действительно практически не давал субъекту никакого права на существование. Ее взгляды более похожи на классические социально-психологические теории, утверждающие развивающий потенциал социализации для субъекта, который не может развиваться вне сообщества, и он идентифицирует себя с последним по принципу «Мы». Вся постструктуралистская мысль доказывает невозможность независимого индивидуального сознания, вместо которого субъект бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами, детерминирующими его мышление [20: 250]. И когда субъект осознает свою зависимость, он встает на путь относительной автономности, то есть осознание отсутствия свободы ведет к ее потенциальному появлению. И так происходит постоянная борьба с самой собой, посредством которой субъект, рефлексировав, преодолевает самого себя. По нашему мнению, одного только этого осознания не достаточно. Автономность субъекта достигается выработкой собственного мировоззрения и жизненной позиции, которая позволит ему сказать «Я сам».

Раскрывая постмодернистскую теорию субъектной зависимости, целесообразно обратиться к взглядам Мишеля Фуко, – французского мыслителя, вклад которого в анализ интересующей нас темы огромен. Фуко рассматривал субъекта преимущественно в контексте сексуальности, власти и знания. Воля к знанию, по Фуко, порабощает субъекта, лишает его свободы. Это связано с тем, что воля к знанию, являясь завуалированной формой воли к власти, неспособна постичь абсолютную истину. Любое знание основано на несправедливости, согласно которой ни у кого из познающих субъектов нет права на обоснование универсальной истины, а инстинкт к знанию зачастую может быть губительным для человеческого счастья [20: 70]. Здесь, судя по всему, речь идет именно о познающем субъекте.

Специфика понимания власти у Фуко заключена во власти «научных дискурсов» над сознанием человека. Научное знание, истинность которого сомнительна, навязывается сознанию человека как «неоспоримый авторитет», заставляющий мыслить заранее готовыми понятиями и шаблонами. Субъект формируется благодаря власти как полностью подчиненное ей образование. Власть, по Фуко, одновременно видимая и невидимая, скрытая и присутствующая.

В ранний период своего творчества Фуко представлял индивидуального субъекта просто как пересечение дискурсов, как пустую сущность. Под дискурсом

понимается «совокупность речевых практик, отражающих специфику сознания, обусловленного преобладающим типом рациональности» [39: 223]: дискурс обусловлен социокультурной спецификой речи, характерной для определенной эпохи. В более поздний период Фуко утверждал конституированность субъекта властными отношениями, а не просто лингвистической детерминированностью, о значении которой он говорил ранее. Власть создает субъектов с целью управления ими. В любом случае субъект – всегда «сделанный», а не суверенный.

Основная задача Фуко – это исторический анализ модусов, благодаря которым человек становится субъектом. Философ выделяет три вида таких модусов [40: 270]: 1) модус, придающий себе статус наук (объективация субъекта говорящего в филологии и лингвистике; объективация субъекта производящего); 2) модус «разделяющих практик» (разделенности субъекта внутри себя или отделенность его от других, что объективизирует его, и примерами этого разделения/отделения могут послужить нормальные и безумные, здоровые и больные, законопослушные и преступники); 3) модус самопревращения человека в субъект (эта самотрансформация происходит в контексте сексуальности, где актуален вопрос «каким образом человек приходит к признанию себя субъектом сексуальности?»). Здесь мы можем обозначить параллель с современной массовой культурой, через некоторые формы которой (биографии, мемуары, интервью) субъект признается в интимных подробностях своей жизни.

Одна из центральных категорий для Фуко, выступающая орудием власти, является признание (или исповедь). Признание необходимо власти для того, чтобы человек (преступник, подозреваемый или вообще любой гражданин) как субъект признания чувствовал за собой вину (реальную или квазиреальную) и тем самым склонял голову перед властью, отдавая себя в ее руки. Постоянные нарушения порядка необходимы власти, так как тогда последняя доказывает свою значимость путем конституирования субъекта порядка. Признанием называется речевое действие, способное менять делающего заявление человека, а также отношение к нему со стороны власти и общества [30: 59]. Складывается впечатление, что по Фуко настоящим субъектом является тот, кто противостоит власти (или тот, кому власть противопоставляет себя). Но возникает вопрос: какой именно власти? Появление этого вопроса вызвано тем, что Фуко наделял властью не какую-нибудь одну (господствующую) инстанцию, а абсолютно все элементы общественного устройства, которое, в свою очередь, представляет собой поле борьбы разнообразных властей. И у каждой из них своя идеология, свой вектор направленности. Поэтому все-таки мы не можем сказать, что субъект – это тот, кто противопоставляет себя власти, так как власти – в понимании этого термина М. Фуко – никто себя противопоставлять не может; власть исходит отовсюду и находится везде. Фуко рассматривает субъекта не как изначальную данность; «Его [субъекта] действия в мире и те смыслы, которые он вносит в этот мир, обусловлены системой социальных детерминаций» [33: 5 – 20]. То есть, субъект не существует в виде ничем обусловленного явления, а создается социальными нормами, науками, властью и т.д., культурой в целом. Это представление о субъекте близко выделенной нами предикативной форме понимания субъекта [22: 145–147; 32].

В своих работах [41: 139; 43] Фуко пишет о христианской исповеди, которую называет одним из механизмов власти, с помощью которого узнавались не только

«греховные» деяния человека, но и его помыслы. Рядом с категорией исповеди философ ставит и сеансы психоанализа, которые преследовали те же самые цели.

Г.Почепцов вообще институт исповеди называет первым вариантом психоанализа [32]. Дискурс о «греховных помыслах», по мнению Фуко, сформировал представление о сексуальности и послужил развитию интроспекции как способности субъекта наблюдать содержание своего сознания. Появление самоконтроля и самосознания, в свою очередь, повлекло за собой развитие субъектности и «Я-концепции» человека. Таким образом, исповедь как средство власти породило субъектность, в чем заключается позитивный аспект власти.

«Для Фуко с течением времени стало все более очевидным, что чрезмерный акцент на сверхдетерминированности человека и его сознания фактически снимает и сам вопрос о человеке» [20: 76]. Естественно, если исследователь, изучая какой-либо научный факт, приходит к мнению о его отсутствии, сама проблема его изучения закономерным образом исчезает. Мишеля Фуко как и многих других представителей постструктурализма и постмодернизма, изучающих понятие субъекта, интересовал вопрос о безумии, о инаковости. Именно через разрешение этого вопроса они подошли к постулированию содержания категории субъекта.

По Фуко, грань между нормальным и сумасшедшим исторически подвижна, и иногда в безумии можно увидеть истину, неподвластную разуму. В некоторых работах [42: 321]. Фуко отлично демонстрирует нам динамику взглядов на безумие, изменение общественных представлений о безумце и преступнике, трансформацию отношений общественности к деклассированным элементам, проходящую под влиянием хода истории; благодаря этой динамике наблюдается подвижность рамок, заключающих внутри себя норму, а также подвижность границы, разделяющей нормальное и безумное. Причины возникновения патологии психического, по мнению Фуко, кроются в исторически сложившемся отношении к человеку безумия и человеку истины, и на каждом историческом этапе это отношение свое, отличное от предыдущего. Фуко несколько романтизирует безумие, связывая его со свободой субъекта. Для него свобода – это отсутствие рациональности и сознательности, это нечто непознаваемое, то есть само безумие, которое он именует «предельной, чистой субъективностью», однако, не позволяющей человеку приобщиться к миру [42]. Как мы понимаем, Фуко придает аморальное и асоциальное значение проявлению полной субъектности, из чего следует предположение: чем более социализирован человек, тем менее способен он к истинно субъектному проявлению, тем менее он безумен, а безумие выражает истину человека. Субъект предстает в понимании Фуко также в виде автора, в отношении которого философ выступил с решительной критикой в статье «Что такое автор». Фуко разделяет понятия «имя собственное» и «автор» на следующих примерах: частное письмо имеет подписавшего (имя собственное), но у него нет автора, равно как у контракта есть поручитель, но также нет автора [44: 21]. То есть, одни дискурсы наделены функцией «автор», а другие – нет. С помощью этой функции появляется возможность классифицировать тексты (их группировка и разграничение, определение их гомогенности и преемственности), их присваивать (переводить в форму собственности). Также автор как таковой выступает в роли некоторого авторитета, индикатора обоснованности какой-либо написанной теории, или просто он обеспечивает наделение теории именем. Как писал Ж. Деррида, одно только письмо, именуя автора, может наделить его существованием [15: 320].

Фуко вводит понятие «основатель дискурсивности», которое выражает некую абсолютизацию автора, его причастность не только к написанию своих собственных творений, но ко всей дискурсивности в целом. Под дискурсивностью понимается «возможность и правило образования других текстов» [44:30]. Автор ничем не примечательного романа, текста, в котором нет принципиальных различий от других текстов, едва ли является автором даже только этого произведения, а основатель дискурсивности – автор самого стиля, в котором написано его собственное произведение и множество произведений, созданных позднее кем-то другим. К таким личностям Фуко относит Фрейда и Маркса, которые «открыли пространство для чего-то, отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали», которые создали принципиально новые возможности интерпретации [43]. Основатели дискурсивности – это сверхсубъекты, это производители революции в какой-то сфере (в искусстве, науке, философии). Они создали возможность формулировки своих законов и правил, но и создали возможность теорий, отличных от тех, которые они установили (Фрейд, например, не просто создал психоанализ, но и дал толчок другим направлениям психотерапии, основанным на его подходе, но во многом противоречащим первоначальному (фрейдовским) психоаналитическим положениям) [9:105–129; 29:130–141]. Из всего сказанного следует вывод о том, что функцию автора нужно рассматривать не только на уровне книги или нескольких книг, обозначенных одной фамилией, но и на более масштабном уровне больших групп разных текстов или целых дисциплин, существование которых обусловлено широким полем интерпретаций текста отца-основателя, на которое все они ориентируются и опираются. Поэтому все, что сказано фрейдистами после смерти самого Фрейда, можно отчасти заверять его собственной подписью. И не может быть одного-единственного правильного комментария текста основателя дискурсивности, так как его дискурс в прочтении последователей можно представить в виде волн, расходящихся в разные стороны от брошенного в воду камня. И каждый последователь или каждая школа последователей, «ловят», «подхватывают» какую-то одну волну, но не объемлют их все. Из-за этого и возникают вечные споры между постмарксистами или между постфрейдистами, когда они обвиняют друг друга в некомпетентности и в неправильном толковании ортодоксального учения.

Пожалуй, понимание субъекта (автора) в трудах французского мыслителя можно несколько метафорически охарактеризовать словами Беккета, позаимствованными Фуко и использованными им в «Что такое автор»: «Какая разница, кто говорит, – сказал кто-то, – какая разница, кто говорит».

И теперь, когда мы добавили к первоначальной оппозиции [3:155] еще один дискурс, обозначающий современные философские концепции субъектности, эти оппозиции приняли характер уже не бинаризма (то есть собственно оппозиций в прямом смысле слова), а тринитарности. Итак, мы прослеживаем резкие отличия между интересующими нас точками зрения, между разными взглядами – современным философско-постмодернистским и традиционным, – устремленным на одну категорию, которую они видят совершенно по-разному. Эта категория – субъект, с присущими ей особенностями: творчество, мышление, сознание, самодетерминация, мировоззренческая целостность. И данные особенности, принадлежащие субъектам двух различных дискурсов (модерн и постмодерн), вступают в борьбу (автономность и детерминация, сознание и неосознанность и

т.п.). Таким же образом не могут найти компромисса исследователи, одни из которых утверждают целостность субъекта, а другие – его расщепленность. Иными словами, перед нами предстают два субъекта, кардинальным образом отличающихся друг от друга – модернистский и постмодернистский. Однако оба субъекта представляются нам всего лишь в форме предельно теоретизированных категорий, не находящим места в наличном бытии. Они существуют в идеальном мире в виде умозрительных построений, и их существование можно сравнить с существованием, скажем, идеального круга, наличие которого допускается в геометрической теории, но в реальном положении вещей его нет. Предельная круглость, четкая параллельность прямых линий, идеальная субъектность допустимы только внутри нашего разума, но не более того. Характеристики модернистского субъекта (целостность, самодетерминированность, осознанность) не могут быть выделены в реальном мире, а значит, и сам этот субъект не имеет онтологической данности. Наличию целостности противоречит факт того, что человек в процессе своей жизни меняет свои взгляды на бытие, трансформирует свое мировоззрение, меняет свою идеологическую позицию; если бы человек действительно являлся целостным, он был бы носителем одной мировоззренческой позиции, которая была бы неподвластна изменениям. Или, возможно, она вообще бы не родилась, так как ребенок на ранних стадиях социализации должен демонстрировать свою расщепленность, чтобы подобно губке впитывать социализирующие воздействия, на основе которых он позже сформирует свое мировоззрение. А если он не интериоризировал смысл данных воздействий, то не смог определиться в своей субъектной позиции. Самодетерминированность же, как и автономность, предполагает независимость, но вряд ли можно встретить человека, независимого от общественных норм и правил, законодательства, наконец – от других людей и их мнений о нем. Также ни один человек быть не может в полной мере себя детерминировать, поскольку в какой-то степени все мы зависим от «случая», от начальства на работе, от прихотей и запросов близких нам людей. А что касается осознанности, то еще Фрейд четко продемонстрировал огромную роль бессознательного; мы не можем полностью осознавать нашу жизнь и каждый поступок вплоть до самых мелочей, и какая-то часть (довольно большая) нашей жизнедеятельности подвержена бессознательному контролю.

Таким образом, мы приходим к обоснованию невозможности полного существования модернистского субъекта внутри реального мира. И в то же время постмодерновский субъект, выступающий как антипроявление модернистского, не обладает абсолютными правами на существование в наличном бытии. Нет в человеческом мире существ, абсолютно зависимых от чего-то внешнего, равно как имеется полной зависимости и от внутреннего – бессознательных интенций. Да и расщепленность как оппозиция целостности доведена постмодернистами до предела: полностью расщепленный человек – это шизофреник, да и то не всегда.

По поводу постмодернистского понимания субъекта уместно пошутить следующим образом. Фуко, Барт и др. провозглашают «смерть субъекта», но сами при этом остаются субъективными инстанциями, из которых исходит это провозглашение. То есть, они считают себя вольными создавать философские идеи, убеждать в них кого-то на научных конференциях, переносить их на бумагу и даже получать гонорары за выпущенные книги. Получается, я как субъект убеждаю вас в том, что субъекта нет. Выделенные характеристики модернистского субъекта – суть

антипроявления характеристик постмодернистского субъекта. А значит, перед нами раскрываются дефиниции, представленные в виде полярных понятий.

Модернистский субъект: целостность; самодетерминированность (интернализм); осознанность (Я). **Постмодернистский субъект:** расщепленность; тотальная предзаданность (экстернализм); бессознательность (Оно).

И поскольку эти связки можно разбить на две части – левую и правую, – пусть левой будет принадлежать модернистский субъект, а правой – постмодернистский. И обе части, обе половины, представляются нам как крайности, смысл каждой из которых доведен до предела, гипертрофирован. Модернистский субъект (абсолютизированный) – Постмодернистский субъект (релятивизированный).

Для того, чтобы конституировать субъекта, принадлежащего наличному бытию – подлинного субъекта, – необходимо занять срединную позицию между этими крайностями, где характеристики субъектности будут не абсолютизироваться, с одной стороны, или, наоборот, элиминироваться, с другой, а восприниматься наличествующими до разумного предела. Эта попытка напоминает после постмодернизма тенденцию «воскрешения субъекта». То есть, субъект будет теперь локализован где-то посередине между двумя абсолютистскими иллюзиями самого себя. Конечно, нам не удастся полностью снять борьбу между целостностью и фрагментарностью, самодетерминированностью и тотальной предзаданностью, осознанностью и бессознательностью, но, наоборот, мы обозначили реальность этой борьбы, этого противостояния внутри настоящей субъектности, в то время как ни модернистский субъект, ни его постмодернистский оппонент практически не признавали этой борьбы. Концепция «смерти субъекта» декларирует исчезновение именно модернистского понимания субъекта, абсолютизированного в предшествующей философской традиции как минимум трех столетий. Но она ограничивается только его элиминацией, не утруждая себя заполнением опустевшего места. Мы в настоящем исследовании не останавливаемся на постулате субъектного умирания, возрождение субъекта тоже не входит в наши планы.

Эпоха модерна и постмодерна, равно как и предшествующие им периоды, по-своему организовывали пространство субъектности, создавая определенных «исторических» субъектов. Субъект модерна долгое время считался единственным из возможных. Именно он вошел в частно-научные парадигмы, но нужен был бунт постмодерна, чтобы сделать видимыми иные исторические типы, а также саму шкалу субъектности. Ни одна из этих культур – модерн или постмодерн – не может удовлетворить антропологическим требованиям, вытекающим из модели человека. Поэтому поиск промежуточной модели, адекватной сущности субъекта – задача, которую необходимо осознать и создать средствами иной культуры, чем модерн или постмодерн. Дальнейшие исследования должны базироваться на использовании не модернистского или постмодернистского субъекта, а установленного оптимального сочетания субъектных качеств. С этого самого момента мы обращаемся к термину «субъектность», которую следует представлять в виде некоей градации, шкалы, простирающейся от модернистской точки зрения до постмодернистской и вбирающей в себя различные культурные зоны субъекта. Именно тот зазор, который находится между ними, является выражением существующей субъектности, где фокус ее восприятия определен оптимальным образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – СПб., 2001. – 272 с.
2. Анти-Эдип Ф. Капитализм и шизофрения / Ф.Анти-Эдип. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 185–186.
3. Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: Дис. ... канд. психол. наук / Н.В.Богданович. – М., 2004. – 170 с.
4. Брегадзе А. Проблема сущности личности. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / А.Брегадзе // Сборник философских статей. – Вып. I. – СПб.: Изд-во «Петрополис», 2001. – С. 23.
5. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел / А.В.Бузгалин // Вопросы философии. – № 2. – 2004. – С. 3–15.
6. Воробьева Л. Феномен авторства в научной психологии / Л.И.Воробьева // Вопросы психологии, 1991. – № 5. – С. 131–135.
7. Воробьева Л. Субъект и / или автор // Вопросы психологии. – 2004. № 2. – С. 155.
8. Воронова Е.М. Понимание принципов телесности Р.Бартом и А.Лосевым / Е.М. Воронова // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве. Материалы науч. конф. 10 октября 2001 г. Серия «Симпозиум». – Вып. 16. – СПб., 2001. – С. 19.
9. Грюнбаум А. Критика психоанализа / А.Грюнбаум // Вопросы философии 2007. – № 3. – С. 105–129.
10. Гусельцева М. Культурно-историческая психология и вызовы постмодернизма / М. Гусельцева // Вопросы психологии. – 2002. – № 3. – С. 130.
11. Данько С.В. Парадоксальность субъективной парадигмы в теории познания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / С.В.Данько. – М., 2003. – 20 с.
12. Декомб В. Тожественное и иное / В.Декомб // Современная французская философия. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2000. – 344 с.
13. Делез Ж. Логика смысла / Ж.Делез // М.Фуко. *Theatrum philisopicum*. – М.: «Раритет»; Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 13–437.
14. Денисов С. Библейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды: учеб. пособие [Текст] / С.Ф. Денисов. – Омск, 2004. – 216 с.
15. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж.Деррида. – М., 2000. – 432 с.
16. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. Учеб. пос. – СПб., 2007. – 312 с.
17. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема / В.Знаков // Психологический журнал. – 2005. Т. 26. – № 1. – С. 18–28.
18. Зубарева А.В. Специфика художественного творчества в культуре постмодернизма: игровой принцип: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. / А.В.Зубарева. – Ростов-на-Дону, 2007. – 20 с.
19. Ильин А.Н. Антропология субъекта / А.Н.Ильин // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin/>
20. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
21. Ильин И.П. Постмодернизм – от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 258 с.
22. Ильин А.Н., Барханов П.В. Формы понимания категории «субъект» в гуманитарных исслед-ях / А.Н.Ильин, П.В.Барханов // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность»: сб. науч. тр. Вып. 11. – Омск, 2008. – С. 145–147.

23. Ильин А.Н. Антропология субъекта // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – Философия. Политология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin/>
24. Колесников А.С. Проблема субъективности в постструктурализме/ Колесников // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2000. – С. 79–106.
25. Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб. : Санкт-Петербургское Философское общество, 2000. – С. 10–25.
26. Корнеева М.П. Бытие в «понятиях» / М.П.Корнеева // Гуманитарные исследования: Ежегодник. – Вып. 12. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – С. 50–53.
27. Кутырев В.А. Крик о небытии // Вопросы философии, 2007. – № 2. – С. 66–79.
28. Лакан Ж. Телевидение / Ж. Лакан. – М.: «Гнозис»; 2000. – 160 с.
29. Лейбин В.М. Психоаналитическая эвристика и терапия: проблемы и противоречия / В.М. Лейбин // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 130–141.
30. Марков Б.В. Исповедь и признание / Б.В. Марков // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков.–СПб., 1997.–С. 59.
31. Можейко М.А. Эффект-субъект / М.А.Можейко, 2001. – С. 1001.
32. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением / Г.Г.Почепцов. – М.: Центр, 2004. – 336 с.
33. Сокулер З. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени / З. Сокулер // Фуко. История безумия в классическую эпоху. –СПб., 1997.–С. 5–20.
34. Ставцев С.Н. Язык и позиция субъекта: Лакановская структурно-семиотическая концепция субъективности / С.Н.Ставцев // Формы субъективности в философской культуре XX века. – СПб., 2000. – С. 62–78.
35. Тхостов А.Ш. Топология субъекта / А.Ш. Тхостов // Вестник Московского Унив.-та. – Сер. 14. Психология. –1994. – № 2. – С. 3–13.
36. Уваров М.С. «Смерть смерти»: постмодернистический проект / М.С. Уваров // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. Материалы междунар. конференции. – СПб., 1997. – С. 21–27.
37. Уилбер К. Краткая история всего / К.М.Уилберю – М.: АСТ, 2006. – С. 105.
38. Улановский А.М. Новые рубежи феноменологии: за пределами постмодернизма в эмпирических исследованиях // Вопросы психологии. 2007. – № 5.–С. 180–182.
39. Усовская Э.А. Постмодернизм /Э.А.Усовская. – Минск, 2006. – 230 с.
40. Фуко М. Использование удовольствий // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М.Фуко. – М.: Касталь, 1996. – С. 269–307.
41. Фуко М. Пылающий разум // М.Фуко. – М.2006. – С. 137–382.
42. Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ М.Фуко. – СПб., 1997. – 576 с.
43. Фуко М. Надзирать и наказывать / М.Фуко. – М., 1999. – 480 с.
44. Фуко М. Что такое автор // М.Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., Касталь, 1996. – С. 30.
45. Штекль К. Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна / К.Штекль// Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 34–46.

*Рекомендовано до друку науковим керівником
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською
Стаття надійшла до редакції 17.06.2016*

L. Bogataya

DSc in Philosophy, Professor of Cultural Studies Department,

Faculty of Philosophy,

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38063-724-12-61; email: libogataya@mail.ru

This paper investigates humanitarian complexity as a new humanitarian construct. The need for the development of ideas about humanitarian complexity is associated, first of all, with existing in contemporary culture a "catastrophic imbalance" between natural and human sciences. Various characteristics of humanitarian complexity have been fixed in the article. Prospects for the research of humanitarian complexity are also marked.

Key words: complexity, humanitarian complexity, internal forms, discourse analysis, multidimension of the word.

Данная статья исследует гуманитарную сложность как новую гуманитарную конструкцию. Потребность в развитии представлений о гуманитарной сложности связана, прежде всего, с существующим в современной культуре «катастрофическим дисбалансом» между естественными и гуманитарными науками. В статье изложены различные характеристики гуманитарной сложности. Отмечены перспективы исследований в области гуманитарной сложности.

Ключевые слова: сложность, гуманитарная сложность, внутренние формы, анализ дискурса, многомерность слова.

Ця стаття досліджує гуманітарну складність як нову гуманітарну конструкцію. Потреба в розвитку уявлень про гуманітарну складність, пов'язана з існуючим в сучасній культурі «катастрофічним дисбалансом» між природними і гуманітарними науками. Розглянуто різні характеристики гуманітарної складності. Відзначені перспективи досліджень в області гуманітарної складності.

Ключові слова: складність, гуманітарна складність, внутрішні форми, аналіз дискурсу, багатомірність слова.

“Catastrophic imbalance” problem. Any research begins with the discovery of the problem, within the essence of which it has arisen. The problem, in connection with which there has appeared a need to introduce humanitarian complexity ideas can be called the problem of “imbalance angle analysis” or the problem of “catastrophic imbalance”.

We can start the clarification of this issue with the trivial example. No man will, probably, say that the left hemisphere of the brain is more important than the right. It goes without saying that the normal functioning of the organism can be carried out only under condition that both hemispheres are developed harmoniously. At the same time, the question of what which sciences primarily contribute to humanity development doesn't seem strange already. Many people believe that real changes in the world today are stimulated, first of all, by the successful development of natural sciences and mathematics. Achievements in this area quickly find practical application, transform into new

technologies. As for the interesting results, obtained in the sphere of human sciences, they are being perceived more as interesting but useless toys. Such attitude in many aspects provokes humanitarian crisis of knowledge which is expressed, first of all, in decreasing interest of young people to human sciences, which is determined, in many ways, by Labour Market dictatorship. Humanitarian and IT products seem incomparable in their usefulness. No one wants to pay money for the product the use of which is highly questionable. The labor itself seems inadvisable if you cannot change the product of your labor for money. It is clear that the situation in the market is determined by the values that exist in a particular society. However, these trends without exaggeration lead to disaster.

The aim of the following text is to consider the genealogy of the construct under discussion, and accepting the humanitarian approach on complexity construct as well as determine the results it can lead to.

Complexity as a result of the simultaneous coexistence of different orders. The key to understanding the complexity can propose an idea of the order. The simplicity is related to the *obvious order, the only order*. A complication arises from the addition of the new orders, mutual inconsistency, competition of which causes a feeling of cacophony, confusion, and, finally, the complexity. It seems important that at the initial stages of reflections, you should not rush to replace the word *order* into the well-studied in natural sciences term, *the order parameter*. In the process of understanding the humanitarian complexity one can expect the emergence of new constructs, enabling to define the subject of analysis more accurately. As one of such constructs, there may be considered *internal form*. Internal form is actually the beginning for any external changes. The internal form is deeply individual; and for its rendering all external forms seem rude and inaccurate. The internal form is the basis for the creation of words (naming). A. Belyi (Russian poet, philosopher) characterizes the *internal form* by such words as “fluidity”, “changing”, “non-repeatability in different individuals” [3:133].

Processes of externalization of internal forms are painful. Existing words, phrases, structures do not seem relevant to the «internal another», that seeks to be outburst outside but cannot do so due to the lack of words (external form). Internal forms are activated, for example, as a result of *linguaesthetic practices* [3], in which the verbal exploration of certain pieces of art takes place. The language itself is being deformed in the course of such exploration, giving to a person new, unusual linguistic structure, which can be used for demonstration of internal forms. Many of these constructions can be, for example, the linguohybrids, complex terminological linkings, which do not exist in the language, and they are unique innovative forms. These structures appear under the influence of internal forms and contribute to the emergence of semantic shifts. The manifestation, the adoption of internal forms stimulates an increase in complexity. Such manifestations are part of the practices of “self creation”, allowing creating “personal creative codes”. The internal forms are the basic ways of new *microorders*’ appearance.

Humanitarian complexity. Very preliminary reflections about the humanitarian complexity allow us to formulate the following statements. *Humanitarian complexity* arises from the natural mixing of philosophy, linguistics, aesthetics, semiotics, cultural studies and other humanitarian angle analysis. These angles in its integrity form a complex humanitarian discourse. *Humanitarian complexity* is the environment, where the spontaneous breakings of external law are realized. These disorders can be detected, for example, as a result of various kinds of simultaneity which can be detected in the process of observing the *polylingual, polycodes* landscapes (in scientific discourse in these

situations say about the experiences of transdisciplinarity). In most of the cases all the noted notions are marked as absurd, useless, and obscure but the new order fascinates, attracts, and requires the search for new meanings. *Humanitarian complexity* is the real practice of *words multidimension* detection. In connection with that, the words of Russian poet Velimir Khlebnikov: “word is the embroidery frame, word is the flax, word is the tissue”, seem to be very accurate. Every word has a number of countenances or hypostases, really. Each word can exist in various hypostases, which create the corresponding dimension. This fact is important to consider in situations of humanitarian complexity [1]. *The humanitarian complexity* is a real practice of *polychronism*. This practice makes it possible to simultaneously stay in different time spaces by means of creation the so-called chronohybrids that appear as a result of using different cultural inclusions (this line of research is developed in the works of M. Bakhtin, J. Derrida). *Humanitarian complexity* can not be exhausted by the word *human-measured* (V. Stepin coined this term). This complexity is detected when a person is going through his *planet's inclusion*, spacemeasurement or geospacemeasurement [2].

Many of V.Kandinsky's paintings seem to be illustrations of searching the new ways of perceiving things that are revealed to the person, acquiring unusual measure abilities, co-adjusting *macro* and *micro space* elements. Humanitarian complexity is a communion to beauty. This communion gives strength to live through new opportunities that are discovered. This communion overcomes the information complexity.

Genealogy of humanitarian complexity. We consider the humanitarian complexity to be a new research direction. It's obvious that this trend did not emerge spontaneously. We can define few research traditions which form ideas about humanitarian complexity.

The literary tradition. You can start right away with the fact that some of F.Dostoevsky's heroes are “*normal difficult people*”. Probably, all the uniqueness of the Russian writer lies in the fact that even at the beginning of the XXth century he found the “*catastrophic cultural imbalance*”. As a result of this imbalance, for example, duke Myshkin seemed to be a sick, abnormal person compared with his “healthy” (actually, sick society) environment. The disease and norm changed places. This is not surprising at times when all manifestations of metaphysics were consistently suppressed by various modifications of positivism. Natural sciences and technologies have occupied the leading place in human culture. And then, just in accordance to Freud. The person, who had been deprived of possibility to practice his own complexity, begins to explore the external complexity, creates a “science of the complexity”. The development of ideas about the humanitarian complexity is impossible without parallel thinking about definition of simplicity. In connection with that, L.Tolstoy's idea of “simplification” deserves special attention. This is especially important in the modern strong social imbalance that exists on the planet. We can continue to list examples of literary studies of *humanitarian complexity*.

The tradition of discourse analysis. We consider the humanitarian complexity to be a special type of complexity generated by a person. This complexity is found in the multilanguage products of human activity. The main thing about humanitarian complexity lies in the fact that it is fundamentally polilingual. This complexity is generated during the continuous code conversions that are associated with transitions from one linguistic or semantic environment to another. Humanitarian complexity manifests itself primarily in discourses, the specific results of various communicative practices. Discourses are open nonlinear unstable environments that are created by collective, continuously communicating entity. The modern tradition of discourse analysis is an extensive research

environment. This environment includes linguistics, psychology, sociology, political science, and many other disciplines. The techniques of discourse analysis have entered into the sphere of modern humanities very quickly. This indicates that the humanitarian complexity is an actively explored humanitarian construct.

The philosophical tradition of the complexity research. The discourse studies are given special attention in the philosophy of Michel Foucault. Foucault was able to identify and explicate the fundamental elementary tools which can be used to study the humanitarian complexity. Foucault's key concepts are knowledge, power, discourse, discursive practice, discursive formation, archive, episteme, dispositif, experience, event, series, and problematization. These concepts absolutely unexpectedly mix tradition and avant-garde. This is an example of updating fundamentally new orders. Michel Foucault's philosophy is deeply connected with G.Deleuze's philosophical intuitions and his original philosophy of complexity. This philosophy has not been investigated fully yet. It's obvious that we can't restrict philosophical tradition of complexity study by these two names.

The tradition of *linguaesthetics*. The word *linguaesthetics* unlike all the above said raises certain questions. This term was quite recently put into cultural use by the young authors O.Koval and V.Feschenko. *Linguaesthetics* is defined by its authors as a kind of metastructure on linguistics and aesthetics. The approach, proposed by the authors, contains a lot of productive terminological constructs, such as *quasilanguage constructs*, *metalinguistic creativity*, and *referential conflict*. The authors pay much attention to *metalanguage* as a part of the developing approach. We can consider numerous *metaforms* attempts (*metapoetika*, *metalanguage metasemiotika*), that refocus researchers' views to some artificial Metaplans. We need to further investigate the effectiveness and appropriateness of such refocusing. The thought seems to be the same: the aesthetic context, whether it is "*linguoestetika*" or "*aesthetics of existence*", is compulsory to think about the internal forms, new orders which are so important for the understanding of the humanitarian complexity. The list of recorded above traditions influencing the development of humanitarian complexity is not exhaustive, and that's understandable.

What the humanitarian complexity study could lead? First of all, the ability to overcome the natural science distortion appears. Angle of vision of the natural sciences is productively supplemented by humanitarian angle. Secondly, the program of large-scale development of humanitarian methodologies is being developed. This should encourage the emergence of so highly-demanded "high humanitarian technologies". These technologies are designed to balance the dangerous technocratic lurch. Third, the conditions for the real, full functionality synthesis of the sciences and humanities are formed. This is accomplished by eliminating discriminatory imbalance. Fourth, we can't overcome the growing complexity of the world (social inequality, economic inequality of development of various countries in the world) using only the methods of natural science, which set a very one-sided view on the person and the world around him. Fifth, the development of ideas about humanitarian complexity implies, first of all, the formation of a special set of terms, and its comprehensive clarification. Something like this, for example, was made by E.Laslo in his excellent book "The Age of the bifurcation. Understanding the Changing World". In the book the author tries to comprehend the key terms of the dynamics within complex systems in the best traditions of popularizing science has been made in this work. These specially "conceived" terms to stimulate the subsequent interdisciplinary terminology drifts which provide the real interdisciplinary

synthesis. All the above-mentioned has the character of a manifest but namely manifests are extremely important in situations of fundamental cultural changes.

We would like to finalize the submitted text by the peculiar *futuroformula*: the new century is intended to be a time of flourishing of human knowledge and its effective synthesis with the natural sciences knowledge. It can become the basis for mankind's transition to a qualitatively new state.

REFERENCES

1. Богатая Л.Н. На пути к многомерному мышлению: Монография / Л.Н. Богатая. – О.: Печатный дом, 2010. – 372 с.
2. Богатая Л.Н. Философия мысли / Л.Н. Богатая. – Одесса, 2013. – С. 163–165.
3. Фещенко В.В., Коваль О.В. Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.

Стаття надійшла до редакції 15.04.2016

UDC 791.43:[1+2]

THE PHILOSOPHY AND RELIGION OF “THE MATRIX”

K. Fyodorova

a 2nd year student, Faculty of Philosophy,

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38063–228–66–61; email: seniya90@rambler.ru

“The Matrix” conveys the horror of a false world made of nothing but perceptions. Based on the premise that reality is a dream controlled by malevolent forces, it is one of the most overtly philosophical movies ever to come out of Hollywood. And this article is an attempt of the analysis of the movie “The Matrix” from the philosophical and religious points of view.

Key words: matrix, allegory of the cave, skepticism, existentialism, Christianity.

Матрица передает ужас ложного мира, сотворённого только из наших ощущений. Основанный на предпосылке, что действительность – мечта, которой управляют злорадные силы, этот фильм является одним из наиболее открыто философских кинокартин когда-либо, вышедших из Голливуда. И потому, данная статья представляет собой попытку анализа «Матрицы» с философской и христианской точек зрения.

Ключевые слова: матрица, аллегория пещеры, скептицизм, экзистенциализм, христианство.

Матрица передає жах помилкового світу, створеного тільки з наших відчуттів. Заснований на передумові, що дійсність – мрія, якою управляють зловтішні сили, цей фільм є одним з найбільш відкрито філософських кінокартин, що коли-небудь вийшли з Голлівуду. І тому, дана стаття є спробою аналізу «Матриці» з філософської та християнської точок зору.

Ключові слова: матриця, алегорія печери, скептицизм, екзистенціалізм, християнство.

Which tablet would you choose, red or blue? What is more important, blissful ignorance or knowledge of the truth whatever it is? Having watched “Matrix”, we are under impression of action and special effects, and our heads are filled with questions. Whether is it possible that we are captives of the Matrix? Is it a Christian movie? It is worth noting that this theme has been poorly investigated, and it doesn’t represent an interest for philosophers. However, a small group of writers and philosophers who weren’t indifferent to this problem have created the book “Matrix” as philosophy” in which have covered all the thoughts, and theories about this subject and in my article I will refer to this work more than once. Moreover, in my work I have mentioned the philosophical doctrines of Plato, Descartes, Sartre and many others who thought over such questions as “What Can I Know?”, “What Is Real?”, “What Is Freedom and whether Are We Free?”.

What is the matrix? The first meaning which gives us the dictionary is “uterus part of reproductive system of animals [1: 136]”. In technological sense it is a template for casting of letters, the press of gramophone records etc. In the movie both definitions are merged, forming frightening mix: human beings are grown up with the use of high technologies in underground cocoons with the metal umbilical cord directly connected through cervical department of a backbone to a brain. These cable programs are a framework in which the person will perceive the world. The allusion to Plato’s is obvious, so it is necessary to remember his well-known allegory of a cave presented in the seventh book of the “State”.

The prisoners in the cave are chained by the neck, hands, and legs. They have led such life since birth and so, have got no conception of any other way of life. Shadows appear on the wall in front of them, as their jailers pass animal figures before the light of a fire in the manner of a puppet show. The prisoners watch shadows on a wall, shadows not of real animals but of carved figures. These prisoners don’t know that they are prisoners and don’t suspect there is any reality except the one they experience [5]. One day, however, one of the prisoners is set free of his chains and is dragged to the outside world. Rather than selfishly remaining in the outside world, the prisoner returns to tell the others who reward his kindness with mockery and resistance, believing he has gone insane. Indeed, this story parallels the story of Neo who is freed from the Matrix one day.

Like Plato’s prisoner, Neo finds himself in chains or, more precisely, black cable wires that stimulate the illusive shadow show of the Matrix. Neo doesn’t want to accept that what he now sees is real, that previously he had been living in a dream world. “*Most of these people are not ready to be unplugged*”, Morpheus assures him.

Comprehension of truth is a transformation of soul which at the same time is self-knowledge, that is, understanding of existence of the soul having a certain nature, and knowledge of reality. This way is followed by sufferings but allows us to come to happiness. Not surprisingly, as “The Matrix”, and Plato’s allegory shows this assumption to glance in a mirror [5]. The image of a matrix created by Plato brings up the mass of questions, including the main: “*What is real and how can we define it?*” This question is set in “The Matrix”. And now I want to analyze the movie from the point of view of skepticism, and, mainly, René Descartes’.

In philosophy, the hypothesis that the world we see, hear, and feel might be an illusion advanced by defenders of the position known as skepticism [7: 201]. Skeptics argue that we cannot know with certainty that the external world exists. Hence, they

maintain that it's possible to doubt our knowledge of the external world, much as the main characters in "The Matrix" come to doubt the everyday world they seem to live in.

The hypotheses of skepticism are especially popular with two groups of people. The first are young people whose teenage revolt against the simple truth imposed by parents sometimes takes the metaphysical form, pushing them on statements like "Nothing is what it seems!" or "Only I know what reality actually is!" The second and more important group is philosophers. It includes those who like Descartes, and consider scenarios, similar to "The Matrix" to be the useful tool for research of fundamental problems of knowledge and reality [4: 96]. In his classic *Meditations on First Philosophy*, Descartes presents an influential skeptical argument designed not to prove that skepticism is true but to establish a solid foundation for science. To accomplish this task, Descartes opens the *Meditations* by declaring his intention to suspend every one of his beliefs that he can find the slightest reason to doubt. Only those beliefs that are absolutely certain, in the strongest sense of the term, will survive Descartes' test, and only such beliefs, he holds, can serve as truly reliable foundations for science [3: 12].

First to go in this belief-suspension process, are the beliefs that Descartes had formed on the basis of sensation. We justify many of our opinions with information collected through our senses of sight, hearing, touch, smell, and taste. Continuing this exercise, Descartes then suggests that even such relatively uncontroversial beliefs as that you are sitting in a chair and reading this book could be subject to doubt. Of course, such beliefs seem to be more trustworthy than your beliefs about John and about whatever he is doing on the porch. However, Descartes points out that we often make mistakes about precisely these kinds of things when we dream. When you are dreaming, it may seem to you that you are sitting in your chair, reading this book, when in fact you are fast asleep in your bed. We are unable to distinguish waking experiences from experiences of the sort we appear to have in dreams until after we awake, a notion that Morpheus affirms as he asks: "Have you ever had a dream, Neo, that you were so sure was real? What if you were unable to wake from that dream? How would you know the difference between the dream world and the real world?" On the basis of the "sleepy" argument Descartes draws a conclusion that sensual experience isn't the most reliable mechanism of check therefore he rejects all beliefs created on the basis of sensual experience. Descartes concludes his first Meditation by considering the following still more radical thought experiment. Suppose, he says, that a "malicious demon of the utmost power and cunning has employed all his energies in order to deceive me" [3: 15]. Such a creature could easily lead us to mistaken conclusions about the sum of two and three or the number of sides to a square.

This malicious demon could even more easily mislead us into thinking that there is a physical world external to ourselves when in fact "The sky, the air, the earth, colors, shapes, sounds, and all external things are merely the delusions of dreams which he has devised to ensnare [our] judgment". Thus, Descartes concludes "I shall consider myself as not having hands or eyes, or flesh, or blood or senses, but as falsely believing that I have all these things". Having read Descartes's first Meditation, then it is difficult to imagine how we could show that our lives are not just grand deceptions created by a malicious demon. How could we ever refute the skeptical arguments advanced by Descartes?

After watching "The Matrix", I had another question: can we exclude the possibility that our lives seem filled with meaning, in fact, are only an illusion created by our brains intelligent computers? In "The Matrix", the main character Neo is faced with an existential choice. This choice is between a red and a blue pill. Neo is given the pills by the character,

Morpheus, immediately after Morpheus tells Neo that what he believes to be the world is instead a fabrication “that has been pulled over [his] eyes to blind [him] from the truth”. Morpheus informs Neo that if he takes the red pill the true nature of things will be revealed, whereas if he takes the blue pill his perception of things will remain unchanged. Given their opposite effects, the pills represent the means through which Neo can either elect to wake from his slumber or sustain his dream. Thus, Neo’s choice between the red and blue pills symbolizes the existential choice between living honestly, and living in ignorance. Neo swallows the red pill and the plot unfolds.

Virtually all existential philosophers speak at length of the sort of choice Neo makes between honesty and ignorance, or truth and illusion. Though some use different terminology, they tend to describe it as a choice between authenticity and inauthenticity. Existentialists define authenticity as a state in which the individual is aware of the true nature of the human condition. In contrast, inauthenticity is defined as a state in which the individual is either ignorant of the true nature of reality or in denial with respect to it. The existentialist view is that existence is without any inherent purpose or underlying design. Existentialists assert that humans invest the world with order and meaning. Common themes that existential philosophers discuss include absurdity, alienation, anguish, and authenticity. While Neo’s choice involves a number of these items, it is most clearly a choice between authenticity and inauthenticity [4: 159].

When describing authenticity and inauthenticity, existentialist philosophers tend to privilege authenticity over inauthenticity. For example, prominent existentialists such as Albert Camus, Martin Heidegger, and Jean-Paul Sartre clearly elevate authenticity and scorn inauthenticity. In their philosophic works, these individuals describe inauthenticity in uniformly negative terms. Sartre refers to inauthenticity as bad faith [6: 249]. Camus describes it as intellectual suicide. Heidegger asserts that living inauthentically not only leads to “the levelling down of all possibilities [8: 119] but also to “the phasing out of the possible as such” [3:181]. In contrast, these existentialist philosophers describe an authentic lifestyle positively as one that is courageous and “free of illusions” [8: 245]. Despite the positive terms that existentialists use to describe authenticity, their literary portraits of characters that approximate or achieve it are discouraging, if not downright depressing. Whereas inauthentic characters are described as existing in tranquil ignorance, characters approaching authenticity are depicted as anxious, alienated, and bordering on insanity. Because of the preponderance of such depictions, existential literature seems to suggest that the movement toward authenticity entails anguish, social dislocation, and sometimes madness. These consequences compel one to ask whether authenticity is indeed preferable to inauthenticity. Perhaps it is better to choose the blue pill. However, I believe that the advantages of stronger authentication of its shortcomings and that in this state can be achieved by a unique form of serenity. I choose the red pill.

Indeed, it was no accident that “The Matrix” was released on an Easter weekend. There are numerous Christian motifs in the film, some obvious and others quite subtle. Most clear is the theme of the promised deliverer. In the Gospels, Jesus is the promised Messiah, the one “who is to come” (Luke 7:19). In the film, Neo is “the One”, the messianic deliverer whose coming was foretold by the Oracle. “Neo” is an anagram for “one”. Moreover, in Greek neo means “new”, signifying the new life into which the risen Neo enters and which, presumably, he will make possible for others.

Neo’s path has many elements of the Jesus story, including virgin’s birth. In the scene in which he is rescued from the Matrix, Neo awakens to find himself in a womb-like vat, is

unplugged from umbilical-cord-like cables, and slides down a tube that may symbolize the birth canal. Further, since humans are “grown, not born” in the machine-dominated actual world, Neo’s awakening and emergence into that world is almost literally a “virgin birth.” Jesus was baptized in the River Jordan by John the Baptist. Similarly, Neo is “baptized” in the human battery refuse tank by Morpheus and the crew of the Nebuchadnezzar. Just as Jesus was tempted by the devil for forty days in the desert (Luke 4:1–13), Neo is tempted by the Agents to betray Morpheus. In the Gospels, Jesus gave his life as “a ransom for many” (Mark 10:45). In the film, Neo knowingly sacrifices his life to save Morpheus [2].

In an epiphany prior to his death and resurrection, Jesus was transfigured before three of his disciples, his face and garments glowing a dazzling white (Matthew 17:2). Similarly, Neo physically glows after his destruction of Agent Smith. And just as Jesus (on a literal reading of the relevant texts) ascended bodily into heaven at the conclusion of his earthly ministry, Neo flies through the sky in the final scene of the movie [2: 117].

Names in “The Matrix” are also important Christian connections. There are obvious parallels between Cypher, the Mephistophelian character who betrays the rebels, and Judas, the disciple who betrayed Christ. There are clear linkages, too, to Lucifer: Cypher looks like traditional depictions of Lucifer, Cypher sounds a bit like Lucifer. In the film, Zion is the last human city, the final hope of humankind. In the Old Testament, Zion is a poetic and religiously charged name for Jerusalem, and in Christian literature it is often used as a designation for heaven as the spiritual home of the faithful.

Speaking about “The Matrix”, it is necessary to say that this movie contains a set of philosophical allusions, and they are free enough to give life to philosophical interpretations and reflections. These allusions are intended for creation of tension, concern, alarm and even horror, but also and a philosophical reflection. At the same time, the main tools of “The Matrix”, a fight, a riddle, and a tension, don’t allow the viewer to concentrate on subjects and ideas, interesting from the philosophical point of view. From this it is possible to conclude that “The Matrix” as the model multigenre movie can hardly count on attracting interest of the audience with philosophical questions, and of course it isn’t capable to propose solutions of these questions. However, “The Matrix” is ingenious because it embodies all the passions, phobias, fears and aspirations of a modern man. This movie has collected many subjects of the 20th century. For example, a computer remake of an aphorism “*all life is a game*”, both hobby for religions, and fear of revolt of cars, and vague expectation of the Messiah – in one point and has put this end over “I”.

REFERENCES

1. Martin E, Hine R. A dictionary of biology / Elizabeth Martin, Robert Hine. – Oxford, 2013. – 515 p.
2. Бассам Грегори. Религия «Матрицы» и проблемы плюрализма / Грегори Бассам. – М.: Наука, 2001. – 236 с.
3. Декарт Р. Размышление о первой философии: пер. с фр. С.Я. Шейнман / Рене Декарт. – М.: Наука, 1998. – 359 с.
4. Матрица как философия / под ред. Уильяма Ирвина. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2006. – 445 с.
5. Платон. Государство: пер. А. Н. Егунова / Платон. – М.: Наука, 1999. – 656 с.

6. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Жан Поль Сартр. – М.: Республика, 2000. – 928 с.
7. Философский словарь / под ред. И.Фролова. – Изд. 4-е, доп. – М., 1981. – 445 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время: пер. с нем. В. Бибихина / Мартин Хайдеггер. – Харьков: Фолио, 2003. – 505 с.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською, к.філол.н., доц. О.Я. Присяженюк
Стаття надійшла до редакції 11.05.2016*

УДК 128

PHILOSOPHY OF LIFE PRIORITIES

O. Popravko

*a 1st year student, Faculty of Philosophy,
Cultural Studies Department,*

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38063-340-86-74; email: forever66young@gmail.com

In the modern world the issue of “life priorities and perspectives” has gained a special significance. The article is devoted to the problem of people’s choices and their impact throughout life. The author reviews some philosophy researchers, such as Grigory Skovoroda, Erich Fromm, Søren Kierkegaard and by telling about them the public can disclose a point of author’s view. It is noted that every person’s happy way to life depends on his own real actions. The great attention in the article is paid to love and feelings. The author tries to persuade the reader that prioritizing is the thing that everyone should give some consideration to.

Key words: priorities, philosophy, feeling, happiness, love, experience.

Статья посвящена философскому осмыслению проблемы выбора человека, рассмотрению влияния действий и мыслей человека на всю его жизнь. Путем рассмотрения некоторых философских исследований, философских работ, автор пытается донести свою точку зрения. Цель автора – убедить читателя в том, что каждый человек должен задуматься о правильной расстановке приоритетов в жизни. Подчеркивается, что приоритеты играют важную роль в решениях и действиях, которые влияют на будущее человека.

Ключевые слова: приоритеты, философия, чувства, счастье, любовь, опыт.

Стаття присвячена філософському осмисленню проблеми вибору людини, розгляду впливу дій та думок людини на все його життя. Шляхом розгляду деяких філософських досліджень, філософських робіт, автор намагається донести свою точку зору. Мета автора – переконати читача в тому, що кожна людина повинна задуматися про правильній розстановці пріоритетів в житті. Підкреслюється, що пріоритети грають важливу роль в рішеннях та діях, які впливають на майбутнє людини.

Ключові слова: пріоритети, філософія, почуття, щастя, любов, досвід.

Let's digress from logic, from complicated thoughts and just talk about truly important things like love, feelings, happiness, smiles, and dreams. Not everyone can see in such simple things a philosophy. We all should be able to systematize our life choices, our steps. And for this, for example, we have to know what happiness is for us, what dreams are right or not, how love and feelings can influence our social relations. "Happiness depends on ourselves". More than anybody else, Aristotle regards happiness as a central purpose of human life and a goal in itself. As a result he devotes more space to the topic of happiness than any philosopher prior to the modern era. Moreover, for happiness he found a more exact word like "eudaimonia" (Greek: εὐδαιμονία).

Eudaimonia is usually translated as happiness, but "human flourishing" may be a more accurate translation. One of Aristotle's most influential works is the "Nicomachean Ethics", where he presents a theory of happiness that is still relevant today, over 2,300 years later. The key question Aristotle seeks to answer in these lectures is "What is the ultimate purpose of human existence?" What is that end or goal for which we should direct all of our activities? Personally I believe that every person should ask himself these questions [1:15]. Everywhere we see people seeking pleasure, wealth, and a good reputation. Aristotle claims that nearly everyone would agree that happiness is the end which meets all these requirements. And I suppose that everyone can agree with me that we desire money, pleasure, and honor only because we believe that these things will make us happy. It seems that all other affairs are a means towards obtaining happiness, while happiness is always an end in itself. St. Augustine of Hippo was an early Christian theologian and philosopher whose writings influenced the development of Western Christianity and Western philosophy. For St. Augustine, all human actions revolve around love, and the primary problem of humanity is that nobody understands the idea of love. Only in God can one find happiness, as He is source of happiness. Thus, if one orients themselves toward the love of God, all other loves will become properly ordered. In this manner, St. Augustine follows the Neoplatonic tradition in asserting that happiness lays in the contemplation of the purely intelligible realm [6:165].

Jeremy Bentham is regarded as the founder of modern utilitarianism. His particular brand of utilitarianism indicated that the most moral action is that which causes the highest amount of utility, where utility defined as the aggregate pleasure after deducting suffering of all involved in any action. Happiness, therefore, is the experience of pleasure and the lack of pain. Actions which do not promote the greatest happiness are morally wrong, such as ascetic sacrifice. This manner of thinking permits the possibility of a calculator to measure happiness and moral value [2: 89].

It's important to acquaint with Arthur Schopenhauer, a XIXth century German philosopher. His philosophy show that egotistical acts are those that are guided by self-interest, desire for pleasure or happiness, where as only compassion can be a moral act. Schopenhauer sees happiness in wish that is satisfied, which in turn gives rise to a new wish. And when a person does not receive satisfaction from wish, it leads to suffering and anguish. He also compares happiness with the movement of time, as we feel happy when times moves faster and feel sad when time slows down [7: 201].

Grigory Skovoroda was called "Ukrainian Socrates" and it's not for nothing. Studying Grigory Skovoroda's works gives the understanding that in the center of his world-view is man, his spiritual world, his happiness. Who wants to be happy, must cognize himself, that is, the inner essence, his spirituality or his heart. Skovoroda claims that man is one with

nature. So the man who does not know himself, his own nature, can't choose the sphere of his activities, therefore, can't be happy. I don't want to put love in scope of science, but for me it did many great thinkers. There are many different theories that attempt to explain what love is, and what function it serves. Setting aside Empedocles' view of Eros as the force connecting the world together, the roots of the classical philosophy of love go back to Plato's Symposium. It concerns itself at one level with the genesis, purpose and nature of love, is the origin of the concept of Platonic love. Love is examined in a sequence of speeches by men attending a symposium, or drinking party. Each man must deliver an encomium, a speech in praise of Love (Eros). Socrates in his speech asserts that the highest purpose of love is to become a philosopher or, literally, a lover of wisdom.

Aristotle, by contrast, placed more emphasis on *philia* (friendship, affection) than on *eros* (love). And this "friendship and love" theme, the dialectic of friendship and love would continue to be developed in the Renaissance by many Greek philosophers. Portuguese Jewish physician Judah Leon Abravane wrote "Dialoghi d'amore" (Dialogues of Love) and it was one of the most important philosophical works of his time. Near the end of the third dialogue, Judah introduces the "circle of love," where the first half of the circle spans from God to utter chaos, whereas, the second half of this circle works in reverse. It is the love of the inferior for the superior, predicated on the former's privation and subsequent desire to unite with the superior. Judah's theory of love was intimately connected to the literary interests of humanism and the aesthetic sensibilities of Renaissance artists. As a consequence, he faults previous thinkers for not ascribing love to God. So he described dynamic role of God in relationships between people. He concludes that love is what is ultimately responsible for directing the soul and the intellect of the individual to increasingly spiritual matters [4: 48].

"Works of Love" by the first existentialist philosopher Søren Kierkegaard deals primarily with the Christian conception of *agape* love in contrast with *eros* (love) or preferential love (*phileo*) given to friends and family. Kierkegaard uses this value to understand the existence and relationship of the individual Christian. Kierkegaard as a Christian ethicist claims that love is indescribable, since "God is love" and God is unfathomable. The nature of love is as elusive as the source of a spring. In other words, love cannot be objectified. Since Kierkegaard emphasizes the subjective approach to truth, he concludes that love can be known by its fruits, its manifestations. Yet love wants to reveal itself. Kierkegaard revives the theme of the neighbor, recalling the parable of the Good Samaritan. Since your neighbor is anyone you meet, it is a natural extension of Christian love that it involves love of one's enemy. Later, in 1956 psychoanalyst and social philosopher Erich Fromm wrote "The Art of Loving". In this work, Fromm develops his perspective on human nature, from his earlier work, "Escape from Freedom and Man for Himself" – principles which he revisits in many of his other major works. Fromm presents love as a skill that can be taught and developed. He rejects the idea of loving as something magical and mysterious that cannot be analyzed and explained, and is therefore skeptical about popular ideas such as "falling in love" or being helpless in the face of love. "The Art of Loving" argues that the active character of true love involves four basic elements: care, responsibility, respect, and knowledge. Each of these is difficult to define and can differ markedly depending on the people involved and their circumstances. Seen in these terms, love is hard work, but it is also the most rewarding kind of work.

One of the book concepts is self-love. According to Fromm, loving oneself is not about arrogance, conceit or egocentrism. Loving oneself means caring about oneself,

taking responsibility for oneself, respecting oneself, and knowing oneself. In order to be able to truly love another person, one needs first to love oneself in this way. The book includes explorations of the theories of brotherly love, motherly and fatherly love, erotic love, self-love, and the love of God, and an examination into love's disintegration in contemporary Western culture. Among the modern researches of love captures attention the book "The Four Loves" by C.Lewis which explores the nature of love from a Christian and philosophical perspective through experiments. Lewis considers love as four categories based in part on the four Greek words for love: affection, friendship, eros, and charity. Storge or affection, for Lewis, included both Need-love and Gift-love. He considered it responsible for 9/10th of all solid and lasting human happiness. Ironically, however, affection's strength is also what makes it vulnerable. Affection has the appearance of being "built-in" or "ready made", says Lewis, and as a result people come to expect it irrespective of their behavior and its natural consequences [5: 32].

Lewis explains that true friendships (philia) are almost a lost art. He expresses a strong distaste for the way modern society ignores friendship. Growing out of companionship, friendship for Lewis was a deeply appreciative love, though one which he felt few people in modern society could value at its worth, because so few actually experienced true friendship. Eros for Lewis was love in the sense of "being in love" or "loving" someone, as opposed to the raw sexuality of what he called Venus. Charity, God's love is the love that serves regardless of changing circumstances. Lewis recognizes this one as the greatest of the four loves, and sees it as a specifically Christian virtue to achieve. In my view, no one can exactly explain concept of love. In fact, it would be very difficult to explain love to a hypothetical person who had not himself or herself experienced love or being loved. What is more, many philosophers learn feelings on the whole and their researches show that most of philosophy ideas are built on sensation. The feeling, in philosophy, is defined as anything that we feel, especially the low-intensity emotions and passions, and the general inclinations of man (moral feeling, admiration).

Here are some opinions on definition of feeling: Kant: "We call the ability to have fun or fair because of a representation feeling" (Metaphysics of Morals); Hegel: "The feeling is simple affection, and yet determined, the singular subject, in which is still put no difference between it and its contents" (Philosophical Propaedeutic).

German philosopher Max Scheler wrote a fantastic work under the title "The Nature of Sympathy". His main intent in this work was to show that it is impossible to derive an ethic from merely shared feelings and consequently to show that ethics assumes as original an intention of love. In order to demonstrate this point, Scheler provides a detailed analysis of the different types of shared feelings.

There are at least five different types of shared or co-feelings:

1. Feeling with one another. Two or more people feel the same feeling together. In this work Scheler proposes an example of two parents. So they share a love for their child and they also share the pain or joy felt for that child. In situation of the death of a child, parents share the same feeling of pain, loss and grief together. Certainly, parents of a child will have many different feelings for their child between them. Scheler is only describing the phenomenon of when parents feel the same feeling together.

2. Vicarious feeling: Scheler refers to this type of shared feeling throughout his analysis, but does not include it in his discussion of the specific types of co-feelings. In vicarious feeling, there is no genuine sharing or co-experiencing of a feeling. It is a type of grasping a feeling in the other without any subsequent feeling of the grasped pain or joy, a feeling at

a distance. This grasping is not necessarily an intellectual comprehension, but an emotional or bodily comprehension. Any recognition of the feeling of others, including empathy, assumes some form of vicarious feelings.

3.Fellow feeling. This form of co-feeling is often referred to as sympathy or pity. Here there is the intention of the other, a feeling for the other. When a friend is in pain, not only do I share his or her pain, but I feel for my friend. The shared feeling is not the same and there remains a clear distinction between me and the other. To distinguish fellow feeling from vicarious feeling, Scheler uses the example of cruelty. The reason why human beings are so good at torture is that we can vicariously feel and comprehend what it would be like to be harmed in such a manner. In vicarious feeling, we do not feel the other's pain. In genuine cases of fellow feeling, we not only share in the suffering the other feels, but we also feel for the person who suffers, often motivated to act to end the suffering.

4.Contagion. Experiences in which a person is overtaken by a feeling to such an extent that he or she gets lost in it with others is the phenomenon of psychic contagion. Scheler gives the example of being taken over by the joyous atmosphere in a bar to make his point. After a difficult day you can walk into a bar and get immediately involved in the atmosphere, having completely forgot your day and troubles. The “I” and “you” become a “we.” In the midst of this experience, we do things we would not necessarily do in a different setting. Psychic contagion can be quite dangerous, as is the case with violence.

5.Identification. Identification is a limit case of psychic contagion. In identification, the “I” is lost and literally becomes the other. I no longer feel the pain in me, but only in the other. There is no distance between I and you. I may identify with the experience so deeply that I live it in the other. The experiences Scheler describes as the condition when a person “becomes” the god or hypnotic experiences where the individual thinks and wills according to the hypnotist.

As you see, many researches were conducted to understand the seemingly simple things. It is a gigantic and impressive material which serves as solid base for all of us. In this information everyone can find some great piece of advice for yourself. All things considered, we can summarize our topic. I touch upon very debatable question. For over the time a lot of people try to find purpose of life, to understand some mysteries for other mysteries and to open more new doors. I believe that we are all individuals with individual needs, dreams, goals, and help in finding harmony in all these tasks we can discover in experiences’ of past generations. Just decide how to prioritize in a right way.

REFERENCES

1. Aristotle. Ethics. – <http://www.mikrosapoplous.gr/en/texts1/en.html>
2. Bentham J. Internet Encyclopedia of Philosophy. – <http://www.iep.utm.edu/bentham/>
3. Bok S. Exploring Happiness: From Aristotle to Brain Science. – 2010. – 224 p.
4. Davidson H. Medieval Jewish Philosophy in the XVIth Century.–1983. – P. 106–144.
5. Lewis C.S. The Four Loves / C.S. Lewis. – 1960. – 160 p.
6. O’Connell R.J. The Enneads and St. Augustine’s Image of Happiness / R. J. O’Connell. – Vol. 17. – No. 3. – 1963.
7. Schopenhauer A. The World as Will and Idea. – Cologne , 1997. – Volume 1.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською, к.філол.н., доц. Л.Н. Філюк
Стаття надійшла до редакції 12.06.2016*

V. Rubskyi

*a 4th year student, Faculty of Philosophy,
Department of Philosophy,*

*I.I. Mechnikov Odessa National University
Tel. +38093–840–17–09; email: pavv@te.net.ua*

У статті описується пошук нових філософсько-методологічних проблем аналізу свідомості методами нейронауки. Таким чином, методологічно необхідна редукція аналізу людської свідомості представляється як онтологічна. Автор, аналізуючи останні наукові публікації на цю тему, приходиться до висновку, що когнітивний аналіз суб'єкта мислення підміняється молекулярним аналізом мозку, що виключає розгляд мозку як інструменту. Таким чином, спроби розгадати таємницю співвідношення тілесного і духовного, шляхом методом нейробіологічної редукції генерує в області когнітивної науки більше проблем, ніж вирішує.

Ключові слова: свідомість, неврологія, методична редукція, когнітивний, фізикалізм, біологічний редукціонізм, свобода волі, детермінізм, мозок.

В статье описывается поиск новых философско-методологических проблем анализа сознания методами нейронауки. Таким образом, методологически необходимая редукция анализа человеческого сознания представляется как онтологическая. Автор, анализируя последние научные публикации на эту тему, приходит к выводу, что когнитивный анализ субъекта мышления подменяется молекулярным анализом мозга, что исключает рассмотрение мозга как инструмента. Таким образом, попытки разгадать тайну соотношения телесного и духовного, путём методом нейробиологической редукции генерирует в области когнитивной науки больше проблем, чем решает.

Ключевые слова: сознание, неврология, методологическая редукция, когнитивный, физикализм, биологический редукционизм, свобода воли, детерминизм, мозг.

The article describes the search for new philosophical and methodological issues of the analysis of consciousness, along with the methods of neuroscience. In this way technically necessary methodological reduction analysis of human consciousness is perceived as ontological. The author, analyzing the latest scientific publications on this topic, concludes that cognitive analysis of the subject of thinking is substituted with the molecular analysis of the brain (that excludes the consideration of the brain as a tool). Thus, the attempt to solve the mystery of the relation of bodily and spiritual by neurobiologically reduction method generates in the field of cognitive science more problems than it solves.

Key Words: consciousness, neuroscience, methodological reduction, cognitive, physicalism, biological reductionism, free will, determinism, brain.

Topicality of the problem. The significance of barriers to productive discussions have already been designated in the famous book of Oswald Spengler “The Decline of Europe”, where the author with pessimism talks about the incommensurability of the main cultural areas. Tightness of different world for each other is one of the problems of modern comparative philosophy. Attempts to provide a general basis for a genuine arguing of both sides today can not be called satisfactory. In this regard the possibility of fruitful philosophical discussions now acquires a special urgency. In fact, it’s a matter of the near future of mankind. Ability to find a constructive platform for ideological debate may depend on peace and security in regions where there is a clash of cultures and civilizations which has already begun as a clash of equals. The purpose of the study is to define the philosophical and existential foundation of ideological debate. **Research objectives:** 1) to determine the fundamental differences of ideological discussions and their consequences from other types of discussions; 2) to analyze the specifics of constructing arguments in ideological debate; 3) to select the structure of the ideological debate; 4) to explore the specificity of the provisions of the paradigmatic correlation outlook.

The object of the research is a form of ideological debate as the meeting of different paradigms and axiology. The subject of research is structural and existential aspect of the ideological debate on the example of the collision between theism’s and atheism’s philosophical foundations.

Key Points: 1) the structure of the ideological debate does not involve stretching the production of formal evidence of his theses due to the nature of its subject, which is in the field fundamentally inaccessible to the valence argument parameters; 2) in a collision of worldviews occurs transition of the system to an external field of argumentation, thus depriving such constructive discussions; 3) the most productive method of ideological debate is a manifestation of consciousness as a tool of correlating paradigms and finding common grounds controversial theses and theories.

Worldview discussion as a concept. Worldview discussion is a discussion, the subject of which is the basic provisions of a particular worldview. For example, inter-religious discussion Christian and Muslim worldviews, atheistic or theistic, in the field of philosophy, and irrational rationalist, etc. The center for a discussion of such discussions is the very foundations of the world view, rather than derivatives investigation of any preceding philosophical premises, although the participants can wrongly present consequences as the basis. For example, issues on such topics as belief in God – from the lack of logic, Judaism – from poorly understood Tanakh, etc. Sometimes these approaches mirror the prejudices of the parties. For example, postulating the existence of God can be perceived as ideological cowardice (Camus, Paul Sartre), the same can be attributed to cowardice and postulate His absence (B.Paskal, S. Kierkegaard). Islam, Judaism and Christianity are equally output opponents’ worldview genesis of errors in reading the Scriptures. This very fact indicates a secondary appeal to Scripture as the basis of speculative appeal to science, logic, etc. Together with the loss of substantive differences, the discussion loses its value. After all, if the grounds of our judgments are hidden from us, we cannot make judgments [3: §29]. Nondeducibility of grounds of axiological differences allows us to raise the question on the grounds of discussions, classified as ideological.

In the domestic, political, legal, scientific and other types of discussions the parties have the possibility to *force* the opponent to an agreement, as the “rules of the game” and their implementation ensured common paradigmatic settings. But when the focus of debate is these settings themselves, then, as experience shows, the subjects of different

worldviews do not find instruments of persuasion, in the absence of evidence of general field. Consensus cases are extremely rare, and particularistic. More importantly, they are not such discussions even compelling to the target audience.

World person cannot be regarded as a scientific theory. There are cases when a person throughout his life didn't fully articulate. Trying to give consistency and coherence outlook partly there is a violence to the nature of worldview as the quintessential fundamentals of thinking, rather than the rules or conclusions. Worldview can be controversial in terms of third-party analysis and harmonious, from the point of view of the subject. Irrational and "doxios" (based on a subjective common sense) judgment, in contrast to the "epistemic" (rational) takes structurally predominant value in any worldview. A significant role of emotional and volitional components, a sense of the sacred, segmentation of world structure on the theoretical and everyday level forces us to refer to the logic of the peripheral circle in architectonic consciousness. "The Illogical is necessary, – Nietzsche wrote. – Among the things which can bring a thinker to distraction is the knowledge that the illogical is necessary to mankind and that from the illogical springs much that is good» [4:§31]. Introducing a category of "Alert" in the evidence analysis system, Husserl draws attention to the important fact: "Where a certain state of affairs is really a sign of another situation, which, if it is considered in itself should be a consequence of the first, the first performs this function in the thinking consciousness not as a logical basis, but due to the connection that is established between both beliefs of mental experiences or dispositions valid evidence previously spent" [2: 38–39].

Value-semantic part of the world is well-founded, and may even bypass rationalistic constructions personal worldview. For the materialist, for example, thesis: "there is no God" is almost never is – "everything is possible". Although from the perspective of understanding of God as the guarantor of the system of spiritual values, his denial, from the point of view of the external listener, must necessarily lead to the vast voluntarism. The same can be said of other systems of evaluation and measurement of the opponent's worldview. The application of terms: morality, rationality, consistency, usability, etc. assume their axiology causing fixing not a particular ideology, but only their own tendentiousness. "We are primordially illogical... this is one of the greatest and most baffling discords of existence" [4: § 32]. This Nietzsche's view in terms of other axiology might be called wrong, as the lack of logic here is disharmony. But in a number of religious systems and philosophies (intuitionism) illogicality is a part harmony.

Introspective, the requirement of human consciousness to its own world outlook, even when it is objectified, is not determined by its logical harmony and coherence, and its ability to provide a satisfactory solution to the internal regulations such as the meaning of life, pain, and his ability to inspire and uplift man. Satisfactory of existential parameters outlook makes it all the structural contradictions and atavisms unnoticed or irrelevant. World "actually absorbs the pure essence of physical, mental and ideal things, no matter how accomplished their awareness and even if there is this awareness in general" [11:71].

The existential aspect of the ideological debate. Man's worldview never cuts to rational schemes and constructions, his beliefs and ideals is the fundamental level of his being. From this point of view, the statement of the worldview into question, a real attempt to offer an alternative, always involves a deep spiritual crisis (in any sense of the word "spirituality") panelists. A normal consciousness has resisted this attempt at ideological nucleus as a crossing place of his identity. The participants to feel comfortable with the situation itself forced to partially block the real dimension of what is happening and take it

like be played in an ideological revaluation of values, hypothesis it. For this reason, reliance on a painless algorithm of discussion, calling into question the identity is in vain.

For many potential subjects of discussion, the call for an ideological revision is unacceptable. After all, it involves the entities entering into philosophical discussion a certain degree of self-criticism to the foundations of his thinking and openness to other axioms, the willingness to listen to the interlocutor whose position is traditionally unacceptable and therefore largely incomprehensible.

For example, for representatives of “Epistemic foundationalism” and dogmatic types of worldview, religion or philosophy discussion as a research question is inconceivable. They admit only a rigid format of controversy, reproof, etc., because the setting of the absolute superiority of their outlook over the other is included in the axiom of this worldview. Therefore, the entry into a constructive discussion for the dogmatic consciousness already would be to agree on the revision of the Central axioms of consciousness that is unthinkable. For example, in some Orthodox circles, a good-natured dialogue between the Orthodox Patriarch with the Pope is condemned as a “heresy of ecumenism”. Associate Professor, Ranepa Dmitry Uzlaner, highlighting the “anti-religious fundamentalists”, argues that “fundamentalism can be understood in a non-religious context” [13]. On the other hand, philosophical subjects (relativistic) approach in the discussion often refuse to understand some of the truth of dogmatists, obviously considering their position a relic of past ages, and their representatives – obscurantiste. “It’s too easy to preach tolerance and to be tolerant, – pointed out this Russian philosopher S.N. Bulgakov, – not having anything going for you, but try to be tolerant, fervently believing in a particular truth” [7: 66]. In this phrase, Bulgakov is important for understanding the philosophical foundations of the debate underline “fervor” as the emotional-volitional component of the worldview. It links into the capital itself personal experience and specific theoretical beliefs. Even the word “certain” here is not accidental, since the existential truth is the result of selection for something in particular, then what becomes the “vehemence” of intellectual life. Thus, the unilateral bashing fundamentalists for dogmatism is the example of the same narrow-mindedness that he himself fundamentalism. It is important to understand that every worldview contains its own system of self-preservation and prejudice is an integral part of it.

The problem of language in philosophical discussion. The ideological debate is particularly important, common to all types of discussions – the problem of language. As Leslie Stevenson underlines [6: 26] in his experience of comparative philosophy, if the discussion opponent the answer is in terms of his worldview, it means an indirect recognition of the axioms of his theory. Here we can fix a certain linguistic impasse: on the one hand, it is impossible to refute rely on axioms, which are refuted. On the other hand, if the answer is given in terms of his theory, it will not be convincing, and indirectly to indicate the terminological closeness of its position, its inability to dialogue. Indicative in this vein, (the problem of language in opposing) discussion of Ernst Jünger and Martin Heidegger about nihilism, where Heidegger says that Junger objects nihilism is still the language of nihilism, which leads to its multiplication, whereas, according to Heidegger, “essence of nihilism is not nihilistic” [1], and to overcome it, we need in-depth analysis of notnihilistic core of nihilism. That philosophical language, which is used by Junger, it’s – “the barrier that prohibits the passage of the line, i.e., going beyond nihilism” [1]. This example is not unique. On the contrary, the problem of language as the meeting point of the two worldviews typical of each discussion, involving the axiom of consciousness. For

“a new kind of intimate experience we may expect in philosophy, – I.F. Mikhailov sums up Wittgenstein’s thought, – we have no means to understand it; because to understand the experience means to understand the language in which it is (can be) pronounced, and for such experience does not exist a possible language ... In these circumstances it is difficult even to talk about the experience of “something” because it is “something” there, Wittgenstein says, a grammatical “post” for empirical values” [10].

Structural analysis of the displacement of discussion. Every once in a philosophical debate, in the search for evidence of its innocence, opponents have to resort to fundamentally unsuitable argumentation. To be persuasive arguments must be clear, evidence-based, valence, explicitly, verifiable and falsifiable, that is, to be in the field of more obvious things, as a structural proof of any thing relies on using non-obvious explanation is obvious. However, the move to evidence-based level in an ideological debate is the inevitable devaluation of the substance of the discussion, and the substitution of its subject that is not in the field of provability. The two polemic sides look for the key to constructive discussion, not where it is lost (i.e. at the level of axiomatic statements) but at the level where there are clear-formalized arguments. This inevitably entails a classic mistake in the proof “Ignoratio elenchi”, when the argument, in view of this offset has proved another thesis than the one that entitles discussion [12: 315]. For this reason, the multiplication of polemical writings in the field of ideological debate does not lead not only to the Aristotelian truth, but also to the understanding of the parties.

The structural frame of traditional discussions itself contains a wrong assumption of the truth of mutually contradictory positions. In the logical framework they have in contradictie, so that the law of the excluded middle affirmed the truth of falsity of one over the other. However, this design does not correspond to reality. The juxtaposition of opposing theories doesn’t provide verification of their interdependence. All the philosophical theories have a lot of gaps and inconsistencies in relation to the other paradigm, as well as within its own. This is one party may be submitted so that the other may not be able to parry. But “not being able to contradict is proof of incapacity, not of “truth”” [5: § 515]. For clarity, take into consideration the vast experience of a polemical confrontation between materialism and religion. While the merits of the disagreement of these items we are talking about God as a category of consciousness, a discussion question is: do you have this theological category of referent or not, the disputing parties moving to more explicitly level of objectification in order to confirm the thesis lying in a fundamentally different level. Thus, all the developments of arguments in formalized field are false evidence base. For example, the whole direction of works is aimed at the materialist critique of faith and the biblical text (L. Taxil, J. Fraser, Z. Kosidowsky).

This trend, in order to refute the existence of God, aims to prove that the Bible and theology contain errors, confusion and internal contradictions. Their opponents are also involved in the problems of the sacred texts and teachings like, as if it depended on the existence / non-existence of God. As a result, the side “A” for the purpose of rejecting God rejects only theology. A side “B”, in turn, sees its task to defend the coherence of faith and prove the conceptual inconsistency of materialism. While the doctrines of the criticism are not criticism of the personal experience of knowing God, of whom there is a debate. Thus, the initial position of atheism (as a rejection of the existence of God) is replaced by the position of atheology or antitheism (both terms refer to the rejection of theology). In this modified model discussion claims theism is not the existence of God, and his own philosophical usefulness. Atheology is a part of theology rather than atheism. This is true

not least because they themselves theists regularly and harshly criticize the theistic constructions of each other that does not overcome, and only strengthens theism as an intellectual construct. Muslim theologians, for example, radically reject the construction of Christian theology, but because of this denial should not be output on the absence of God. "Antitheism as criticism and denial of certain forms of theism is not a sufficient basis for construction of holistic worldview. In other words, antitheism tends to be limited to "destructive work", it shows the contradictions of some form of theism" [14].

Prof. B. Finogentov considers an illustration of these words to be the recent best-selling book by the famous French philosopher Michel Onfray "Treatise of atheology" (2005), absorbed amount of atheological arguments against the world's religions. But on the positive program the author spoke of as "the future of atheism", which has not yet come. "We can say that in itself rationalist critique of theism - a simple matter, but ineffective to overcome theism" [14]. The following sample bias in quasiprobativ area there is a discussion relationship between *faith and science* as an argument for or against the existence of God. As an argument against the religious worldview are examples of conflict of church and science (Copernicus, J. Bruno, Galileo, M. Servetus). Contrary to the other side, allowing this same offset discussion lists facts of confrontation between science and atheism (Lavoisier, N. Vavilov, genetics of 50-s, repression of members of the USSR Academy of Sciences, etc.). The attraction of this kind of argument is unhelpful because the circumstances of repression or encouragement of science can not give answer about the ontology of the phenomena of religion and atheism. And, thus, cannot be a justification for not/being of God. The same can be applied to the attraction of the theory of evolution and the moral and historical arguments: the immorality of believers doesn't deny God more than their Holiness proves It. The contradiction of the idea of evolution as evidence of its compliance with the belief (theistic evolutionism) characterizes the theology, not the existence of God. As another example of the general tendency to shift from the essence of the debate in a different field, a discussion of historical events.

Side "A" provides an argument such religious precedents as the Inquisition, the Crusades, the Massacre of St. Bartholomew, etc. The answer is in the same field side "B" represented by odious historical figures materialists such as Mao, Stalin, Mussolini, Pinochet, Lenin's red terror, etc. Here, artificial polemical construct is applied. Historical facts are attracted by both parties as illustrations only as already occupied positions. This kind of argument is built on the logical anachronism, does not reveal the existing differences and, especially, can not determine the presence or absence of God that is the declared object of discussion. For the opportunity to make a compelling case discussion of axiomatic beliefs, usually goes into a quasiprobativ area. Increasing the mass and complexity of the arguments only prevents its consideration of the central issue of discussion. The arguments constructed with the assumption «Ignoratio elenchi», there are quasiarguments. Thus, we come to the fact that the specificity of the ideological debate does not allow the parties to go on quite explicable evidence based argumentation of language, since the essence of ideological differences is the difference between paradigms.

The manifestation of consciousness as a type of comparison. Correlation of paradigmatic axioms can be thought of only as a manifestation of self-consciousness with the aim conciliate the interlocutor, not in order to force an agreement. The manifestation of consciousness is by nature the experience rather than a theoretical statement about what Wilhelm Dilthey wrote as "the objectification of life" [9: 219] – its verbal expression, recognizable in the experience. Trust to the testimony is a necessary condition for

ideological debate. Here is the border of argumentation as a discussion tool and starts self-certification of consciousness. For example, the brief formulation of the content of theistic consciousness: is possible and actually there is communion with God. [8]. We can discuss the accuracy of the verbal expressions of the opponent, but not the contents of the testimony. Since the most important methodological circumstance here is that if the parties will not have confidence in the contents of a manifestation of consciousness, they will not go out of the circle of its own axioms. Testimony of opponent you must trust to the extent that the reliability of what he says because with the tools of the different paradigm it is fundamentally impossible to check. Here we see the need to overcome the arbitration field search for ideological debate as possible to overcome the comparative gap.

How is it possible to relate the proposed paradigms? Some epistemological model, for example, Kuhn suggests that impossible. However, based on other models (for example, A. Poincare) it is quite possible, given that the structure of the human mind never fully corresponds to its ideological interpretive theory. In the experience of consciousness, the believer often thinks according to the structure of the unbeliever, and often the unbeliever thinks (about duty, love, honor, etc.) as if God exists. The same can be said about the practical community of other worldviews. This gives the correlation of the paradigms of constructive value. Partly the believer recognizes in himself the unbeliever, and the unbeliever recognizes the important predicates of the believer, a Christian – Muslim, Baptist – Orthodox, etc. Thus, this structure is ideological debate again becomes a participant in the choice of self-identification. It is fruitful, even when after the articulation of self-consciousness and understanding of others, both again choose its former ideological identification. Only in this case there is enrichment and convergence of different types of consciousness, not polemical, theological and philosophical schools only.

Conclusions. In the study to determine the philosophical and existential foundations of the ideological debate, we have analyzed the specific structure of its argument. That has allowed to allocate the structure of the ideological debate and to highlight the specific parameters correlate paradigmatic positions, chief among them: a trust to the testimony an opponent and insecurity of explicable axioms. This led to the conclusion that the ideological structure of the debate does not involve the valence of production of formal evidence, as the subject is not in the field of traditional types of argument.

As the most productive method of ideological discussion presented correlation of paradigms, which reveal common ground of disputed theses and philosophical theories.

REFERENCES

1. Alain de Benoist. Jünger, Heidegger, and Nihilism / Alain de Benoist / transl. by Greg Johnson. –<http://www.counter-currents.com/2010/07/junger-heidegger-nihilism>
2. Husserl E. Logical Investigations / E.Husserl. – London, 2001. – Vol 2. – 384 p.
3. Kant Immanuel. The Critique of Judgment / Immanuel Kant. – http://www2.SunySuffolk.edu/fellenm/Classes/PHL293_files/Kant.pdf
4. Nietzsche Friedrich. Human, All Too Human / Friedrich Nietzsche. – <http://www.gutenberg.org/files/38145/38145-h/38145-h.htm>.
5. Nietzsche Friedrich. The will to power / Friedrich Nietzsche. – https://archive.org/stream/TheWillToPower-Nietzsche/will_to_power-nietzsche_djvu.txt
6. Stevenson L., Haberman D. Ten Theories of Human Nature / L.Stevenson, D.Haberman. – 3rd ed. – New York, Oxford University Press. – 264 p.

7. Булгаков С.Н. Свет невечерний / С.Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
8. Вестель Ю. Тезисы в защиту паламизма / Ю. Вестель. – Режим доступа: <http://theology.in.ua/ua/bp/discussions/critic/40335>
9. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах / В.Дильтей // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995. – С. 216-229.
10. Михайлов И.Ф. Витгенштейн и проблема мистического опыта / И.Ф.Михайлов. – Режим доступа: http://philosophy2.ru/iphras/library/kozl2_1.html#_ftnref5
11. Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
12. Уёмов А. Основы практической логики / А.Уёмов. – Одесса, 1997. – 388 с.
13. Узланер Д.А. Новые атеисты – это фундаменталисты / Д.А.Узланер. – Метрополь. – 13 апреля 2015. – Режим доступа: <http://mtrpl.ru/uzlaner>
14. Финогентов В.Н. Атеизм: антиизм и внетеизм / В.Н.Финогентов // Здравый смысл. – 2005. – № 4 (37). – С. 15–21.

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
к.філос.н., доц. О.С. Петриківською, к.філол.н., доц. Л.М. Філюк
Стаття надійшла до редакції 10.06.2016*

UDC 94(477)"1986"

10 UNKNOWN FACTS ABOUT CHERNOBYL

V. Yakovenko

*a 1st year student, Faculty of Philosophy,
Cultural Studies Department,*

I.I. Mechnikov Odessa National University

Tel. +38097–327–24–09; email: nikusya.yakovenko98@mail.ru

В данной статье рассказывается о Чернобыльской трагедии, которую назвали самой большой техногенной катастрофой в истории. В этом году исполнилось 30 лет, как произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции и 15 лет как ЧАЭС была полностью остановлена, но интерес к Чернобылю не падает. В статье автор рассматривает не только все подробности этого фатального дня, но и описывает несколько правил поведения в зоне отчуждения, а также цитирует мнения журналистов из других стран об этом печально памятном бедствии. Кажется, мир еще не осознал, что могло бы случиться в тот день, если бы не нашлись мужественные и отважные герои Чернобыля! К 2016 году в окрестностях ЧАЭС установлено много памятников и мемориалов, каждый год 26 апреля люди по всему миру чтут память об этом дне.

Ключевые слова: бедствие, радиоактивный, реактор, эвакуация, ядерный.

У даній статті розповідається про Чорнобильську трагедію, яку назвали найбільшою техногенною катастрофою в історії. В цьому році виповнилось 30 років, як сталася аварія на Чорнобильській атомній електростанції та 15 років як ЧАЕС була повністю зупинена, але зацікавленість Чорнобилем менше не стає. У статті автор розглядає не тільки усі подробиці цього фатального дня, але також описує декілька правил поведінки у зоні відчуження; крім того, авторка цитує

думки журналістів з інших країн про це пам'ятне лихо. Здається, світ ще не усвідомив, що могло б статися в той день, якби не знайшлися мужні та відважні герої Чорнобиля! До 2016 року в околицях ЧАЕС було встановлено багато пам'ятників і меморіалів, кожен рік 26 квітня люди по всьому світу шанують пам'ять про цей день.

Ключові слова: лихо, радіоактивний, реактор, евакуація, ядерний.

This article describes Chernobyl disaster which was called the largest man-made disaster in history. This year has been already 30 years from the time the accident occurred at the Chernobyl nuclear power plant, and 15 years since the nuclear plant has been completely stopped; but the interest to Chernobyl hasn't become smaller. The author considers not only the details of that fatal day, but describes a few basic rules of conduct in the alienation zone, as well as cites some journalists from other countries as to this sad memorable disaster. It seems the world doesn't realize what could have happened on that day, if courageous and valiant heroes of Chernobyl hadn't helped! By 2016, many monuments and memorials had been erected near Chernobyl and each year on April 26, people all around the world revere the memory of this day.

Key words: disaster, radioactivity, reactor, evacuation, nuclear.

This year it has been 30 years since Chernobyl disaster but the effects of it will be felt for years to come. Despite all the media coverage, many of us still don't know all the facts about that fatal day. So, here are 10 details you may not have learned about.

10. Fatal Errors. Chernobyl disaster is considered to be the worst nuclear accident in the history of human civilization. The estimates of the radioactivity released vary from 50 million Curie to one billion Curie. All four Chernobyl reactors were cooled by water, and in the case of losing this coolant, it overheated instead of shutting itself down. This faulty and unstable design, coupled with a human factor of bad technical judgment, and speedy decisions made by engineers, led to the explosion in the fourth reactor. Prompted by a desire to experiment with a turbine generator's ability to pump water in an inert state, reactor engineers increased the power of the generator while severely decreasing most of the safety measures. A state of no control followed, a reaction was poisoned, water boiled, and the emergency cooling system was purposefully shut down. Finally realizing the critical conditions, operators took measures to reduce the reactivity by using graphite control rods. It was a deadly mistake, as graphite only increased the reaction by displacing water from the rod channels. In the early morning of April 26, 1986, the fourth reactor exploded. The sequence of events which follows has been compiled following a review of a large number of reports and it represents what is considered the most likely sequence of events, but there remain some uncertainties.

April 25. 01:06 – The scheduled shutdown of the reactor started. Gradual lowering of the power level began.

03:47 – Lowering of reactor power halted at 1600 MW (thermal).

14:00 – The emergency core cooling system (ECCS) was isolated (part of the test procedure) to prevent it from interrupting the test later. The fact that the ECCS was isolated did not contribute to the accident; however, had it been available it might have reduced the impact slightly. The power was due to be lowered further; however, the controller of the electricity grid in Kiev requested the reactor operator to keep supplying electricity to enable demand to be met. Consequently, the reactor power level was

maintained at 1600 MWt and the experiment was delayed. Without this delay, the test would have been conducted during the day shift.

23:10 – Power reduction recommenced.

24:00 – Shift change. **00:05** – Power level had been decreased to 720 MWt and continued to be reduced. Although *INSAG-1* stated that operation below 700 MWt was forbidden, sustained operation of the reactor below this level was not proscribed.

00:28 – With the power level at about 500 MWt, control was transferred from the local to the automatic regulating system. The operator might have failed to give the “hold power at required level” signal or the regulating system failed to respond to this signal. This led to an unexpected fall in power, which rapidly dropped to 30 MWt.

00:43:27 – Turbogenerator trip signal blocked in accordance with operational and test procedures. *INSAG-1* incorrectly reported this event occurring at 01:23:04 and stated: “This trip would have saved the reactor”. However, it is more likely that disabling this trip only delayed the onset of the accident by 39 seconds.

01:00 – The reactor power had risen to 200 MWt and stabilised. Although the operators may not have known it, the required operating reactivity margin (ORM) of 15 rods had been violated. The decision was made to carry out the turbogenerator rundown tests at a power level of about 200 MWt.

01:03 – A standby main circulation pump was switched into the left hand cooling circuit in order to increase the water flow to the core (part of the test procedure).

01:07 – An additional cooling pump was switched into the right hand cooling circuit (part of the test). Operation of additional pumps removed heat from the core more quickly leading to decreased reactivity, necessitating further absorber rod removal to prevent power levels falling. The pumps delivered excessive flow to the point where they exceeded their allowed limits. Increased core flow led to problems with the level in the steam drum.

01:19 (approx.) – The steam drum level was still near the emergency level. To compensate, the operator increased feedwater flow. This raised the drum level, but further reduced reactivity to the system. The automatic control rods went up to the upper tie plate to compensate but further withdrawal of manual rods was required to maintain the reactivity balance. System pressure began to fall and, to stabilise pressure, the steam turbine bypass valve was shut off. The operators had trouble with the pressure and level control, they deactivated the automatic trip systems to the steam drum around this time.

01:22:30 – Calculations performed after the accident found that the ORM at this point proved to be equal to eight control rods. Operating policy required that a minimum ORM of 15 control rods be inserted in the reactor at all times

April 26, the test. 01:23 approx. – Reactor parameters stabilised. The unit shift supervisors considered that preparations for the tests had been completed and, having switched on the oscilloscope, gave the order to close the emergency stop valves.

01:23:04 – Turbine feed valves closed to start turbine coasting. This was the beginning of the actual test. According to Annex I of *INSAG-7*, for the following approximately 30 seconds of rundown of the four coolant pumps, “the parameters of the unit were controlled, remained within the limits expected for the operating conditions concerned, and did not require any intervention on the part of the personnel”.

01:23:40 – The emergency button (AZ-5) was pressed by the operator. Control rods started to enter the core, increasing the reactivity at the bottom of the core.

01:23:43 – Power excursion rate emergency protection system signals on; power exceeded 530 MWt.

01:23:46 – Disconnection of the first pair of main circulating pumps (MCPs) being “run down”, followed immediately by disconnection of the second pair.

01:23:47 – Sharp reduction in the flow rates of the MCPs not involved in the rundown test and unreliable readings in the MCPs involved in the test; sharp increase of pressure in the steam separator drums; sharp increase in the water level in the steam separator drums.

01:23:48 – Restoration of flow rates of MCPs not involved in the rundown test to values close to the initial ones; restoration of flow rates to 15% below the initial rate for the MCPs on the left side which were being run down; restoration of flow rates to 10% below the initial rate for one of the other MCPs involved in the test and unreliable readings for the other one; further increase of pressure in the steam separator drums and of water level in the steam separator drums; triggering of systems for dumping of steam to condensers.

01:23:49 – Emergency protection signal “Pressure increase in reactor space (rupture of a fuel channel)”; No voltage – 48 V’ signal (no power supply to the servodrive mechanisms of the EPS); Failure of the actuators of automatic power controllers №1 and 2’ signals.

01:24 – From a note in the chief reactor control engineer’s operating log: “01:24: Severe shocks; the RCPS rods stopped moving before they reached the lower limit stop switches; power switch of clutch mechanisms is off”.

9. First Response. In the early hours of that spring day, all hell broke loose and hundreds of firefighters were attempting to stop the generator fire. Approximately 300 tonnes of water pumped every hour into the remaining part of the generator, which was damaged beyond repair. According to the World Nuclear Association, they stopped after half a day due to the danger of flooding reactors one and two. In the following days the exploded reactor was still burning, so about 5000 tonnes of boron, clay, sand, dolomite and lead were poured over it by helicopters in an effort to stop the fires and cover the radioactive elements. Chernobyl disaster was a unique event and the only accident in the history of commercial nuclear power where radiation-related fatalities occurred. However, the design of the reactor is unique and in that respect the accident is thus of little relevance to the rest of the nuclear industry outside the then Eastern Bloc. However, it led to major changes in safety culture and in industry cooperation, particularly between East and West before the end of the Soviet Union. Former President Gorbachev said that Chernobyl accident was a more important factor in the fall of the Soviet Union than Perestroika.

8. While the world was unaware. At exactly 1:21 am. on April 1986, in Chernobyl the № 4 reactor exploded and released 30-40 times the radiation of the Nagasaki and Hiroshima bombing. But it took the Soviet government a full day to realize the scale of the accident and its consequences. Only after that was the full evacuation of Pripjat and many more villages and small towns in the region ordered. Hundreds of thousands of people were hastily evacuated and later relocated but for many it was too late. The accident destroyed Chernobyl 4 reactor, killing 30 operators and firemen within three months and several further deaths later. One person was killed immediately and a second died in hospital soon after as a result of injuries received. Another person is reported to have died at the time from a coronary thrombosis. Acute radiation syndrome (ARS) was originally diagnosed in 237 people on-site and involved with the clean-up and it was later confirmed in 134 cases. Of these, 28 people died as a result of ARS within a few weeks of the accident. Nineteen more subsequently died between 1987 and 2004 but their deaths cannot necessarily be attributed to radiation exposure. Nobody off-site suffered from acute radiation effects although a large proportion of childhood thyroid cancers diagnosed since the accident is likely to be due to intake of radioactive iodine fallout. Furthermore, large

areas of Belarus, Ukraine, Russia and beyond were contaminated in varying degrees. While the rushed evacuation of the local population was underway, a spike in radiation was noticed in some European countries. The official news went public only two days after the tragedy. As dangerous fumes were leaking into the atmosphere and water for two more weeks, Ukraine, Belarus, and a few parts of Russia were majorly affected. Radiation, however, touched many other countries of Europe. A nuclear cloud was dispersed over Finland, Sweden, and other territories. In fact, it reached as far as the British Islands.

7. Damage to Human Health. The health effects of the Chernobyl accident have been the subject of unprecedented study by health professionals and unprecedented speculation and exaggeration by parts of the media. Radiation is a quick menace that embeds itself deep in a victim's body. While initially killing less than a hundred individuals, the radioactive cloud spread across large territories over time. In fact, the amount of radiation was many times higher than the radiation released after the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki, and an echo is still heard in cancer cases in Belarus and Ukraine. Southern Belarus suffered the biggest burden, as many children suffered from thyroid cancer linked to the cesium radiation. According to the United States Nuclear Regulatory Commission, children in 1986 were drinking milk from cows contaminated with a radioactive iodine and were therefore receiving a very high amount of it to their thyroid glands. Approximately 6000 thyroid cancer cases were diagnosed among the youngsters. There is no proof, however, that the Chernobyl explosion is connected to other types of cancers in the region, such as leukemia.

6. Residents Left Behind. The most nonsensical action, however, was the evacuation of 336 000 people from the regions of the former Soviet Union, where during the years 1986 – 1995 the Chernobyl fallout increased the average natural radiation dose (about 2.5 mSv per year) by 0.8 to 1.4 mSv per year, i.e. by about 30% to 50%. The evacuation was based on radiation limits recommended by the International Commission for Radiological Protection (ICRP) for “the event of major radiation accidents” and on recommendations for protection of the general population, which were tens to hundreds of times lower than natural doses in many countries. In the asphalt paved streets of the “ghost town” of Pripjat, from which about 50 000 people were relocated, and where nobody can enter without special permission, the total external gamma dose rate measured by a Polish team in May 2001 was 0.9 mSv per year, i.e. the same as in Warsaw, and five times lower than at the Grand Central Station in New York. The evacuation led to development of mass psychosomatic disturbances, great economical losses, and traumatic social consequences.

Over a hundred thousand locals were relocated right after the accident, with thousands more to follow. However, about 1200 people, most of them older women, decided to stay or run back home. What motivated them? During interviews, most spoke about their love of their native land. According to CNN, these women illegally returned to their failing cottages because they received only meager financial support from local authorities and simply needed their land to survive against starvation. Some of them were allowed to stay, half-illegally, because they were past childbearing age. Surprisingly, not only did they survive the long aftermath of the accident, but they're still alive today in their 80s or even 90s. About 3 km away from the reactor, in the new city, Pripjat, there were 49,000 inhabitants. The old town of Chornobyl, which had a population of 12,500, is about 15 km to the southeast of the complex. Within a 30 km radius of the power plant, the total population was between 115,000 and 135,000.

5. Devastated, but still functional. Many of us mistakenly think that Chernobyl plant was shut down for good right after the explosion. However, that's not the case. According to the United States Nuclear Regulatory Commission, the other three reactors were soon restarted. They became fully functional again between October 1986 and December 1987. Reactor № 2 suffered a turbine building fire and was closed in 1991. № 1 was shut down in November of 1996 and the last reactor № 3 was finally stopped in December 1999.

4. A Secret missile radar. In 1986 the Cold War was still silently raging on the land where Chernobyl stands. It's no surprise that it was carefully guarded. However, it wasn't the only protected facility in the region. There was and still is a secret missile radar built in the 70s about 25 miles from Chernobyl that's now a part of the exclusion zone. According to the newspaper English Russia, it was called both Chernobyl-2 and Duga-1 and wasn't shown on any official map. Its intention was to detect missiles being launched from as far away as the United States. Civilians were prohibited to approach within a few miles, and about 1000 soldiers and officers who worked there lived in a tiny town with a single street called Kurchatov Street. All of them and their families were immediately evacuated after the disaster but the station remained standing tall. The structure was initially ordered demolished but the plans were rescinded under concerns that the tremors would damage Chernobyl sarcophagus.

3. A place for scientists and tourists. Secret and mysterious locations always attract people for various reasons. For some, Chernobyl is place of scientific exploration, while for others it's a curiosity to tell others about. It's also a place to make money. There are a few companies that provide tourist services to people wanting to experience the spooky abandoned town of Pripyat or glimpse the city itself. Chernobyl Tour, one of the official companies, reports that one day visits don't cause any harm to your health. You might even be able to visit that radar station. In the 10-kilometer zone, it is allowed to stay for 1 day, in the 30-kilometer zone – no more than 4 days.

The objects, which are allowed to visit, are: the observation deck overlooking the Chernobyl «Shelter»; Prometheus monument and memorial plaques to those killed in the accident; Chernobyl cooling pond and feeding the catfish; the central streets of the abandoned city of Pripyat (walking tour); some village areas where people live; cemetery of machines, which participated in the liquidation of the accident; a secret military facility of the Cold War time. In addition, you can check your feelings inside Chernobyl staying at hotel during 2-day Chernobyl tour, and visiting the hats of self-settlers, who usually are happy to meet the guests. Most guides are former residents who witnessed the accident and subsequently studied everything connected to it. They bring tourists to their homeland, and talk about scientific and technological progress and fatal human error, about the memories and dreams, about death in Chernobyl and about the life after that death.

And you may be interested what the rules for visiting Chernobyl are? CEZ territory is fenced with barbed wire, at the entrance there are checkpoints. Lists of tourists are applied in advance to the relevant authorities. At the entrance to the area, it is required to have a passport. *Recommended:* to wear closed-fitting body garment; do not eat, drink or smoke in the open air; do not touch the plants and facilities; do not drink water from land-based sources; do not sit down and put the items on the ground; do not change confirmed route.

Absolutely *forbidden* to take and bring anything from the Zone. All the people, things and vehicles are monitored by radio-control devices. If necessary, the decontamination can be done at the checkpoint.

2. The Construction of a New Shelter. When the first sarcophagus was built in 1986, it was constructed hastily and in harsh conditions. Not surprisingly, it's ready to crumble and let out all the contamination again. A New Safe Confinement (NSC) structure is due to be completed in 2017, being built adjacent and then moved into place on rails. It is an arch 110 metres high, 165 metres long and spanning 260 metres, to cover both unit 4 and the hastily-built 1986 structure. The arch frame is a lattice construction of tubular steel members, equipped with internal cranes. The design and construction contract for this was signed in 2007 with Novarka consortium and preparatory work on site was completed in 2010. Construction started in April 2012 and was expected to take four years. The first half, weighing 12,800 tonnes, was moved 112 metres to a holding area in front of unit 4 in April 2014. The second half was completed by the end of 2014 and was joined to the first in July 2015. Cladding, cranes and remote handling equipment were fitted in 2015. The entire 35,000 tonne structure will then be moved 330 metres into position over the reactor building about November 2016, at about 10 metres per hour, and the end walls completed. Final delivery of the project is expected in November 2017.

The hermetically sealed building will allow engineers to remotely dismantle the 1986 structure that has shielded the remains of the reactor from the weather since the weeks after the accident. It will enable the eventual removal of the fuel-containing materials (FCM) in the bottom of the reactor building and accommodate their characterisation, compaction and packing for disposal. This task represents the most important step in eliminating nuclear hazard at the site, and the real start of dismantling. The NSC will facilitate remote handling of these dangerous materials, using as few personnel as possible. During peak construction of the NSC some 1200 workers were on site. The NSC is largest moveable land-based structure ever built.

1. Radioactive Fauna. The Chernobyl accident was a radiation event unique in human history, but not in the history of the biosphere. There is evidence of a number of episodes of greater radiation levels during the evolution of life on earth, e.g. due to supernovae. In terms of human losses it was a minor event as compared with many other man-made catastrophes but, in political, economic, social and psychological terms, its impact was enormous. While countless birds and animals were initially killed by the radiation, current living conditions for wild animals in the exclusion zone are not so conclusive. While there are fewer species of birds and some present have been severely physically affected (smaller brains and deformed beaks) some other species are actually thriving. With no humans around, Pripjat became a haven for wolves, beavers, and other animals looking to make a home in the ghost town.

This year the world commemorates the 30th anniversary of Chernobyl Nuclear Accident. You have already discovered 10 facts about the biggest nuclear disaster in the history and I hope you've found the answers to your questions. You know, Chernobyl was one of the most memorable disasters of the 20th century. It is fair to say that the dangers presented by former Soviet nuclear power stations in 2003 exceed those of a decade earlier. In the meantime, some 3.5 million people continue to live in contaminated zones. From a necessary panacea, evacuation of those living in zones with high soil contamination today has become an unpopular and slow-moving process. Elderly people in particular have returned to their homes in some areas. Animals continue to live in those "red" forests, acid rains do not stop mercilessly destroy forests. And our government unfortunately continues to hold their own opinion and does more important things. Of

course it is sad. But today we should be proud of that people who gave their life for it and try to change our reality instead of criticizing and crying.

P.S. In 2002, the United Nations confirmed that the most of places in the exclusion zone can be attended without harm to health.

P.P.S. In 2009, Forbes magazine named the Chernobyl nuclear power plant as the most exotic place for tourism on the Earth.

REFERENCES

1. <http://www.world-nuclear.org/information-library/safety-and-security/safety-of-plants/chernobyl-accident.aspx>
2. https://en.wikipedia.org/wiki/Chernobyl_disaster
3. <http://greentourua.com/chernobyl-today-all-you-need-to-know-about-the-disaster/>
4. <http://thelongforminterviewer.com/2013/06/24/chernobyl-a-story-from-inside>
5. <http://www.toptenz.net/10-facts-dont-know-chernobyl.php>
6. <http://list25.com/25-facts-you-may-not-know-about-the-chernobyl-accident/>

*Рекомендовано до друку науковими керівниками
к.філос.н., доц. Ф.А.Тихомировою, к.філол.н., доц. Л.М. Філюк
Стаття надійшла до редакції 16.06.2016*

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Богата Лідія Миколаївна – доктор філософських наук, професор кафедри культурології, Одеський національний університет імені І.І.Мечникова

Ісак Василь Михайлович – магістрант I року навчання, історичний факультет, Одеський національний університет імені І.І.Мечникова

Ковальов Денис Володимирович – випускник історичного факультету ДНУ імені Олеся Гончара, аспірант III року навчання кафедри історії та політичної теорії ДВНЗ «Національний Гірничий Університет»

Коробчук Анна Сергіївна – студентка IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Корчевська Олександра Володимирівна – студентка IV курсу заочного відділення історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Лобачьова Тетяна Олександрівна – студентка I курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Марчевська Анастасія Валеріївна – студентка IV курсу філософського факультету, відділення культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Нофал Фарис Османович – студент заочного відділення IV курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Олійниченко Олена Володимирівна – кандидат філологічних наук, викладач кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Паламарчук Вікторія Вікторівна – студентка IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Перевертаний Олександр Сергійович – студент III курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Поправко Олександра Олександрівна – студентка I курсу філософського факультету, відділення культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Присяжнюк Оксана Ярославівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Рубський В'ячеслав Миколайович – студент IV курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Самофатов Михайло Ігорович – студент I курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І.Мечникова

Сорокіна Ксенія Ігорівна – студентка IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Стебеляк Ольга Василівна – студентка III курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Топчий Валерій Ігорович – студент II курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І.Мечникова

Устименко Катерина Олегівна – студентка I курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Федорова Ксенія Георгіївна – студентка II курсу філософського факультету, відділення філософії, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Філюк Лілія Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Шевцов Олександр Сергійович – студент IV курсу історичного факультету, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Шевчук Катерина Валеріївна – студентка IV курсу філософського факультету, відділення культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Яковенко Вероніка Сергіївна – студентка I курсу філософського факультету, відділення культурології, Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

ШАНОВНІ КОЛЕГИ!

Запрошуємо до публікації наукових статей у збірнику “Полілог”, випуск 4.

Матеріали для опублікування приймаються від студентів, аспірантів та викладачів, які спеціалізуються у галузі історії, філософії та культурології. Наукові статті повинні містити: постановку проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання проблеми і на які спирається автор, виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з дослідження і перспективи подальших розвідок у цьому напрямку.

Вимоги до оформлення статей

- стаття подається без автоматичних переносів слів українською (російською, англійською) мовою;
- відцентрована назва публікації друкується великими літерами, над нею подається УДК, а під нею в центрі звичайними літерами – прізвище та ініціали автора, нижче курсивом – місце навчання (роботи), контактний телефон та електронна адреса;
- далі дається кратка анотація статті англійською, російською та українською мовами (не більше 600 знаків (рахуючи з пробілами));
- після анотації – ключові слова трьома мовами (5 штук):
- основний текст друкується через 1 інтервал шрифтом 14 Times New Roman Cyr.; поля ліворуч, вгорі, внизу – 2 см, праворуч – 1 см; відступ абзацу – 10 мм.
- сторінки не нумеруються;
- Посилання у тексті тільки кінцеві – в квадратних дужках, із зазначенням номера джерела відповідно до наведеного в кінці статті списку літератури, і сторінки (наприклад: [2: 32]);
- завершує публікацію «Література» (друкується жирним шрифтом), подана в **алфавітному** порядку з дотриманням вимог МОН України.
- студенти, аспіранти та молоді вчені без наукового звання додають **рецензії** своїх наукових керівників.

В окремому файлі подаються відомості про автора (прізвище, ім'я та по батькові повністю), науковий ступінь, вчене звання, місце роботи, посада, домашня адреса, телефон, електронна адреса.

- обсяг – **8–10 с.**
- термін подачі – **до 28 травня 2017 р.**
- матеріали надсилати за адресою: **prysokyar@rambler.ru**
- контактний телефон: +38098–65–90–711 Присяжнюк Оксана Ярославівна

